

ПРЕДИСЛОВИЕ.

коб (Яков, Джекоб) Леви Морено ...Кем он только не был? И кудесником, и Яапологетом, и всеобщим миротворцем, и создателем новых методов в самых разных областях, новой философии и новой религии. «Креативный был мужик — сказал один психотерапевт — один “пустой стул” чего стоит...» А социодрама на городской площади — игра с тысячей человек. А «волшебный магазин». А сколько мифов, да еще изобрел магнитофон¹...

Само происхождение Морено окружено легендами. Точная дата его рождения неизвестна: 1889, 1890 или 1892, а место его рождения, его собственный **locus nascendi**², не имеет локализации. Морено родился на корабле во время путешествия родителей по Черному морю. Да и семья его не была обычной, в общепринятом смысле, еврейской семьёй: мать приняла католичество, отец мечтал стать актёром в театре. Жили они в Бухаресте, одном из самых крупных городов Австрийской империи. Когда мальчику исполнилось 5 лет, переехали в Вену. Роскошную, манящую, ветреную и изменчивую, как светская красавица, окутанную блистательным шлейфом великой музыки и великих имён. Там он провел лучшие годы своей жизни, учился в гимназии, слушал лекции Фрейда, окончил университет с двумя дипломами – врача и философа...

* * *

Современная эпоха освоила его идеи так глубоко, что забыла имя их автора. Усвоение через забвение... Его парадигмы, внешне напоминающие притчи, написанные более 50-ти лет назад, очень точно объясняют любые современные события, происходящие в любой точке земного шара. Целые пласты театра и киноискусства несут на себе печать его стиля. На всех континентах растет число психодраматических групп и ширится социометрическое движение. То, что на Западе было точкой отсчета, что было глубоко усвоено (и благодаря этому ушло в подсознание), та мореновская основа, одна из основ западной науки и терапии, воспринимается нами в обратном порядке — через многие последствия и последователей.

Он создал: групповую психотерапию, социометрию, психодраму, социодраму, а также социатрию (как социальную терапию, пользующуюся методами и результатами социометрии), соционию (теоретическую основу социодинамики³ и социогенетики⁴, науку о том, какие бывают люди и группы, т. е. изучающую соционимы⁵) и многое другое, что серьезно повлияло на несколько гуманитарных областей — психологию, социологию, философию, театр... “Мы рассматриваем социометрию как метод, который при последовательном и широком применении поднимает нашу науку из состояния

¹ см. стр. 141-145

² Locus nascendi – место рождения (лат.) особое понятие, которое Морено использует для обозначения первоначального состояния любого явления или предмета, его креативной точки, где оно сотворено (стр. 42-43 и 2, стр. 25-26)

³ Социодинамика – изучение, диагностика и трансформация социальных процессов, картина событий, картина дифференциации и ассоциации субъектов, группирование (см. также «социодинамический закон» в алфавитном указателе важнейших понятий а также Послесловие)

⁴ Социогенетика – социометрическая (в т.ч. локометрическая и пр.) картина генезиса социального пространства, происхождение, преемственность и архитектура различных форм социальной организации (см. также «социогенетический принцип» в алфавитном указателе)

⁵ Соционимы — имена групп и социальных качеств, признаков, по которым может быть образована социальная группа или категория, социальный архетип

общественно-научной астрологии на высоту астрономии” — пишет немецкий социолог и психолог Леопольд фон Визе (4).

У него многому научились Курт Левин, создатель динамической теории личности и многих методов групповой работы, Вирджиния Сатир, создательница семейной терапии. Многие «столпы» современной западной психологии и социологии учились в институте Морено в Нью-Йорке или прошли психодраматерапию. Например, в 40-е годы Рональд Липпит, Леланд Бредфорд и Кеннет Бенне, учившиеся одновременно и у Курта Левина, создали чрезвычайно популярное и мощное направление в тренинге — групповую динамику. Курт Левин говорил: «Если бы не Морено, я бы не занялся групповыми процессами». «Особая атмосфера Института Морено вдохновила также таких крупных ученых, как Фриц Перлз, основатель гештальттерапии, Эрик Берн, основатель транзакционного анализа, и Георг Бах, изобретатель марафонских групп» (6, стр.333). Даже первые публикации представителей направления НЛП появились в журнале Морено «Социометрия».

Подобно Жюлю Верну он сделал то, что под силу нескольким научным коллективам вместе взятым. По всему миру созданы институты, носящие его имя, выпускающие специалистов-универсалов, имеющих, впрочем, свои специализации: психодраматерапевт, социометрист, социальный работник, социодраматист, организационно-управленческий консультант, бизнес-тренер, морено-педагог, тренер широкого профиля (например по игровому обучению иностранным языкам), исследователь. И каждый из них должен пройти не менее 900 часов собственного личного (и личностного) участия в групповой психотерапии, где обычно случается не менее 50 психодрам, где группа выбирает его как главного героя-носителя групповой темы, протагониста⁶ Это долгий и нелегкий путь. При переводе на язык, принятый сейчас в мире, каждую из этих специальностей можно было бы назвать: психолог, социолог и философ одновременно и с практической ориентацией. И полнопрофильные Морено-институты (Сидней, Уберлинген-Бодензее, Холвелл) стараются сохранить эту комплексность во всех своих специализациях...

Где бы ни появлялся Морено, всюду он нес собой дух творчества и обновления. Всего через 7 лет после своего переезда в США он выступает на годичном собрании Американской психиатрической ассоциации с предложением о внедрении групповой психотерапии в работе с пациентами психиатрических больниц, воспитанниками исправительных колоний и заключенными тюрем, и о введении новых понятий: «групповая терапия» и «групповая психотерапия»⁷. В 1936 в своем терапевтическом санатории в Биконе (близ Нью-Йорка) он строит специальный психодраматический театр со сценой на четырех уровнях. В том же году создает собственное издательство, в котором начинает выходить знаменитый журнал «Социометрия», и с 1947 года — журнал «Социатрия», который последовательно переименовывался: «Групповая психотерапия» и «Групповая психотерапия и психодрама». В 1938 году Морено начинает преподавать социометрию и групповые методы в Колумбийском университете и в школе социальных исследований штата Нью-Йорк, впоследствии также и в Нью-йоркском университете. В 1942 году им был основан Социометрический институт, а в 1945 году совместно с его американскими учениками — Американское социометрическое общество⁸.

В 50-е годы психодрама и социометрия возвращаются в Западную Европу и немецкоязычное пространство. В России о психодраме ещё ничего не знают, однако она не исчезает из поля зрения самого Морено — в 1925 году он выбирал между иммиграцией в США и в Россию, которая привлекала его своей динамичностью и спонтанностью. А также своим драматическим театром, достигшем расцвета во времена К.С. Станиславского, чьей системой Морено серьезно интересовался и испытал на себе ее

⁶ Протагонист – первый игрок» от греческого «протос» — первый и «агон» борьба, игра, соревнование

⁷ Подробнее о триадической системе Морено – см. послесловие

⁸ Данные Г.Лейтц (2)

существенное влияние. В самый разгар холодной войны Морено выступает с идеей организации прямого диалога двух мировых лидеров Эйзенхауэра и Хрущева, в ходе которого предлагает им обменяться ролями.

В это время социодрама уже использовалась Морено для работы по терапии социальных конфликтов, и Морено верил в ее возможности по предотвращению глобальных конфликтов и войн. Он был патриотом всего человечества.. Так или иначе, в России нашлись люди, которых он интересовал в том или ином качестве И в 1959 году Морено все-таки приезжает в СССР.

Естественно, овеяны легендами его посещения психиатрических учреждений Москвы и Ленинграда, встречи с психологами (социологов еще (и уже) не было). Вот, например, одна из них (Морено иногда легче понимать через легенды). На открытую демонстрацию психодрамы для психологов и журналистов опоздал один журналист, который, впрочем очень быстро втянулся в действие, хотя и не знал “правил игры”. Очень скоро, вовремя одной сильной, “катарсической”, как говорят, сцены он вдруг закричал: “Я запрещаю Вам показывать сцены из моей жизни!”, чем продемонстрировал невиданную доселе спонтанность, вызванную сеансом мэтра, (ибо журналист, как Вы понимаете, был иностранный). Да, наверное легенды передают какую-то концентрированную сущность метода в целом, но все же терапевтический театр психодрамы подают как некое чудо. Нисколько не умаляя значения легенд (которых Морено не опровергал), окружающих его практику, его научная, теоретическая и практическая деятельность не только вылилась в создание нового направления гуманитарного знания, не только стала целой ветвью из нескольких наук о человеке и группе , но и прошла серьезную апробацию в методологии традиционных наук и была признана вполне научной (особенно в США).

Что касается социологов, то степень знакомства с работой Морено или осознания его влияния – на порядок ниже. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что среди социологов, считающих себя его учениками такие фигуры как Г.Гурвич, И.Гоффман, Л.фон Визе, Т.Ньюкомб, Т.Сарбин, Л.Котрелл и др.. Впрочем, в свое время Морено к этому и не стремился: «Пока я главным образом занимался созданием основ, которые позволили нам систематически и точно изучать коллективные явления в человеческих отношениях, я не удовлетворялся сложными размышлениями и изощренными мечтами относительно идеи коллективности, как бы благородны они ни были, представлениями о юридических, социальных или культурных институтах, хотя знал, что очутился бы в хорошей компании многих выдающихся социологов» (стр. 275).

Теперь, открывая бесчисленное количество современных и давно изданных книг и учебников по социологии и психологии, заглядывая и в алфавитный указатель, и в систематический (за понятиями, которые уж точно предложены Морено: малая группа, групповая терапия, социальная смерть, групповой статус, социальный атом и др.), мы видим их широкое использование и чрезвычайно редкое упоминание имени самого Морено. Подавляющее большинство русскоязычных социологов не знают «такого социолога», но зато знают «что такое социометрия». И чаще всего уже подсчитывали в таблицах «индексы популярности» членов какой-либо группы. Мой учитель по социологии проф. В.В.Щербина когда-то заметил: «А ведь социометрия — единственный истинно научный метод в нашей науке.» — «А как же другие?» — «Других пока не создано».

С тех пор многое изменилось, но девственная для социометрии страна как будто готова и теперь воспринять социальную панацею, не глубоко ее переваривая и трансформируя. Тем более, что Морено вообще был переведен и издан на русском языке до сих пор только один раз⁹ (если не считать другой его книги «Театр импровизации»¹⁰).

⁹ Единственный экземпляр этой книги в Ленинской библиотеке, доступный до 1995 года, был так силь-но испещрен множеством вольных и невольных комментариев, от которых не мог удержаться самый воспитанный читатель, что этот экземпляр был заштабелирован в закрытом хранилище в г. Химки.

«Социометрия», изданная в 1958 году накануне приезда Морено в СССР была в значительной мере изъята из библиотек и осталась лишь в считанных экземплярах.

Исторические же обстоятельства появления в печати этой книги довольно странны. Совершенно невероятно, чтобы цензура пропустила открытую критику Маркса и СССР. Даже в хрущевскую «оттепель», пик которой приходится как раз на 1958 год. Даже в условиях намечающегося визита «видного буржуазного психолога» Морено в СССР. Даже, если преподнести всё это в виде свободной «критики буржуазной философии и психологии» в «духе социалистической демократии». Видимо тут сказалась «обыкновенное чудо», неистребимая мистика, всегда окружавшая имя Морено.

Совершенно апологетичное предисловие, которым снабдил перевод М.Бахитов, да и качество самого перевода искажали восприятие (и без того искаженное) советского читателя настолько, что теперь складывается впечатление, что только в *такой* «упаковке» и могла появиться *такая* книга. Но шок, охвативший бы любого редактора (не говоря уже о Главлите), раскрывшего наугад (например в разделе «Политическая социометрия») верстку, мог свести на нет все усилия по публикации (хотя некоторые фрагменты о Сталине и Троцком, о коммунистах и фашистах всё таки были вырезаны; в новом переводе они естественно, восстановлены).

За 4 десятилетия, прошедшие с выхода этой книги, попытки применить на практике методы социометрии не только потеряли счет, но и потеряли всякую связь с первоисточником. Впрочем все по порядку. Сначала вышла статья Я.Л.Коломинского и А.И.Розова в журнале «Вопросы психологии»¹¹. Социометрия уже приобрела относительную известность (как «модная» на Западе теория), когда в 1966 году Морено был приглашен в Москву на XVIII Международный психологический конгресс, где в симпозиуме № 35 Я.Л.Коломинским был сделан доклад «Экспериментальное исследование межличностных отношений в классе». В 1970 году в Ленинграде вышла брошюра И.Волкова «Основы социометрии», рассказывающая о том, что такое социометрия и как проводить социометрические измерения в группе. Не претендуя на передачу духа и идеологии метода, она сухо пересказывала «голую» технику, формулы вычисления групповых индексов и рисования стрелок выборов. Потом были статьи Я.Коломинского, Г.Андреевой, И.Волкова, В.Паниотто и др., оживленные дискуссии в группе аспирантов первого набора Института конкретных социальных исследований АН СССР и на первой в истории России кафедре социальной психологии МГУ, рожденной первоначально на философском факультете, а позже оказавшейся в составе факультета психологии. Далее уже цитировались и копировались вышеупомянутые, которых цитировали и копировали другие и т.д. Про Морено забыли.

К середине 70-х уже многие психологи и социологи имели общее представление о количественной методике диагностики малой группы, носившей название «социометрия» и потерявшей всякую связь с ее создателем и в особенности с его идеями. К этому времени появились гуманитарные специалисты прикладного характера деятельности: социологи и психологи на предприятиях и в учреждениях, психологи-терапевты в околomedicalных кругах, педагоги-новаторы, стремящиеся к использованию социометрии или ролевых игр в своей работе. В методических брошюрах и изустно передавались рецепты «социометрических» замеров и различных смешанных и комбинированных методик (референтометрии, ранжировки предметно-ценностных ориентаций в сочетании с социометрией), подсчитывались «индексы популярности» и использовались потом для соответствующих обоснований.

¹⁰ Морено Я.Л. Театр импровизации. *Evrasivskij Vremeni*k, Berlin 1928 (перевод В.Зеньковского и В.Ильина) и перевод дополненного самим Морено американского издания 1949 года: Морено Дж. Театр спонтанности. Красноярск. 1993

¹¹ Коломинский Я.Л. Розов А.И. «Изучение взаимоотношений школьников социометрическими методами» «Вопросы психологии» № 6 за 1962 год

Тогда и появились “социометрические” анонимные анкеты с вопросами в лоб: ”С кем из перечисленных здесь членов вашего коллектива Вы пошли бы в разведку?”, или “С кем Вы пошли бы в ресторан?”, или “С кем вы поехали бы на отдых?”. Вопросы эти, кстати, всегда воспринимаются весьма абстрактно. “Разведку” каждый видит по-своему (если вообще видит), но при этом, несмотря на анонимность, каждый чувствует, что какие-то отношения в группе (пусть не все), связи могут открыться. И от всего этого напряжение только возрастает. «К сожалению, большинство исследователей при использовании социометрических техник уделяли одностороннее внимание индексу выборов/предпочтений 1, который теперь применяется столь широко и поверхностно: от вопросов «как часто у вас бывают свидания?» и «кто ваши друзья?» до адресованного детям вопроса «кого ты больше любишь, отца или мать?» (для исследования фрейдистской гипотезы Эдипа), часто без упоминания социометрического отцовства...Количественный анализ выборов и отвержений прост и даёт немедленный результат. Структурный анализ социограмм и психогеографических диаграмм труден, требует много времени...Без спонтанности и процесса разогрева всей группы в аспекте общей проблемы социометрические тесты становятся бесполезными. (стр.277-278).

Проблемой тех, кто хочет применять социометрию на практике, является не только полное отсутствие учителей, обучающих методам Морено как единому целому (социометрия, психодрама и групповая терапия), но и отсутствие первоисточников и учебников на русском языке. Учебники Э.В.Капитонова (1996) и Г.Волковой (1998) уже упоминают социометрию и социодраму в связи с их действительным теоретическим фундаментом. Эта книга не может быть учебником, ее ценность, несомненно, теоретическая, методологическая и идеологическая. Но как только всякий (кто этого действительно захочет) начнет учиться практике в непосредственном общении с учителем (у психологов это называется work-shop или по-русски «мастерская»), то сразу же посмотрит на предлагаемый новый перевод Морено другими глазами. Личное участие в психодраме или социодраме, несомненно, подвигнет к особенно глубокому осмыслению некоторых страниц. К душам вступающих на этот путь обязательно дойдут слова мэтра: «То, что мы действительно **делаем** во время социометрических операций, социометрического теста или социодрамы, определяет и иллюстрирует наши термины и концепции. Это до известной степени компенсирует некоторые непоследовательности или по крайней мере исправляет представления, полученные из плохо сформулированных определений» (стр. 275).

Существует предание, которое из уст в уста передаётся социометристами. Морено пригласили в учебно-воспитательную колонию в городе Хадсоне, близ Нью-Йорка, где жили, учились и работали 500 девушек из самых разных слоев общества, различные по своим национальным, культурным, религиозным и другим признакам. У колонии были хорошие попечители, которые пригласили добропорядочных организаторов, построили благоустроенные коттеджи, производственные мастерские, учебные классы и обучили воспитательниц, специально назначенных в каждый коттедж. Везде — во время учебных занятий, на работе, в столовой — девушки не были предоставлены сами себе, за ними следили воспитательницы. При этом руководители колонии находились в постоянном напряжении и недоумевали: «Ну чего им не хватает? Условия хорошие, масса возможностей для развлечений и спорта, учителя хорошие, а они — все время в оппозиции, все время в состоянии сопротивления, какого-то недоверия, а то и заговора, и все время хотят сбежать отсюда. Куда? В свои ужасные несчастные семьи, к нищим и пьющим родителям? И почему в каждом домике постоянные ссоры? Что им делить?» Руководители представляли себе, что вот, врач-консультант побеседует с глазу на глаз, как психиатр, с зачинщиками постоянных конфликтов и даст им какие-то лекарства или внушит им что-то. Словом, попытается вылечить. Однако Морено, приехав со своей командой, не оправдал их ожиданий. Он просто пришел в столовую, где за столами по четверо чинно сидели девушки. Морено спросил руководительницу, смотрящую не без

удовольствия на эту чистоту и порядок: «Могу ли я обратиться к девушкам с предложением?» «Да, конечно, доктор!» — с готовностью ответила руководительница. Тогда Морено попросил девушек встать и выбрать с кем они хотели бы сидеть вместе за одним столом. Мгновенно весь внешний порядок исчез и в столовой наступил хаос.

Восьмеро бегут к одному и тому же столу, к девушке, с которой они все страстно желают сидеть вместе. Остальные распределяются по немногим притягивающим их «звездам» и одна — остается в изоляции, то есть вообще без выборов, без внимания (см. социогамма *laissez faire* (**анархическая**) **стр.120**). Но за каждым столом всего 4 места и воспитательнице приходится приложить немало усилий чтобы рассадить девушек принудительным образом. Она видит, к чему приводят такие «демократические» эксперименты и, не обращая внимания на чувства своих подопечных, назначает «лидеров» за каждым столом и рассаживает всех так, как ей удобно (см. **автократическая** социогамма (**стр. 122**)). Теперь Морено проводит социометрический тест и после обработки результатов находит оптимальное размещение, учитывающее по возможности наибольшее число спонтанных выборов, выражающих искренние чувства предпочтения. Он добивается максимально возможной в данной ситуации взаимности и удовлетворения как можно большего числа взаимных выборов 1-го уровня, потом 2-го, потом 3-го (у каждой — только три выбора). Полученное размещение парадоксальным образом соединяя и групповые интересы, и частные, весьма интимные, создает группу с оптимальной структурой (**демократическая** социогамма, **стр. 123**). Проведенный через несколько недель после изменения в размещении новый социометрический тест показывает, что удовлетворенность повысилась, климат в группе улучшился, да и у воспитательницы напряжение поубавилось.

Эти три социогаммы — анархическая, автократическая и демократическая символизируют собой две крайности в состоянии любой социальной структуры и оптимальный компромисс между ними, который требует постоянного поиска и перегруппировок. Крайности, конечно, порождают друг друга: стремление к ничем не ограниченной свободе приводит к жесткому упорядочиванию и диктатуре. «Закручивание гаек» рано или поздно приводит ко взрыву спонтанности, обширному разрушению социальной структуры и общей культуры. Как же измерить в конкретной социальной структуре ее напряженность и степень близости к той или другой крайности? Культурные представления о демократии, например, оказываются лишь теоретическим идеалом и не могут дать обратной связи субъекту, действующему в конкретной ситуации. «Понятие «демократический» является расплывчатым, и каждый раз, когда оно используется в эксперименте, должно определяться операционально. Социометрический подход по своим целям не принимает ни чьей стороны, он нейтрален, он открыт для всех типов социальной структуры» (**стр. 236-237**). Социометрический метод измерит социальную напряженность в конкретной ситуации по **индивидуальной норме** данной группе «здесь и сейчас» (это и есть «metrum-мера¹²» в слове «социометрия») и прогнозирует изменения в ней не по близости к декларируемым идеалам, а по конкретно направленным выборам и их критериям, а также по сплоченностям¹³ и их направленности.

Любой критерий (ситуация) социометрического выбора снаружи может показаться несущественным, если не видеть всего смысла, который так важен участникам данной ситуации. Критерий «столовая» может быть весьма условным для социометриста, не погруженного в ситуацию закрытого воспитательного заведения и привыкшего к широкому выбору людей для общения (например, в большом городе). Самым важным становится степень участия каждого в эксперименте. Социометрист «не может наблюдать их, как наблюдают небесные тела, а затем составлять диаграммы их движений и реакций. Он упустит сущность ситуаций, если будет играть роль ученого-разведчика. Процедура должна носить открытый и явный характер. Члены коллектива должны стать в какой-то

¹² См. «мера общения» в алфавитном указателе и комментарии

¹³ См. «сплоченность» в алфавитном указателе а также комментарий.

мере участниками проекта. Степень участия является минимальной, когда члены группы согласны **только отвечать на вопросы относительно друг друга**» (стр.52).

Максимально возможная мотивация участия в эксперименте возможна при слиянии измерения и преобразования, переходу от диагностики к терапии, задачи которой ясны каждому. Для того, чтобы дойти до глубины, до сути «здесь и теперь» социометрист должен полностью погрузиться в то, что уже происходит в группе, и в этом русле предложить новое групповое действие в социометрическом и социодраматическом духе. На какое-то время он должен стать лидером этого действия, социодраматистом. Групповое действие выявляет с помощью концентрации всей жизни группы (в форме игры) новые еще более существенные критерии выбора и еще более важные ситуации, которые становятся явными с помощью *социометрии*¹⁴ в движении, то есть **социодрамы**, в которой группа видит пути решения своих проблем.

Как же социометрист может сочетать в себе полную вовлеченность в ситуацию и групповую реальность с нейтральностью, беспристрастностью исследователя и терапевта? Ведь любой человек несет в себе какую-то культуру, какие-то ценности, а социальный ученый еще и концепции, понятия, которыми он оперирует, говоря об обществах и ситуациях. Более того, человеческая ситуация сама состоит из мыслящих, чувствующих и действующих людей, также имеющих свои представления и ценности. С обеих сторон — полная субъективность. Где же наука? Лучший ответ дает своей книгой Морено.

«Прежде чем приступить к построению основ теории социометрии, я решил начать с того, что подверг сомнению ценности, и, если нужно, отбросить все существующие социальные концепции, решил не принимать ни одной социологической гипотезы за достоверную, начать с пустого места, как будто ничего не было известно о человеческих и социальных отношениях. Это было радикальным искоренением, по крайней мере из моего сознания, всего знания, полученного из книг и даже из моих собственных наблюдений. Я настаивал на таком подходе не потому, что сомневался, что у других ученых до меня не было значительных идей, но потому, что их наблюдения были в большинстве случаев умозрительными, а не экспериментальными» (стр. 35).

На самом деле Морено начинает не с пустого места. «У астронома имеется его вселенная звезд и других небесных тел, видимо распространенных в пространстве. Их география дана. Социометрист находится в парадоксальной ситуации, когда ему приходится строить и наносить на карту свою вселенную, прежде чем он может приступить к ее исследованию» (стр.276). Дело в том, что социометрический подход использует не привычный обобщающий метод, который считается универсальным для любой науки, а индивидуализирующий (по терминологии Генриха Риккерта¹⁵ есть два совершенно различных метода в науке 1) обобщающий и 2) индивидуализирующий (см. таблицу)

Обобщающий метод (естественные науки)	Индивидуализирующий (исторический) метод (гуманитарные науки)
Дает научное знание о природном явлении, сформулированное на общем языке позитивной науки или данной дисциплины	Дает научное знание об уникальном и неповторимом социальном явлении, сформулированное на языке данной сферы или ситуации
Мы можем и должны использовать знание, полученное предшественниками, потому что оно <i>универсально</i> для всей природы (но этот метод нельзя применять к социальным явлениям).	Мы можем использовать только социометрическое знание, этим методом нельзя получить универсальное знание (см. стр. 49)

¹⁴ Здесь термин «социометрия» использован в узком значении (см. послесловие)

¹⁵ См «Науки о природе и науки о культуре» Г.Риккерт М. «Республика» 1998г.

<p>Объект – явление природы Субъект-объектное отношение исследователя к своему объекту</p>	<p>Субъект-субъектное отношение между социометристом и человеком или группой и вообще между всеми участниками эксперимента, каждый из которых — активный и равноправный субъект этих отношений</p>
--	--

Это был вызов позитивистской традиции, оформленной Миллем и Контом, и впоследствии укоренившейся во всей социальной науке. И хотя практический и теоретический подход, предлагаемый Морено, и сейчас выглядит в глазах социологов и психологов и представителей всех социальных наук (может быть, кроме философов) новым и необычным, мы можем назвать предшественников Морено из XIX века: в философии и истории это — неокантианцы Баденской школы (прежде всего Г.Риккерт) и такие мыслители как М.Бубер, в социологии, например – русские социологи-субъективисты П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский, С.Н.Южаков, Н.И.Кареев, С.Н.Кривенко. Вызов, который рядом с величественными зданиями социологических систем выглядел наивно, но...«...это была наивность того, кто пытается быть невежественным, чтобы освободиться от штампов и предрассудков, надеясь, что путем разминки (разогрева), перед тем как играть роль наивного, он может вдохновиться на разрешение новых проблем» (стр.36). Подход (остающийся и сейчас достаточно непривычным и новым во многих гуманитарных науках кроме, пожалуй, философии) проявляет себя во всем: в отношении к объекту исследования (субъекту), в первичности существования субъекта, во вторичности гипотез, в относительности истины, в необходимости погружения в конкретную ситуацию и во многом другом.

Индивидуализирующим методом также можно получить научное знание. Но это больше, чем знание, это уже само по себе – прямое непосредственное отношение к конкретным людям, участвующим в эксперименте, сопричастность и вчувствование. Несомненно, в этом подходе ученый также делает осознанный **выбор** изучаемых событий, людей, сфер и др, когда, идя за группой, помогает ей оформлять сюжеты, которые ее волнуют (например, в социодраме) в действие, и тогда, когда выбирает сферы своих интересов, группы (здесь случайности не так уж и часты) или помогает опознать знакомых персонажей, проглядывающих в игре, *концентрируя* саму жизнь данной группы. Да, «субъективизм этой концентрации весьма ответственен, но невозможно адекватно сконцентрировать жизнь без таланта, а талант—всегда большая ответственность» (14, стр.255).

Морено впервые заговорил о необходимости **погружения в ситуацию**, пытаюсь «устранить из своей памяти и особенно из своих действий такие термины и понятия как «индивидуум», «группа», «массы», «общество», «культура», «мы»...»(стр.36), (которые наши социологи априорно берут с собой как инструменты еще до погружения в реальность объекта). Он учился не рассуждать, не употреблять любые понятия вне конкретной ситуации, вне непосредственного общения с теми людьми, о которых он пишет или говорит. Так в социодраме может появиться конкретное «Мы» или обозначится конкретная общность (а не вообще социальная группа), которую можно *здесь* увидеть и *сейчас* с ней пообщаться, но не ради достоверной информации, а ради достоверного действия.

Социальная наука не может бесстрастно констатировать, будто речь идет о звездах или бактериях. Ее правда — не в точности и воспроизводимости результата. Ни один добросовестный социальный эксперимент или наблюдение нельзя повторить и **воспроизвести в точности** тот же результат. Ни один добросовестный гуманитарий не сможет настаивать на универсальности полученного им знания. «Мы, однако, не должны забывать о том, что, как бы ни увеличились наши знания с течением времени и как бы точны ни были наши социометрические данные о некоторых участках человеческого

общества, нет никаких выводов, которые могут "автоматически" переноситься с одного участка на другой, и никакие заключения не могут быть "автоматически" сделаны относительно той же самой группы в разное время. Каждая часть человеческого общества должна всегда рассматриваться в ее конкретности». (стр. 48-49)

Однако социальный эксперимент имеет свою ценность и свою точность. Это точность концентрированной, художественной истины, которая не менее ответственна, чем точность и достоверность естественнонаучная. Это знание не ради знания. Здесь просто нельзя отделить получение знания от его использования. Это знание ради действия. «Я был абсолютно убежден в истинности моего восприятия. Оно, казалось, наделило меня пониманием жизни еще до того, как опыт и эксперимент проверили его точность. Стоило мне увидеть какую-либо семью, школу, церковь, палату конгресса или любой иной социальный институт, я всякий раз восставал против него; я ощущал их внутренние противоречия и у меня уже была готова модель для их замены». (2, стр.9)

Социометрия — это не только особая школа социальной науки и практики, не только подход к изучению **всех** социальных явлений в том числе и в аспектах **всех** социальных наук, но и **язык общения** всех гуманитариев, на котором не только может быть сформулирована модель любой степени сложности, но и которым можно пользоваться для поиска комплексного решения представителями всех без исключения гуманитарных наук. Гуманитарное знание (или целая наука) не может быть истинным или ложным, оно может лишь вести к действию правильному или неправильному при наличии множества условий, о которых говорит Морено, или называют Вебер, Риккерт, Лавров, Бубер, Гоффман, фон Визе и другие представители гуманитарных наук. Гуманитарная наука на наших глазах превращается в деятельность: 1) комплексную, преодолевающую разнопредметную разобщенность 2) в полном цикле действия: исследование-диагностика-терапия (консультирование) 3) диалогическую, т.е. вступающую в равноправный диалог со своим объектом, который таким образом сразу же превращается в субъекта 4) имеющую субъекта, активно участвующего в эксперименте и использующего его в своих интересах¹⁶ 5) постепенно сближающуюся с консультированием и все более тяготеющую к искусству.

* * *

Эта книга может быть очень полезна всем, кто занимается и интересуется **психодрамой**. Поскольку полным смыслом, заложенным в нее Морено, она наполняется только в синтезе с социометрией и групповой терапией. Для этого необходимо посмотреть на социодраму и психодраму шире, увидеть всю триединую (триадическую) систему в целом. И тут одних переводов первоисточников будет недостаточно, нужны школы, школы психодрамы, социометрии и групповой терапии, но лучше — целостные полнопрофильные Морено-институты (см. выше), где все собрано в единое целое. Опыт таких школ показывает возможности творческой адаптации методологии Морено на национальной почве при сохранении самого духа его системы. Пока еще односторонность нашего развития не позволяет увидеть триединую систему как целое в российском контексте.

Стоит отметить, что большой удачей для России и всего русскоязычного пространства стал выход в 1994 году перевода книги его непосредственной ученицы и коллеги доктора Грете Лейтц, собравшей и переосмыслившей огромный пласт текстов Морено от 1911 до 1973 года, от художественных произведений до научных статей, где кроме психодрамы фундаментально и доступно изложены основы социометрии применительно к психотерапевтической практике. Кроме того в этой книге впервые опубликованы и прокомментированы отрывки ранних философско-художественных

¹⁶ В понятие субъекта здесь может быть включен клиент, группа, сообщество, человек и сам социометрист или социальный групповой терапевт (в социометрии и психодраме, например, вообще могут быть только субъекты)

произведений Морено¹⁷, открывающих путь к более целостному пониманию всей социолого-психолого-философской триединой системы Морено.

Социометрия в широком понимании становится не только хорошим дополнением к методам психотерапии в узком смысле этого понятия, но и еще более эффективным средством помощи человеку в его социальном окружении, в **его социальном атоме** и становится универсальной методологией единой психологической и социальной терапии. «Социометрия имеет три отправных пункта: socius (companion) (социус-товарищ), metrum (measurement) (метрум-мера) и drama (action) (действие). В результате появились три области исследования: групповое исследование, метрическое исследование и исследование действием» (стр. 37). Этому соответствует триединая система Морено: групповая терапия, социометрия и социопсиходрама.

Социодрама	Групповая терапия (в том числе организационная арттерапия)	Социометрия группы
Психодрама	Групповая психотерапия	Перцептивная социометрия социального атома
В интегрированной терминологии		
Социопсиходрама (или психосоциодрама)	Групповая моренотерапия	Социометрия

Принципы групповой терапии едины и для социометрии, и для социопсиходрамы с кем бы они не работали: с одним человеком, с группой людей или с обществом. У каждого из приведенных в таблице понятий, обозначающих одну из трех составных частей триединой системы Морено, есть широкое (системное) и узкое (операциональное) понимание. Каждое может обозначать часть, работающую со своим аспектом группового исследования и действия, и каждое в определенном контексте может обозначать триединую систему в целом (как например «социометрия» в приведенной выше цитате). Незнание этого часто приводит к путанице при чтении текстов Морено, а также социометрической и психодраматической литературы (подробнее – см. послесловие).

Что касается психодрамы, то она появилась в СССР только в 1989 году и теперь 4 российских психодраматерапевта первого поколения создали 4 уже различных школы русской психодрамы: руководители – психодраматерапевты Елена Лопухина, Екатерина Михайлова, Нифонт Долгополов и Виктор Семенов (все – в Москве). И хотя социометрия присутствует в программах этих школ, она всецело подчинена задачам психотерапии и не имеет самостоятельного направления, также как и социодрама. Социодрама используется только как разогрев для психодрамы и очень редко становится самостоятельным методом социальной терапии или организационно-социологического консультирования.¹⁸

В настоящее время на территории СНГ истинных последователей Морено можно найти только среди психодраматистов. Психодраматическое движение в России попало на плодородную почву в стране “социальной спонтанности”¹⁹, где давно уже драматический (психологический) театр — один из лучших в мире. За 10 лет, прошедших после первого появления психодрамы в СССР, издано уже немало хороших книг (см. приложение) и поэтому здесь нет нужды подробно останавливаться на том, что такое психодрама.

¹⁷ Эти произведения 1911-1925 годов (многие из них — анонимные), разбросанные по брошюрам и журналам, стали теперь библиографической редкостью и в немецкоязычном пространстве

¹⁸ Сейчас в рамках русскоязычного пространства можно назвать практические примеры применения социодрамы и социометрии как единого и самостоятельного метода (Я.Коломинский, В.Семенов, Е.Лопухина, Р.Золотовицкий)

¹⁹ Высокая спонтанность обществ обычно сочетается с низкой спонтанностью человека в обычной жизни

Кстати, из всех зарубежных течений, имеющих в России образовательные программы, психодраматическое движение далеко не самое многочисленное, но, пожалуй, наиболее систематическое и организованное. Однако до сих пор есть множество препятствий на пути к первоисточнику — тексту самого Я.Л.Морено. Дело не только в том, что переведены только две книги и несколько отрывков из ранних экспрессионистских произведений (см книгу Г.Лейтц), но и в том, что Морено не оставил единого труда, фундаментально систематизирующего психодраму, социометрию и групповую терапию. Статьи разных десятилетий изобилуют разночтениями, увязать которые в единое целое может только тот, кто смел в своем воображении, и одновременно глубоко осмысляет свою и чужую практику. Словом, **читать Морено** — это сложная творческая работа, которая у нас в России только начинается.

При переводе оригинальных текстов Морено на русский язык возникает много сложностей, особенно в принципах и терминологии, разнящейся в текстах разных лет. Для воссоздания целостной картины необходимо в некоторой степени воображение и смелость. При употреблении на русском языке понятия «психотерапия» подразумевается целый ряд методов терапии человека — от медицинских до гуманистических и пр. В сложившейся традиции приставка «психо» говорит сама за себя. (Морено специально останавливается на отличиях социометрии от психологии и социологии **стр. 272-273**). При психологическом взгляде групповая психотерапия стоит в этом ряду и является одним из них. Это — правда, но не вся. При чтении русского текста о триединой системе возникает ненужная тавтология: «психодрама = групповая *психотерапия*?». Создается впечатление, что две части триединой системы просто совпадают. На русском языке их лучше различать как **психодраму** (в узком смысле) и **групповую терапию** (в широком смысле). Ведь у групповой терапии есть самостоятельные задачи – интеграция индивида и группы; воздействие индивида на индивида и группы на группу само по себе без обязательного внешнего воздействия терапевта (реформатора, консультанта); лечение группы как целого, терапия межгрупповых отношений и в конечном счете всего человечества. Это — креативная революция, сохраняющая и расширяющая возможности человека и его групп. Без неё само существование человечества как целого и «дальнейшее существование человека оказывается под вопросом» (5). Это работа по интеграции субъективных реальностей людей, разведенных социальным расстоянием, которое способствует «социальному символизму, социальному номинализму, короче говоря, социальной нереальности» (стр. 97 а также эпиграф). Это лечение процессов общения с помощью концентрированного общения. Это содействие «социальной близости», содействие подлинной Встрече. Кроме того терапия социальной организации (или организационная арттерапия (см. 15) имеет самостоятельное теоретическое и практическое значение. В некоторых источниках Морено появляется понятие социатрии, очень близкое по смыслу понятию групповой терапии, означающее буквально: «социальная терапия». Социатрия должна заниматься лечением целых обществ, это социальная медицина.

Каждая из трех составных частей **триединой системы** Морено будучи отделенная от двух других теряет свой смысл и эффективность. Социометрия даже проведенная по самому важному критерию, встреченная группой с энтузиазмом и точно отражающая моментальные «движения душ», очень скоро становится мертвой схемой, если не переходит в продуктивное движение, ведомое самой группой и отвечающее ее потребностям и потребностям каждого. Социометрия не замыкается собственно самой «малой» группой, она непрерывна и бесконечна. Протягивая стрелы своих чувств и предпочтений, она, никого не возводя на пьедестал и не обрекая на одиночество, доходит до каждого. Находит самые экзотические, но значимые критерии, связывающие людей и показывающие значимость всякого, кому необходимо внимание. Пучок стрелок — это не группа. Группа — это не формально выделенный островок социальной реальности. Истинная социометрия сама может показать границы данного «здесь и теперь», самонастраивается на актуальную ситуацию. И, в то же время, показывает как далеко

тянутся ее связи — нити психосоциальных сетей — к иным областям жизни человечества, к чужим культурам, к параллельной социальной реальности, к другим людям. Только по этим нитям и возможно найти, увидеть и понять свою реальность, ее границы и свое инобытие и свою противоположность.

Социометрия же, лишенная **драматического** развития, становится сухим скелетом социальной организации общества, обреченным на анализ и констатацию. И именно из таких схем рождаются инженерные проекты полного переустройства общества и социальные авантюры. Истинно социометрическое знание обладает зажигательной, взрывной силой (намного сильнее, чем просто сплетни). И нужно уметь им правильно распорядиться, чего не может (как показывает опыт) ни один самый честный и самоотверженный исследователь, если он не расширит свою исследовательскую миссию. Да такое знание ни одной минуты и не сможет остаться только знанием. Оно должно стать действием. Впрочем, здесь уместнее будет обратить внимание на противоположный аспект (тем более, что он практически еще нигде не освещался).

Психодрама без социометрии вырождается в шоу или в театр одного актера. В индивидуальную аналитическую по духу терапию. В симуляцию и демонстрационный показ. В этом случае не создается глубоких и чувственно проводимых связей, через которые формируются именно групповые темы (не только на сегодня), эти темы не развиваются — их просто не видят и не осознают как общие. И поэтому не формируется ядер группового сознания, людей олицетворяющих какие-то ресурсы, сильные стороны символизируемой и раскрываемой ими темы, они не получают поддержки, они не становятся центрами концентрации **групповой** энергии, поиска креативного начала с точностью того уровня, когда уже возможно утоление общего акционального голода наравне (и не в ущерб) с индивидуальным.

Такая группа уже олицетворяет в себе темы всего человечества, связанная со всеми, она — мощный узел психосоциальных сетей, перекресток важнейших его тем. Их «здесь и теперь» уже на порядок расширилось и несет в себе концентрацию самого актуального в жизни данного общества. Собственной перегруппировкой она способствует перегруппировке окружающего общества. Здешние лидеры теперь стремятся общаться с членами данной группы, которые теперь могут связываться с другими группами более надежными и достоверными связями, чем, например, профессиональные или политические. Этот новый очаг притягивает не популярностью и не эзотеричностью, а светом спонтанности и энергией креативности, появляющейся от общения с ним тем, что новые люди видят сразу легко и наглядно, без поиска общего языка, видят себя, свои проблемы, свою панацею здесь и теперь. И если считается, что все великие дела совершены собранными и внутренне организованными людьми, то следует также признать, что великие свершения удаются самоорганизующемуся и самоструктурирующемуся сообществу. Такое сообщество Морено назвал **терапевтическим**.

Игнорирование социометрического аспекта группового действия чревато снижением ответственности за свою и за групповую работу. А это чрезвычайно важно в любом виде социальной и психологической терапии, уделяющей серьезное внимание заключению контракта с клиентом, а тем более в такой недирективной ее форме как социодрама и психодрама. Если я не знаю, не чувствую (в течение всего действия!) социометрической связи с другим носителем моей темы, чувств, каким-то образом связанных с моей ситуацией и с моей судьбой, я буду в лучшем случае (при хорошей психодраме) отвечать только за то, что сделал сам под руководством психодраматерапевта (не важно кто был протагонистом — он или я). Если я не только получил обратную связь на шеринге²⁰, не только увидел ситуацию и ее персонажей на различных (в моей реальности) дистанциях, но и узнал какое место я занимаю в социальных атомах других, на какой

²⁰ шеринг или культурная консервация — 3-я фаза психодрамы и социодрамы (1-я — разогрев, 2-я — действие)

дистанции я – в реальности другого, если я увидел как именно связаны наши жизни, то я вижу группу как модель не только моего мира, но и всей вселенной²¹. Тогда я отвечаю и за эту группу, и за то что она делает. Теперь у нас есть и «Мы». Но и «Я» тоже появляется не сразу. Его нужно найти в каждом групповом действии, которое становится таковым по мере влияния каждого на действие. По мере переживания каждым общего как своего, происходящего как происходящего с ним самим, по мере восприятия других как совершенно реальных людей в его жизни, в его реальности (в драме, там где есть групповое действие, всегда есть групповая реальность).

Без постоянной параллельной социометрической работы, неразрывно и диалектически связанной с драматической работой, действие воспринимается всеми (и даже протагонистом) как игровое в узком смысле этого слова, как «игрушечное», как **безличное**, происходящее не со мной (что часто очень легко соединяется с личным сопротивлением), как теоретический опыт. Я не увижу всех отражений и дополнений своего «Я», особенно новых и необычных для меня, если не научился заранее социометрическому поиску живых дистанций в самых разных реальных ситуациях общения. Если я не готов к социометрическому выбору из значимых для меня людей или еще не могу взять на себя всей ответственности спонтанного выбора. Мне нужен опыт принятия реальности и выбора других тогда и там, где это касается меня лично.

Социометрия, примененная в широком смысле и в широком контексте, делает психодраму более конкретной, реалистичной и в то же время более **безопасной** — ведь все это происходит не только в индивидуальной и катарсической реальности, а в конкретной психосоциальной сети (и в конкретных социальных атомах), создающей особую групповую реальность, которая воспринимается каждым как своя. Отношения в драме переходят в отношения в жизни. Социометрия делает групповую динамику ясной для всех, направленной и оздоравливающей группу. Постоянное терапевтическое «открывание» всей «подводной» динамики, которое регулируется самой группой, и гарантирует как индивидуальную, так и групповую безопасность²².

Конкретные особенности развития различных групп и группировок социометрия учитывает и компенсирует. Например: *в крупном городе* или *при коротком цикле* сплоченность группы, как правило, ниже. Правильнее было бы сказать, что люди мало присутствуют в ядерных частях социальных атомов друг друга. И принято думать, что это и есть преимущество с точки зрения конфиденциальности работы группы. Но в том то и дело, что проблема закрытости (в том числе информационной) группы характерна для индивидуальной терапии. Когда по сути каждый решает только свою проблему (терапевтическую задачу) и, естественно, не хочет излишней огласки – такой клиент для этого пришел на психодраму и с этим уйдет (и обычно это – особенность всей группы и всего цикла). А проблема конфиденциальности решается здесь совсем иначе – «проводимость» чувств растет (особенно внутри человека и группы), а проводимость информации снижается (особенно снаружи), да и как это всё расскажешь?

Групповая моренотерапия начинается тогда, когда человек еще только узнает о ней, о людях, которые его приглашает, почему приглашают и т.д.. О смысле триединой системы, о том, что она содержит **две** процедуры **одновременно** – и драматическую, и социометрическую. Когда человек принимает решение об участии, то он тоже делает это (как и всякое действие) всегда сразу в **двух** аспектах – **что** в его жизни требует переживания или разрешения (психодраматический аспект) и **кто** в его жизни может и должен явиться главным (главными) героем данного сюжета (социометрический аспект²³).

²¹ возможность такого расширения сознания используется и в социодраме (например для прогнозирования или перераспределения ответственности в группе), и, в особенности, в аксиодраме

²² Несомненно все это отнимает уйму времени и сил у группы, но все зависит от цикла жизни группы

²³ Кстати, выбор членов группы для исполнения ролей в психодраме и дифференциация по подгруппам в социодраме – суть социометрический выбор, символизирующий, конкретизирующий и проясняющий

Имеет значение **все**: и как пригласили человека, и кто пригласил (какие отношения), и какие мотивы участия, и чье присутствие в группе особенно важно, и как меняет группу присутствие данного человека, и что произойдет, когда он уйдет. Организатор групповой терапии должен быть **социометристом** не только при выборе протагониста, но и при формировании группы, предварительном интервьюировании, перцептивной социометрии социального атома каждого (и тогда могут создаваться специальные группы), прослеживании его выборов и их мотивов, а также при общей групповой фокусировке желаемых изменений. Длительная кропотливая работа необходима для изучения не только внутренних выборов, но и внешних, для реальных Встреч со значимыми обитателями социальных атомов членов группы, при обоснованном изменении состава группы и формировании других групп. В этом случае группа имеет прочные связи с окружающим миром и, следовательно, надежные и одновременно адаптивные (обеспечивающие именно терапевтические, а не хирургические) переходы, по которым групповое содержание выходит в окружающую реальность, ложится на подготовленную социометрическими мероприятиями почву, переходит в жизнь широкого круга людей, общества и в конечном счете всего Человечества.

Каждый из нас связан с другими множеством нитей: социальных, психологических, экономических, эмоциональных, дружбы и любви, предубеждений и ненависти. Но ни одно отношение, из которых мы, собственно, и состоим (включая внутренние), нельзя выделить в чистом виде — одно тянет за собой другое, одна ситуация (например экономическая) тесно связана с другой (например социальной или психологической). Отношения — это то, что не принадлежит ни мне, ни тебе. Они связывают всех, всё Человечество. В эпоху простраивания, очерчивания, демаркации всевозможных границ между всеми — людьми и группами, организациями и государствами — особенно важно понять, что невозможно отгородиться непроницаемой стеной. Поскольку это означает **социальную смерть**. Можно лишь изменить отношение, или изменить социальное расстояние — уменьшить или увеличить дистанцию (если это возможно). Понять себя и свой путь (человеку или группе) — это понять окружающих, прояснить отношения со всеми, со всем человечеством. «Подлинно терапевтические мероприятия должны быть направлены на человечество в целом»(5).

Мы все влияем друг на друга. Полное исцеление каждого невозможно без исцеления всех. Мы родились из общения (как минимум из общения наших родителей), и жизнь наша состоит из общения внешнего и внутреннего, и внешнего со внутренним. И мы продолжаем рождаться из общения, одновременно порождая других. Диалоги, нас породившие, живут в нас, и в нас продолжают, рождая новые отношения и новый социальный порядок. «Целью социометрического эксперимента является превращение старого социального устройства в новое социальное устройство и, если это необходимо, преобразование групп таким образом, чтобы формальная поверхностная структура как можно более соответствовала глубинной структуре. Социометрический тест в своей динамической форме является революционной формой исследования. Он изнутри меняет группу и ее отношение к другим группам; он вызывает социальную революцию на микроскопическом уровне» (стр. 73).

* * *

«Не умножай сущности без необходимости»

Оккам

И все же у читателя может возникнуть вопрос: «А нужна ли еще одна наука? И так вон их сколько придумали (вплоть до эзотерики и оккультизма). Социологи и психология достаточно развиты, приняты правительствами и лидерами как руководство и огромным количеством образованных людей (особенно на Западе) как представление о социальной вселенной и душе». Те, до кого в разное время доходили разнообразные отголоски социометрии (с той или иной степенью искажения), часто относятся

скептически к социальной микроскопии. «Многого ли добьёшься с микроскопом в руках? Бесконечно разбираться с двумя-тремя людьми когда миллионы страдают от войн, нестабильности, бедности, социальных и психологических патологий? Ведь судя по описаниям в социометрических текстах, эта процедура так насыщена и так глубока, что, кажется, должна растянуться на долгие годы. Трудно представить себе такой заказ, скажем, в управленческом консультировании...». Однако почему-то не вызывает уныния биологическая и медицинская микроскопия, использующиеся для решения глобальных задач. На каждом уровне увеличения используются свои понятия и представления, работающие на конкретную исследовательскую или диагностическую задачу. Современный социальный исследователь боится утонуть в бесконечной глубине исследуемого материала, раствориться до бесконечно малых величин. В социологии еще неистребим агностицизм, порожденный незнанием свойств конкретной социальной структуры. Трудно представить вне конкретной ситуации обратное движение – увеличение (вспомните название знаменитого фильма Антониони), переход от погружения к конструктивному выходу из ситуации, от анализа к синтезу, от диагностики к действию. Трудно открыть свое отношение, свои чувства, преодолеть дистанцию исследователя, экспериментатора «над» и сопротивление погружению, вживлению, наконец, переживанию ситуации субъекта (клиента) и на «объекте» как своей.

Конечно легче понять современного психолога, социолога и организационного консультанта, зажатого в тисках современной экономической ситуации, а также ограниченного рамками воображения («бедного») лидера, руководителя, бизнесмена, заказчика («богатого»). Легче следовать, с одной стороны, логике современной моды в организационной культуре, а с другой — сложившимся традициям и понятиям в социальной логике, не замечая насколько они излишне дифференцированы и абстрактны. Удивительно, почему наивным считается заметить, что для целостных явлений нашей жизни не хватает емких слов, либо эти слова звучат старомодно и ненаучно²⁴? Искусство, художественные понятия заполняют этот вакуум, но не укладываются в «прокрустово ложе» позитивистской, социально-инженерной (прогрессистской) и вообще естественнонаучной логики. Непонятно откуда их брать эти понятия и как сделать их конвертируемыми. Поэтому и не видят «увеличителя» Морено, не верят в воображение, не замечают художественности его методов. Не видят целительных свойств его театра импровизации, который является «увеличительным стеклом» в ещё большей степени, чем тот театр, который имел в виду Маяковский в своих знаменитых словах: «Театр – не зеркало, а увеличительное стекло!» Именно «увеличительный взгляд» связывает людей, погруженных в разные ситуации, объединяет разные миры субъектов, науку и искусство, делает эти «неточные» полу-объективные полу-художественные понятия конвертируемыми.

Морено многие считают наивным сказочником, утопистом. Действительно, трудно представить себе как же может социометрист нынешних циничных и рыночно озабоченных людей убедить полноценно участвовать в эксперименте. Снаружи мотивация неочевидна, а в наше время множество социальных и психологических технологий рекламируют как волшебные таблетки. Молчаливо подразумевается, что «чудо» должно быть «чистым», то есть внешним для «подопытного», и тогда ищутся особые «пассы» для харизматической фигуры, швы на социограммах и рецепты в методологии. А Морено подозрительно просто говорит: Сначала — просто смотрите. Поймите, **что** происходит. Потом — структуру и границы события. Затем — **с кем** это **что** происходит, и **кто** хочет и должен встретиться. И только тогда может состояться Встреча.

Но прежде чем произойдёт Встреча с субъектом, последователи, подражатели, исследователи и любопытствующие должны действительно встретиться с Морено, войти в реальность не столько исторического свойства, сколько логического, но по той логике,

²⁴ Либо их произносят приблизительно так: «Соборность! Наша! Где!»

которая существует только в одном экземпляре во все времена, Вашей субъективной логике Вашей ситуации. (субъекты, объединенные такой логикой, уже по крайней мере не навязывают свою логику друг другу, а, значит, уже преодолели половину пути). Ведь Встреча предполагает взаимное движение навстречу друг другу. Морено свое персональное для каждого «Приглашение ко Встрече» уже написал²⁵ и теперь многое зависит от Вас, уважаемый читатель.

В предлагаемой читателю книге Морено говорит лишь о малой части возможностей применения социометрии, социопсиходрамы и групповой терапии. Имея печальный опыт искажения социометрической процедуры, Морено явно не хочет чтобы статьи напоминали сборник рецептов, разъясняющих «технические» подробности. Прежде всего для него важно разъяснить методологические вопросы. Отсюда кажущиеся повторы (ведь статьи были опубликованы в разное время). И все же в каждой статье он стремится показать прозрачность социометрической процедуры, донести сам её дух. Этим Морено снова и снова высвечивает весьма актуальные принципиальные отличия социометрии от психологии и социологии (стр. 272-273) Здесь особое значение приобретают специальные сравнения, к которым прибегает Морено, чтобы показать то принципиально новое, что приносит социометрия в социальные науки. Например, сравнение с широко известными экспериментальными и теоретическими работами, давно ставшими классикой, выглядит чрезвычайно убедительным (см. сравнение опытов работы с группами Морено-Дженнингс и Левина-Липпита стр. 80 – 92), а также анализ знаменитого Хотторнского эксперимента под руководством Эльтона Мейо (стр.182-184), положившего начало Школе человеческих отношений (сравнение с работой Морено в Хадсоне см. послесловие в конце книги).

Может быть поэтому для русскоязычного читателя и ученика или даже того, кто осваивает, возможно, совсем другое направление западной психологии, несомненно будет чрезвычайно полезно непосредственное знакомство с одним из основных первоисточников, давшим начало многим практикам западной психотерапии, многим направлениям социальной терапии и социальной работы. Книга несомненно принесет пользу всем экспериментаторам в социальной сфере, консультантам и тренерам, работающим с руководителями, политиками, регионами, рынками или различного рода группами, а также с частными клиентами. «Социометрия» имеет особую ценность для тех, кто занимается в большей мере консультированием **процесса**, а не проекта. Для тех, кто изучает **цикл жизни** организации. Для тех, кого интересует различие между социальной организацией **западного** и **восточного** типа. И для всех, кто серьезно осмысляет **консультант-клиентские** отношения.

* * *

Одна из многих легенд гласит, что в одном из венских парков рос красивый старый дуб, у которого любил присаживаться в глубоких раздумьях молодой философ Морено. Он сам здесь любил играть в детстве — особенно нравилось забираться на самую верхушку и чувствовать себя там царем вселенной. А как-то мальчишки собрались в подвале того старого дома, где жила семья Морено, и стали играть в «небеса»: построили высокую пирамиду из столов и стульев. Морено, игравший Бога взобрался на самый верх.. Игра завертелась, и достигла того накала, когда все ей подчинено и остальное, называемое обычно объективной реальностью, исчезает и теряет силу. Внизу кружились ангелы и какие-то еще существа и все зывали к нему: «наш любимый Бог!» И Морено почувствовал себя Богом. «Иди к нам! Спускайся с небес! Лети!» – доносилось снизу. И он полетел... Так впервые в его практике столкнулись игра и реальность, точнее две реальности, или две игры — как Вам больше нравится — материалистическая и

²⁵ Серия текстов под таким названием была опубликована еще в 20-е годы в Берлине и Вене «Die Einladung zur Begegnung» (русскому читателю пока доступны только фрагменты, опубликованные в книге Греты Лейтц (🟡))

идеальная. А Морено тем не менее сломал себе запястье, однако остался в глубоком убеждении, что изначально мир был един, и в нем не было разделения между реальностями. Это стало его идеей-фикс. Позже в книге «Театр импровизации» (1923) он напишет: «Идея фикс стала моим постоянным источником вдохновения; она провозглашала, что существует своего рода первоприрода, бессмертная и заново возрождающаяся в каждом поколении, первовселенная, включающая в себя все сущее, и все происходящее в которой священно. Я возлюбил это колдовское царство и решил не покидать его более никогда» (2, стр.8).

Детям легче попасть в это царство. И вот у старого дуба появляется ребенок, один, другой, собирается целая компания. «Одним из моих любимых занятий было, усевшись у подножия большого дерева в садах Вены, собрать вокруг себя детей и рассказывать им сказки. Самой значимой частью повествования было то, что я, словно один из героев сказки, сидел у подножия дерева, что дети тянулись ко мне по зову волшебной флейты и, оставляя окружающий их убогий мирок, попадали в волшебную страну. И не так важна была сама сказка или то, что я им рассказывал, — важно было действие, атмосфера таинства, парадокса, ирреальности, воплощаемой в явь...» (2, стр.9) Это были игры свободного творческого духа, **царские** игры, из которых потом появились **психодрама и социодрама**. В спонтанной игре дети преобразались: «Паясничавшие озорники приучались в игре ориентироваться на тему, роли и своих товарищей, робкие дети непринужденно играли, посторонние дети включались в игру детской группы, поначалу исполняя роли, которые поручал им Морено. Дети с удовольствием вживались в свои роли и обучались таким образом новым способам поведения» (3, стр. 70). Именно у детей Морено научился видеть игру во всем, видеть разные реальности, видеть совсем простые вещи, никем уже не замечаемые, и удивляться.

Минуло более 100 лет со дня рождения Морено. 85 лет – с момента появления на свет социометрии. 75 лет – от *locus nascendi* театра импровизации. 75 лет первой психодраме и социодраме. 70 лет назад впервые был проведен сложный комплекс мероприятий по групповой терапии, социометрии и психодраме в масштабе крупного сообщества и реализованы соответствующие преобразования. Более 60 лет как понятия «групповая терапия» и «групповая психотерапия» приняты мировым сообществом психологов, а психодрама систематически преподается. 55 лет назад начал свою работу первый в мире социометрический институт. И 25 лет со дня смерти Морено. Не так уж и много. Но и не так уж и мало.

Многое изменилось в мире.

Мы меняемся, читая и перечитывая Морено, мы вновь и вновь проясняем для себя новые и новые пласты смысла, помогающего нам в нашей жизни видеть новые горизонты. Уверен, что и Вы, уважаемый читатель, изменитесь после прочтения «Социометрии». Во всяком случае Вам предстоит серьезная, вдумчивая и интересная работа. Работа трудная, но благодарная.

Если Вам будет противоречить каждый абзац и раздражать каждая мысль, то сразу отложите выяснение отношений и постарайтесь забыть об этом. Но когда через любое количество лет вы почувствуете, что вот на эту **Вашу** мысль навел Вас Морено, то не поленитесь вновь открыть его еще раз, чтобы убедиться либо в том, что она там уже давно высказана со всей прямотой, либо в том, что эта мысль выражена там в слишком наивной форме. Однако на этот раз в Вас поселится заразительный дух креативности (а может быть и соперничества), и творчество будет тлеть внутри до тех пор, пока Вы вновь не вернетесь к этому загадочному тексту, который рано или поздно приведет Вас на психодраму или социодраму. А если и не приведет, то тогда он просто станет для Вас чем-то вроде доступного средства разминки и душевно-творческого массажа. Когда Вы откроете эту книгу, странную и очевидную, сотканную из множества пестрых лоскутков и в то же время удивительно цельную по своей позиции и гармоничности, освобожденную

от цензуры и отчужденности, ментального искажения и языкового барьера, редакционных сносок «якобы» и предисловий, Вы встретитесь с самим Морено лично и поймете (если хватит терпения), что нет ничего интереснее, чем обменяться с ним на равных чувствами и позициями, равно как и с любым Другим.

Роман Золотовицкий

Содержание

Предисловие *Р.Золотовицкий*

Морено Я.Л. Социометрия. *Перевод А. Боковой*

Приложения.

Морено Я.Л. Функции «министерства человеческих отношений» в структуре правительства США. *Перевод В.Корзинкина.*

Морено Я.Л. Обращение Спартака.

Послесловие. *Р.Золотовицкий*

Комментарий редактора.

Объединенный список литературы.

Алфавитный указатель важнейших понятий.

Алфавитный указатель имен.

Литература.

1. Морено Я.Л. Социометрия . М. 1958
 2. Морено Дж. Театр спонтанности. Перевод с английского под общ. ред. Б.И.Хасана. Красноярск 1993. (Moreno J-L- Das Stegreiftheater. 1 Aufl. Berlin-Potsdam Gustav Kiepenheuer 1923)
 3. Moreno J.L. : The first Book of Group Psychotherapy, 1. Ed. Beacon (N.Y.): Beacon 1932.
 4. Moreno J.L. Who Shall Survive? Foundations of Sociometry. Group Psychotherapy and Sociodrama/Beacon (NY) Beacon House 1953
 5. Moreno J.L.: Die Grundlagen der Soziometrie. Wege zur Neuordnung der Gesellschaft. Köln-Opladen: Westdeutscher Verlag 1954.
 6. Лейтц Грета. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Морено. М. Прогресс 1994г.
 7. von Wiese L.: Kölner Z. Soziol. 1, 1948.
 8. Левада Ю.А. Статьи по социологии М. 1993г.
 9. Волков И. Основы социометрии. Ленинград. 1970.
 10. Teirich H.R. Gruppentherapie und Gruppenpsychotherapie, Versuch einer Abgrenzung. Psyche 3. 1959
 11. Онтосинтез социальной реальности. Сборник под ред. В.С.Дудченко. М. Изд. «Икар» 1998г.
 12. Бубер М.
 13. Бахтин М.
 14. Золотовицкий Р. Групповая реальность и ее синтез. \ \ «Онтосинтез социальной реальности». Сборник под ред. В.С.Дудченко. М. «Икар» 1998. Стр.245-260
 15. Золотовицкий Р.А. Социодрама как социологический метод управленческого консультирования. \ \ «Онтосинтез социальной реальности». Сборник под ред. В.С.Дудченко. М. «Икар» 1998. Стр. 261-295
- Золотовицкий Р.А. Миф о клиенте. \ \ Консультант директора.
16. Коломинский Я.Л.

как экспериментальный метод и наука об обществе

Подход к новой социальной и политической ориентации

Я. Л. Морено

Часть I

Социометрия и экспериментальный метод

Пролог к социометрии (1949)

Вклад, вносимый социометрией, состоит из идей. Социометрия не просто сумма различных приемов, применяемых в тех или иных обстоятельствах. Ее идеи являются источником, из которого возникают теоретические построения, концепции и методы. Наибольшее влияние, которое социометрия, вероятно, оказывает на социальные науки, - это та энергия и настойчивость, с которыми она отрывает ученых от письменного стола и заставляет их действовать в реальных ситуациях, в реальных коллективах и иметь дело с реальными людьми; общаться с коллективом лично и непосредственно, входить в него с теплым и отважным сердцем, вооружая их немногочисленными гипотезами и инструментами, вместо того чтобы пользоваться переводчиками и информаторами в качестве посредников; заставляя их приняться за свою науку безотлагательно, заняться исследованием действием, а не писать труды, которые будут лежать тысячелетиями на полках библиотек.

*Прежде чем приступить к определению теоретических рамок социометрии, я решил подвергнуть сомнению и отказаться от всех существующих социальных концепций, не считать доказанной ни одну социологическую гипотезу, начать с самого начала, как будто нам ничего не известно о социальных отношениях человека. Я радикально отверг все знания, приобретенные из книг и даже из собственных наблюдений. Я настаивал на этой позиции не потому, что не признавал, что у других ученых могут быть прекрасные идеи, а потому, что их наблюдения в большинстве случаев были ориентированы на авторитеты и не являлись экспериментальными. Следовательно, наивность, с которой я шел к своим целям, не была наивностью человека, который пребывает невежеством относительно того, что было сделано до него другими учеными, это была наивность того, кто *пытается* быть невежественным, чтобы освободиться от штампов и предрассудков, надеясь, что путем разминки, перед тем как играть роль наивного, он может вдохновиться на разрешение новых проблем.*

Я попытался вычеркнуть из моей памяти и особенно из моих операций такие выражения и понятия, как «индивидуум», «группа», «масса», «общество», «культура», «мы», «община», «государство», «правительство», «класс», «каста», «общность» и т.д., для которых имелась добрая дюжина хороших и плохих определений, но которые стояли на пути моего намерения быть как можно более непредвзятым. Разумеется, я не мог обойтись без того, чтобы не использовать эти термины в моих работах, но я всегда осознавал тот факт, что они не отображают социальную реальность и должны быть заменены действительно реалистичными социальными понятиями.

Три точки приложения социометрического исследования (1923 – 1950)

Экспериментальный метод в физике стал внедряться в первой половине семнадцатого столетия прежде всего Галилеем, Бэконом и Ньютоном. Экспериментальный метод в социальных науках не мог развиваться до тех пор, пока пытались следовать физической модели; по-настоящему он стал применяться в первой половине двадцатого века прежде всего благодаря социометрии, сопровождаемая открытой и скрытой борьбой с номиналистическими тенденциями в некоторых популярных социологических и психологических школах конца двадцатых и начала тридцатых годов. Примеры тому — гештальтпсихология и психоанализ; какими бы реалистичными ни были они в пределах своей области, как только их концепции применялись к сфере человеческих отношений, они все же оказывались номиналистическими и символистскими. Влияние социометрии изменило в последние двадцать лет ситуацию к лучшему.

Историческим поворотным пунктом является переход от методов наблюдения Вальтера Мёде, изложенных в «Экспериментальной психологии масс» ("Experimentelle Massen Psychologies" 1920), к акциональным методам, описанным в моей книге «Театр импровизации» ("Das Stegreiftheater" 1923) был достигнут. К вербализации добавились действие, движение и жестикация, благодаря чему начал осуществляться переход от фрейдовского наблюдающего и интерпретирующего психоанализа детей и взрослых к современным игровым техникам и игровой терапии, достигшим кульминации в психодраме и в терапевтическом театре. Приспособление экспериментального метода к человеческой, социальной ситуации ознаменовало поворотный пункт на социологическом уровне. Насколько продуктивен этот новый подход, показывает множество экспериментов, которые стимулировала и разработала социометрия: эксперименты при исследовании спонтанности и с участием публики, эксперименты со спонтанным формированием групп и групповой динамикой, эксперименты с ролевыми тестами и ролевой игрой, эксперименты с формированием групп авторитарным и социометрическим способами или по принципу невмешательства (*laissez-faire*).

Социометрия имеет три аспекта: *socius* — окружающие люди, *metrum*²⁶ — измерение, и *drama* — действие. В результате появились три сферы исследования: исследование групп, метрическое исследование и исследование действия. Эти три сферы отражаются в терминах и определениях социометрии и смежных областей исследованием. Социометрией подчеркивалась связь исследования групп и действия и выявлены два способа метрики: количественная метрика и «локометрия» (ср. в этой связи «Геометрия мест», 1923, стр. 3). Понятие социометрии введено мною и впервые использовано в письме в Министерство внутренних дел поздней Австро-Венгерской монархии (1915). Благодаря моей статье «Применение группового метода для классификации тюремных заключенных» (1932, новое издание в: «Group Psychotherapy», Beacon House, 1945, стр. 39) он вошел также в американскую литературу.

Микросоциология началась с разработки мною *теории* социальной микроскопии (см. главу, которая носит это название, в работе «Кто выживет?», 1934, а также «Групповой метод и групповая психотерапия», 1931, стр. 101); вместе с социометрической техникой она составляет теоретико-практические основы микросоциологии. Без нее последующее введение понятия микросоциологии (независимо друг от друга Георгом Гурвичем и Я. Л. Морено) и соответствующие дискуссии остались бы, пожалуй, бессмысленными.

²⁶ Далее Морено раскрывает еще одно не менее важное значение, вкладываемое в понятие «социометрия»: «метрум» значит еще и «мера», а «социо» также «общение», то есть «мера общения» (Прим ред.)

Определения соционии и социометрии

Социония исследует и объясняет законы, которым подчиняются социальное развитие и социальные отношения²⁷. В рамках системы соционии по-прежнему имеют место метафорические понятия «мы», «масса», «община», «общность», равно как и понятия «класс», «государство», «церковь» и многие другие коллективы и товарищества. Социометрическому исследованию надлежит дать точное и динамическое значение этим понятиям, охватывающим истину лишь приблизительно.

Под социометрией понимается измерение (и поиск меры - *прим. ред.*) социальных отношений, в самом широком смысле — *любое* измерение *любых* социальных отношений. В силу диалектического характера человеческих отношений также и все социометрические понятия и инструменты имеют диалектический характер; «диалектический» означает здесь следующее: развитие социометрического сознания может потребовать сглаживания противоречий и уравнивания многочисленных социальных параметров, гибкости позиции и определений. До тех пор пока, например, демографическая статистика и традиционные опросы общественного мнения являются единственными социометрическими методами, которые принимаются социометрическим сознанием населения, социометрия находится на грани своих возможностей. (К счастью, социальная спонтанность людей при непосредственном занятии своими проектами, равно как и их открытость к социометрическим методам, инженерами социальных наук грубо недооценивается.) Но как только люди принимают более тонкие инструменты, они могут использоваться для улучшения и измерения человеческих отношений и отношений между группами; в этом случае старые методы становятся менее желательными и даже реакционными, ненаучными и несоциометрическими. До тех пор пока уровень социометрического сознания у населения является низким, различия между психологическими и социальными качествами населения не имеют значения. С точки зрения акциональных методов чрезмерное подчеркивание логической чистоты дефиниций может быть даже вредным, точно так же чересчур развитые логические системы создают ложное чувство уверенности и научного самолюбования, которое подрывает и сдерживает исследование действием.

1931, «Application of the Group Method to Classification» ("Применение группового метода при классификации", стр. 102): Социометрия занимается «внутренней структурой общественных групп, которую можно сравнить со строением атома или физиологической структурой клетки». Она «изучает сложные образования, которые возникают из сил притяжения и отталкивания между отдельными людьми определенной группы». Ее основное внимание направлено не только на различные процессы, из которых возникают социальные образования, например «отношения» и «интеракции» между людьми и группами, но в первую очередь на сами возникающие образования. Как бы то ни было, социальные целостности можно правильно описать только с помощью социометрических методов.

1933, «Psychological Organization of Groups in the Community», Year Book of Mental Deficiency, Бостон ("Психологическая организация групп в коллективе", стр. 1): «Социометрия занимается математическим изучением психологических свойств популяции, экспериментальными методами и результатами, которые получаются при применении количественных и качественных принципов».

1936. «Plan for the Re-Grouping of Communities», Sociometric Review. Февраль ("План перегруппировки коллективов", стр. 59): «Социометрия предоставляет все преимущества подвижного уверенностью в себе и свободным развитием пионерского дела, вместе со всеми преимуществами организованного в систему движения».

²⁷ О понятии соционии см. также послесловие

1937. «Sociometry In Relation to Other Social Sciences», *Sociometry*, ("Социометрия по отношению к другим социальным наукам", том I, № 1–2, стр. 209–210): «Участвующий наблюдатель социальной лаборатории, в противоположность научному наблюдателю в физической лаборатории, испытывает глубокое изменение... Наблюдаемые люди становятся открытыми участниками проекта и ставят себе это общей задачей. При этом переживаются и одновременно изучаются как собственные проблемы, так и проблемы других».

1942, «Sociometry in Action», *Sociometry*, том V, № 3 ("Социометрия в действии", стр. 299, стр. 301): «Настоящая социометрия — это всегда наука о действии». «Социометрический тест — это в первую очередь исследование способов действия и поведения социальных групп».

1947, «Contributions of Sociometry to Research Methodology in Sociology», *American Sociological Review*, том XII, № 3 ("Вклад социометрии в методы исследования социологии", стр. 288): «Социометрия тогда становится... социологической наукой людей, осуществляемой людьми и для людей».

Определения теле, социального атома, эмоциональной привлекательности (эмоциональной емкости) и сети

1934, «Who Shall Survive?» ("Кто выживет?", стр. 159): «Поэтому можно предположить, что силы притяжения и отталкивания, действующие между индивидами, имеют социофизиологический коррелят, как бы по-разному они ни проявлялись, — как страх, злость или симпатия».

«Бесчисленные вариации притяжений и отталкиваний между индивидами должны быть приведены под общий знаменатель (демомонитор). Эмоциональный поток направляется от одного индивида к другому, и он должен преодолеть при этом определенную пространственную дистанцию. Точно так же, как мы используем слова «телеперцептор», «телепатия», телеэнцефалон, телефон и т.д., чтобы выразить действие на дистанции, мы употребляем понятие «теле», чтобы описать самое простое эмоциональное единство между двумя индивидами». Теле имеет два компонента: проективный (исходящий от индивида) и «ретроективный» (возвращающийся).

1945, «Two Sociometries, Human and Subhuman», *Sociometry*, том VIII, № 1 ("Две социометрии, человеческая и субчеловеческая", стр. 75): «"Я выдвигаю следующую гипотезу: человеческие и нечеловеческие социальные структуры, образуемые реальными индивидуумами, имеют характерную форму организации, которая значительно отличается от "случайно" образуемых структур или структур, создаваемых воображаемыми лицами. Эксперименты, а также статистические и математические анализы подтвердили это для человеческих групп. Должен существовать фактор «теле», действующий между индивидами (например, при поиске подходящих партнеров) и побуждающий их создавать — причем не просто случайным образом — позитивные или негативные отношения, парные отношения, треугольники, цепи, четырехугольники, многоугольники. Соответствующий процесс может быть обнаружен также и в нечеловеческих группах. Именно взаимодействие индивидуумов придает группам социальную реальность вне зависимости от влияния наследственности, которая определяет непосредственное развитие индивидуума, и среды, которая его окружает. Конечно, нельзя отрицать влияния наследственности и среды, но они могут действовать только через межиндивидуальные каналы. Этим путем возможно определить степень социальной реальности организации группы. Определенные социальные конфигурации обнаруживают структуру, которая скорее определяется случаем, другие социальные конфигурации, напротив, могут быть структурированы так, что приближаются к наибольшей сплоченности. В соответствии с этой гипотезой группа приматов или человеческих детенышей должна стоять по рангу на

более низкой ступени, чем, например, группа взрослых людей. Это можно доказать тем, что такой фактор, как теле, окажется более действенным у видов, проявляющих сравнительно высокую гибкость межиндивидуальных связей, чем у других видов, склонных к жестким и традиционным социальным порядкам. Такие понятия, как «теле», «социальный атом» и «психосоциальная сеть», можно использовать в качестве основной системы соотносительных понятий прежде всего в высокоразвитых обществах млекопитающих и приматов.

1948, «Discussion of Group Psychotherapy, An Appraisal» J. L. Moreno, Failures in Psychiatric Treatment, изд. Пауль Хох (стр. 129): «Предполагается, что теле отвечает за групповую сплоченность».

1934, «Who Shall Survive?» (стр. 141): «Наименьший жизнеспособный, далее неделимый социальный элемент есть социальный атом». (стр. 162): «Наименьший жизнеспособный социальный элемент, который мы можем учесть, есть социальный атом».

1934, «Who Shall Survive?» (стр. 136): Эмоциональная привлекательность (емкость) является феноменом теле. «Один индивид (воспитательница коттеджа) может привлекать к себе внимание большего числа индивидов (детей), чем другой (воспитательница другого коттеджа), а некоторые индивиды (воспитательницы), напротив, быстро теряют привлекательность. На основании некоторых тестов индивидов (воспитательниц) можно проранжировать, например по их эмоциональной привлекательности».

1934, «Who Shall Survive? " (стр. 256): «Существуют более или менее прочные структуры, объединяющие индивидов и социальные атомы в больших сетях».

«Локометрия», наука о местах и позициях (1924)

Геометрией пространства определяется место (расположение, локус) геометрических фигур. Локометрией определяется *locus nascendi* [место происхождения (лат.). — Прим. перев.] идей и вещей (одушевленных и неодушевленных) и перемещение от одного места (локуса) в другой. Местом происхождения цветка, например, являются не волосы женщины, а клумба, на которой он стал цветком. Местом (*locus nascendi*) картины является специфическое, первоначальное окружение. Если картина пространственно удаляется из этого первоначального окружения, она становится другой «вещью» — вторичной, взаимозаменяемой ценностью (предметом обмена).

Locus nascendi слова является язык того, кто его произносит, или та строка, в которой оно впервые записывается. Повторенное слово становится другим и более или менее некрасивым звуком, размноженная печатным способом рукопись — лишь интеллектуальным товаром. Неповторимость же снова разрушена.

С точки зрения полезности и практичности между оригиналом картины и ее репродукциями нет никакого различия. Произносится ли слово человеком или оно напечатано, для постороннего содержание остается одним и тем же. Если имеется множество репродукций оригинала, возникает ложное впечатление, что существует много оригиналов или что оригинал и его репродукции имеют одинаковое значение. Из-за того, что все экземпляры книги выглядят одинаково, может даже возникнуть впечатление, что настоящего оригинала не существует, — только копии (деривативы).

Стоит поразмышлять о внутренних процессах преобразования, когда креативное (творческое) выражение из его *locus nascendi* средствами коммуникации переносится на новые места или новую среду. Одна «вещь» превращается в другую «вещь», хотя из-за несовершенства языка одно и то же слово может использоваться для многих различных объектов и событий; а из-за нашего искаженного восприятия мертвой вещи она может восприниматься даже как живая вещь, равно как и живая вещь может восприниматься как мертвая. Следовательно, «Давид» Микеланджело в своем *locus nascendi* является настоящим «Давидом» Микеланджело. Выставленный в музее, он таковым уже не является: он участвует теперь в создании другой «вещи», музея. Он является теперь образующим музей компонентом. Точно так же и лилия в руке женщины уже является не лилией, а украшением этой руки, этого тела. Первоначальное положение вещи (первичная ситуация) — это место ее рождения.

Каждая вещь, форма или идея имеют свое место, свой локус который, является наиболее подходящим и адекватным для них, в котором они находят наиболее идеальное, совершенное выражение своего значения. Найдите *locus nascendi* события - и вы вдохнете аромат его первоначальной атмосферы. Можно найти истинный локус театра, книги, письма. Истинный локус театра - это театр импровизации (театр импровизированных постановок, театр спонтанности). Письмо находит свой идеальный локус в руках лица, которому оно адресовано. В руках другого человека, постороннего, кому письмо не адресовано, явное содержание письма и скрытые намеки, содержащиеся в нем, становятся бессмысленными. Письмо превращается в изгнанника, находящегося вне своего локуса.

Сущность локометрии является диалектической, так же, как является диалектической сущность меняющихся вещей. Живой и мертвый барашек обозначаются одним и тем же словом, хотя его *локус* и его структура изменились. В словосочетании «баранья отбивная» по-прежнему ощущается иллюзия одной и той же вещи, хотя теперь речь идет о чем-то жареном, о вкусно приготовленной, сдобренной различными приправами смеси и представляющей собой фазу в круговороте пищи.

Вещи существуют лишь в локометрическом моменте²⁸ Над их могильными плитами бурно разрастаются лишь прошлые их образы и явления, их влияния и имена.

²⁸ (в пространственно-временном моменте. Ср. «момент истины». См. «Речь о моменте» отрывок в {Лейтц Г. перевод А.Боковикова - Прим. ред.}).

Одна и та же вещь не может ни сохраниться, ни размножиться; во Вселенной есть только переходные стадии от одного места к другому. Локометрическое исследование показывает где заканчивается одна вещь и одновременно начинается другая. Место трансформации, обнаруженное путем локометрического исследования возвещает о конце предмета и об одновременном возникновении другого предмета.

«Диаграмма движения» (1949)

Локометрический подход объединяет в себе все преимущества так называемого полевого исследования, но не его недостатки. Понятие «поле» было заимствовано из физики и подразумевает, что социальное поле эквивалентно электромагнитному. Когда социальные концепции заимствуют понятия из биологии или физики, существует опасность магического мышления; как правило, они требуют точных, операциональных новых определений, вытекающих из материала, который они обозначают. С другой стороны, локометрия является *нейтральным* понятием, которое не относится ни к одной из этих наук — физике, биологии или социологии. Слово «локометрия» происходит из латинского языка: *locus* означает место, местность, «метрия» является производной от слова «*metrum*», означающего «мера», «измерение».

Новые экспериментальные методы в социальных науках и новые графические методы изображения социальной динамики — социограмма, пространственно-временная диаграмма и диаграмма взаимодействия — возникли на основе моей интерперсональной теории, психодрамы *in situ* и диаграммы движения («локограмма») (см. в этой связи «Театр импровизации», стр. 56, 88). Последние придали импульс многочисленным идеям для социального экспериментирования; их продуктивность не исчерпана и по сей день.

Лучшим аргументом в пользу теории является ее продуктивность. Локометрически-социометрическая и психодраматическая теории доказали свою ценность. И наоборот, теория поля, после того как она была опробована в эмбриологии и зоопсихологии, в области социальных наук оказалась непродуктивной или, по меньшей мере, вошла в область социального исследования слишком поздно. Все современные постановки проблем, экспериментальные проекты и открытия были уже сделаны или, во всяком случае, стали объектом социометрии. Внимательный читатель социометрической и социально-психологической литературы последних двадцати лет констатирует, что теория поля стоит на втором месте после лидирующей социометрии. Поэтому теория поля была вынуждена копировать, дополнять и продолжать уже развернутую работу, при этом, насколько мне известно, не выдвинув ни одной какой-либо новой идеи, которую можно было бы занести на ее счет. Теория поля, отстаиваемая большей частью академическими учеными, внушает подозрение, что она содействует возвращению скрытого номинализма, от которого социометрия пыталась спасти гибнущую социологию нашего столетия.

4. Заметки о социометрии, гештальт-теории и психоанализе (1933)

Психоанализ и гештальт-теория, без сомнения, сходятся в социометрии, поскольку последняя являет собой их синтез. Исследование типичных схем групповой организации и ее отношения к специфическим временным (в процессе развития) и географическим аспектам может создать у исследователей гештальт-теории впечатление, будто оно соответствует исследованиям в области восприятия. Социометрия, однако, делает нечто, чего гештальт-теория даже не касается: она исследует проявления и организацию с позиции действия или действий, которые ее производят. Она никогда не рассматривает гештальт (образ) в отрыве от творца и творческого акта.

Чаще всего социометрический подход критикуют за то, что речь здесь идет об изобретении, приспособленном к определенным социальным феноменам. Поэтому данные, вероятно, большей частью определены рамками методического подхода, используемого при исследовании. Этим рамкам исследования испытуемые подчиняются по разным причинам. Поскольку они подвергаются этим процедурам добровольно, экспериментатор заранее знает теоретическое распределение и возможности возникающих отношений. Материал, подвергаемый корреляции, представляет собой ответы, которые испытуемые дают в пределах сконструированных рамок исследования. Отдельные элементы, из которых могут складываться конфигурации, уже заранее известны как теоретические возможности. Последующие конфигурации можно проанализировать статистически и рационально, поскольку отдельные элементы, из которых они состоят, известны.

Эти социометрические конфигурации не соответствуют тому, что обычно называют гештальтом, хотя они и обнаруживают определенные свойства, которые можно было бы приписать гештальту. Одна часть структуры находится в отношениях взаимной зависимости с другой частью; изменение положения индивидуума может отразиться на всей структуре. Тем не менее *с аналитической точностью известно, каким образом вся конфигурация построена из отдельных элементов. Даже если социометрия и имеет некоторые общие свойства с гештальтом, то все же не определяющие, а именно: атомарные элементы обладают реальностью не сами по себе, но только как часть целого. Атомарные элементы социограммы можно определить аналитически*

Социометрист, изучающий групповую динамику и социальные конфигурации, находится в ином положении чем сторонник гештальт-теории. Он не подходит к чему-то заранее данному, гештальту. Он сам *создатель* гештальта, а, следовательно, гештальтист, изобретатель контуров его.

И отсюда, из этих контуров, из этой рамки, а не извне он подходит к тем социальным явлениям, которые изучает. Творец гештальта может знать отдельные элементы, которыми он манипулирует в пределах первоначальных контуров, в пределах рамки. И только он один может понять почему полученные конфигурации выглядят именно так, а не иначе. Позднейший наблюдатель, не знакомый с оригиналом, может иметь все основания для приложения гештальт-теории. Но создатель рамки находится в ином положении. Для первоначального создателя, изобретателя музыки например, если мы можем представить себе такой гениальный ум, мелодия может и не быть гештальтом. Он будет знать все относительно единиц, которые ее составляют. Однако те единицы, которые мы будем знать, могут быть отнюдь не похожи на части, отдельные тона, на которые *мы* делим мелодию.

Социометрические структуры, подобно нотам, являются языками, символическим изображением, а не самим процессом. Они аналогичны времени и пространству в *кантианском* смысле. Ум, оперирующий концепциями, использует их для того, чтобы расположить явления в известном порядке.

С другой стороны, социометрия исследует индивидов именно в тот момент, когда они спонтанно вступают во взаимоотношения, приводящие к образованию группы, *sub specie momenti*²⁹. Наше исследование этих спонтанных реакций в начальной фазе образования группы, а также установок, которые закономерно развиваются в ходе такого образования, пожалуй, соответствует исследованию психоаналитика. Но если мы *присутствуем* при «травме» рождения и пытаемся предсказывать будущее, то психоаналитик занимается пеплом, деривативами³⁰. Это, так сказать, психоанализ наоборот. Наша процедура является «социокреативной» (социотворческой). Мы начинаем с действия, первоначальной позиции, которую человек занимает по отношению к другому, и прослеживаем судьбу, к которой привели эти взаимоотношения, и форму организации, которую они развивают. Психоаналитик занимается более поздней стадией развития и идет обратным историческим путем, чтобы реконструировать «травму». По этой причине следовало ожидать, что социометрические открытия смогут подтвердить многочисленные психоаналитические концепции. Однако в силу своей методологической процедуры социометрия способна сделать две вещи, которые никогда не смогли бы осуществить психоаналитики: а) точное отображение фактов, поскольку наш метод ведет от действия к символу, а не наоборот — от символа к действию, и б) действительная организация групп и масс.

Так, например, психоаналитическое воззрение, согласно которому за догенитальным периодом развития следует латентный период и появление новой гетеросексуальной установки и т.д., по-видимому, соответствует нашим открытиям. Психоаналитик, однако, регистрирует лишь установку индивида. Тем не менее воздействие, которое оказывают эти установки на организацию группы на разных возрастных этапах, равно как и встречное воздействие, которое оказывает групповая организация на эти установки, могут исследоваться только в рамках социометрического подхода. Это, по-видимому, и является главным моментом.

Психоаналитический подход к драме Эдипа является верным, пока эдипов комплекс рассматривается как индивидуальная реакция Эдипа, отражающая всех остальных людей из его окружения. Но чтобы суметь правильно представить всю драму Эдипа, необходим анализ взаимоотношений. Каждый из этих трех людей, Эдип, его отец Лай и мать Иокаста, должен анализироваться сам по себе. При этом мы обнаружим, что так же, как Эдип из-за своего комплекса ненавидит отца и любит мать, его отец имеет по отношению к нему и Иокасте комплекс, который мы здесь вкратце назовем «комплексом Лая», и что также и мать Иокаста имеет по отношению к нему и Лаю комплекс, который мы назовем «комплексом Иокасты». Кроме того, мы можем выявить комплексы, которые Лай имеет по отношению к Иокасте, так же как и комплексы Иокасты по отношению к Лаю. Связь этих трех людей, трения между ними, столкновение их комплексов будут составлять собственно психосоциальный процесс их взаимоотношений. Этот драматический процесс окажется, однако, совершенно иным, если он отражается только в Эдипе или в его отце или матери, если каждая часть рассматривается отдельно от другой. Иначе говоря, мы получаем разнообразие взаимоотношений, которые, так сказать, являются амбицентричными. Кроме того, благодаря такому анализу изнутри мы получаем представление об организации всей семейной группы.

²⁹sub specie momenti – с точки зрения момента (лат.)

³⁰ дериватив – то, что появляется вследствие деривации – отклонения от чего-то первоначального

5. Отношение социометрии к другим социальным наукам (1937)

Исследование структуры человеческого общества

До сих пор религиозные, экономические, технологические и политические системы создавались с молчаливым предположением, что они пригодны и соответствуют человеческому обществу даже без достаточного знания их структуры. Постоянные неудачи многочисленных заслуживающих доверия и гуманных учений и доктрин привели к убеждению, что единственную предпосылку для искоренения общественного зла представляет исследование социальной структуры. Социометрия, относительно молодая наука, которая постепенно разрабатывалась с периода мировой войны 1914–1918 гг., стремится к объективному выявлению основных структур человеческого общества.

С точки зрения *медицинской социологии*³¹ знание фактической структуры человеческого общества в данный момент времени имеет решающее значение. Трудности, которые стоят на пути к достижению этого знания, чрезвычайно велики и они обескураживают. По существу их можно разделить на три категории: большое число людей, необходимость полноценного участия, потребность в непрерывных и повторных исследованиях. Эти трудности, наряду с мерами их преодоления, которые до сих пор предпринимались на основе социометрических методов, можно теперь рассмотреть более подробно.

Во-первых: человеческое общество состоит приблизительно из двух миллиардов индивидов. Число существующих между этими индивидами взаимоотношений, каждое из которых определенным, пусть даже и незначительным, образом влияет на всю ситуацию в мире, достигает астрономического размера. Учитывая этот факт, социометрия поначалу находила свое практическое применение в небольших частях человеческого общества, в спонтанных группировках, группах людей одного пола, группах людей разного пола, институциональных и индустриальных сообществах. На сегодняшний день социометрически протестированы группы и сообщества, общее число которых составляет более десяти тысяч человек. При этом было накоплено значительное социометрическое знание. Мы, однако, не должны забывать о том, что, как бы ни увеличились наши знания с течением времени и как бы точны ни были наши социометрические данные о некоторых участках человеческого общества, нет никаких выводов, которые могут "автоматически" переноситься с одного участка на другой, и никакие заключения не могут быть "автоматически" сделаны относительно той же самой группы в разное время. Каждая часть человеческого общества должна всегда рассматриваться в ее конкретности.

Во-вторых: поскольку каждого индивида и все отношения, которые он поддерживает с другим человеком, мы должны рассматривать в конкретной действительности, а не как символ, то мы можем получить исчерпывающие знания только тогда, когда каждый индивид, насколько это возможно, *спонтанно* содействует раскрытию этих отношений. **Задача состоит в том, как добиться от каждого человека максимального спонтанного участия. Это участие даст в результате психологическую географию человеческого общества, соответствующую физической географии мира. Социометрия пыталась добиться такого участия, включив в качестве неотъемлемой части процедуры какой-нибудь важный аспект реальной социальной ситуации, стоящей перед членами коллектива в данный момент. Социометрия попыталась оказать такое содействие, включив в качестве основного момента в свой метод важный аспект актуальной социальной ситуации, который в определенный момент времени занимает людей данного сообщества. Этому способствовало расширение и изменение статуса включенного наблюдателя и исследователя: он стал вспомогательным «Я» данного индивида и всех остальных членов сообщества, то есть тем, кто насколько это возможно**

³¹ для этой дисциплины Морено вводит специальное название – «социатрия», то есть социальная медицина, оздоровление общества

идентифицировался с целями каждого отдельного индивида и пытается помочь ему в их осуществлении. Этот шаг был предпринят после того, как тщательно был исследован фактор спонтанности в социальных ситуациях. **Общее определение телесных и духовных нужд недостаточно. Каждое моментальное реальное положение индивидуума в коллективе так неповторимо, что прежде чем делать выводы, нужно знать структуру, окружающую его и давящую на него в этот момент.**³²

В-третьих: поскольку необходимо знать фактическую структуру человеческого общества не только в данный момент, но и во всех его будущих проявлениях, мы должны стремиться к наибольшему спонтанному содействию каждого индивида в будущем. Проблема состоит в том, чтобы не только мотивировать к этому всех людей от случая к случаю, но и постоянно обеспечивать их спонтанное участие в регулярных промежутках времени. Эту проблему можно преодолеть, добившись поддержки метода у администрации сообщества или **приспособив процедуру к управлению коллективом.** Если спонтанные стремления к контактам с другими людьми или в отношении объектов и ценностей официально и постоянно поддерживаются соответствующими органами сообщества, этот метод может быть повторен в любое время, что позволяет оценить структуру сообщества с точки зрения ее развития в пространстве и времени.

Первым шагом, сделанным на пути исследования структуры человеческого общества, явилось определение и разработка социометрических методов, способных преодолеть вышеописанные трудности. Социометрические методы пытаются выявить основополагающие структуры общества, раскрывая влечения, притяжения и отталкивания, которые действуют в **отношениях лиц к лицам, а также в отношениях лиц к предметам.**

Типы социометрических процедур.

Все перечисленные ниже типы процедур могут, независимо от состояния развития отдельных членов, быть применены к любой группе. Если **примененная процедура по форме** находится ниже уровня, необходимого для определенной социальной структуры, то результаты будут отражать лишь неполную «инфраструктуру» этого сообщества. Адекватная социометрическая процедура должна быть дифференцирована не больше и не меньше, чем предполагаемая социальная структура, которую она пытается оценить.

Один тип процедуры имеет целью вскрыть социальную структуру между индивидуумами путем простой записи их движения и положения в пространстве по отношению друг к другу. Эта процедура записи примитивных движений была применена в группе младенцев, уровень развития которых не допускал плодотворного применения более дифференцированного метода. С помощью этого метода изображается структура, возникающая между несколькими детьми, между детьми и их воспитателями, между детьми и окружающими их предметами в данном физическом пространстве, комнате. На самой ранней ступени развития физическая и социальная структуры пространства перекрываются и совпадают. В определенной точке развития структура взаимоотношений начинает все больше отличаться от физической структуры группы, и с этого момента начинает также отличаться социальное пространство в эмбриональной форме от физического пространства. Социограмма является в этом случае диаграммой позиций и перемещений. Более высокоразвитая структура возникает, когда дети начинают ходить. Они могут теперь подойти к любимому человеку или отойти от нелюбимого, подойти к предмету, который они желают, или отойти от предмета, которого они хотят избежать. Фактор невербального спонтанного участия начинает все отчетливее влиять на структуру.

³² Ср.: «А это значит, что существует много миллионов существ, образующих узел, который нас сдавливает» Морено Я. Речь о встрече (сборник «Приглашение ко Встрече», фрагмент см. (Лейтц Г.) стр. 135 пер. А.Боковикова)

Другой вид процедуры применяется в группах маленьких детей, которые до или после того, как они научились ходить, могут разумно пользоваться простыми словесными символами. Фактор простого "участия" субъекта становится более сложным. Субъект может выбрать или отвергнуть предмет или лицо, не делая никаких физических движений. Процедуры еще больше усложняются, когда при установлении контакта дети подвергаются влиянию физических или социальных свойств других людей: пола, расы, социального положения и т. д. Этот фактор дифференцированного установления контактов означает новую тенденцию в развитии структуры. До этого момента речь шла только об *индивидах* и их позициях в ней. Отныне речь идет о контактах, объединениях индивидов и их позициях в пределах структуры группы. Этот дифференцирующий фактор называется критерием группы. С развитием обществ индивидов быстро возрастает число критериев, по которым устанавливаются или могут установиться контакты. Чем более многочисленными и комплексными являются критерии, тем более комплексной будет также социальная структура сообщества.

Эти немногочисленные примеры демонстрируют, что социометрический метод не является жестким аппаратом правил и что он должен модифицироваться и адаптироваться к каждой новой групповой ситуации. Форма социометрического метода должна соответствовать актуальным возможностям субъектов, чтобы он как можно более побуждал их к спонтанному участию и наиболее отвечал их экспрессивным возможностям. Если социометрический метод не соответствует актуальной структуре данного сообщества, мы можем получить о ней только ограниченные или искаженные сведения.

Включенный наблюдатель социальной лаборатории, в противоположность научному наблюдателю в физической или биологической лаборатории, испытывает глубокое изменение. Наблюдение за перемещениями и добровольно выбранными контактами индивидов, если известна основная структура, является ценным дополнением. Но как наблюдатель может что-либо узнать об основной структуре сообщества, состоящего из тысячи людей, если в каждой роли, воплощенной им в сообществе, он пытается одновременно быть доверенным лицом и интимным собеседником каждого индивида? Он не может наблюдать их как небесное тело и записывать их перемещения и реакции. Он упустит сущность их ситуаций, если будет играть роль ученого-разведчика. Процедура должна носить открытый и явный характер. Члены коллектива должны стать в какой-то мере участниками проекта. Степень участия является минимальной, если индивиды группы хотят *только отвечать на вопросы относительно друг друга*. Любое исследование, которое пытается без максимального участия индивидов в группе выявить чувства, которые они испытывают друг к другу, является лишь квазисоциометрическим (*near-sociometric*). Квазисоциометрическое исследование и диагностический метод имеют на современной стадии социометрии большое значение. Они могут применяться по-разному — и в определенных границах даже без неудобств для участников. Полученная в квазисоциометрическом исследовании информация основывается, однако, на недостаточной мотивации участников, которые проявляют свои чувства не полностью. В квазисоциометрическом методе участники редко бывают спонтанными и разогреваются лишь постепенно. Индивид, которому задают вопрос «какие друзья у вас есть в городе?», может пропустить одного или двух человек, причем самых важных людей из его социального атома, людей, с которыми он поддерживает скрытую дружбу, отказаться от которой он бы не хотел.

Метод наблюдения при исследовании группы, исследование формирования группы *извне*, не отвергается социометристом. Однако он интегрируется в более емкий метод, социометрический, который является и действенным, и наблюдательным методом одновременно. Обученный социометрист постоянно собирает разные сведения, полученные при наблюдении и в эксперименте, которые могут оказаться немаловажными как дополнение к его знаниям о *внутренней* социальной структуре группы в

определенный момент времени. Социометрический метод может стать основой последующего наблюдения и статистического исследования, дополняющих и углубляющих анализ структуры.

Переход от квазисоциометрического к собственно социометрическому методу зависит от методов, которые используются для мотивации к адекватному содействию. Если включенному наблюдателю удается в той или иной мере отказаться от своей роли наблюдателя и вместо этого помогать каждому индивиду в группе в осуществлении его потребностей и интересов, то он претерпевает изменение, превращаясь из наблюдателя во вспомогательное «Я». Наблюдаемые люди становятся открытыми участниками («меценатами») проекта, вместо того, чтобы с той или иной степенью нежелания рассказывать что-либо о себе или о ком-то другом. *Проект становится общим делом.* При этом и собственные проблемы, и проблемы других людей переживаются и наблюдаются одновременно. Участники становятся ключевыми фигурами социометрического исследования. Они знают, что их шансы достичь положения в группе, которое наиболее соответствует их ожиданиям и желаниям, зависят от того, насколько открыто и честно они дадут понять, кто им нужен, — будь то в качестве партнера в игре, сотрапезника в столовой, соседа в сообществе или сотрудника на фабрике.

Первым решающим шагом в развитии социометрии было вскрытие действительной организации группы. Вторым решающим шагом было применение субъективных приемов при определении этой организации. Третьим решающим шагом был метод, который придавал наивысшую степень объективности субъективным терминам благодаря функции вспомогательного «Я». Четвертым решающим шагом было рассмотрение критерия (нужды, ценности, цели и т. д.), на основе которого складывается данная структура. Истинная организация группы может быть выявлена, если тест так построен, что он соответствует критерию, вокруг которого сложилась группа. Например, если мы хотим определить структуру рабочей группы, критерием будет являться отношение ее членов в качестве рабочих на фабрике, а не ответ на вопрос, с кем бы им хотелось пойти завтракать. Мы, следовательно, различаем существенный и вспомогательный критерии. Сложные группы часто формируются на основе нескольких существенных критериев. Если тест является квазисоциометрическим или недостаточно разработанным (не адекватным), тогда он дает вместо действительной организации группы ее искаженную, менее дифференцированную форму, инфра - уровень ее структуры.

В социометрической работе выделяются различные подходы: 1) процедура для исследования организации группы; 2) диагностическая процедура для классификации положения индивидов в группах и положения групп в сообществе; 3) терапевтическая и политическая процедуры для оказания помощи индивидам в лучшей адаптации; и, наконец, 4) полный социометрический метод, представляющий собой синтез всех этих этапов, которые превратились в одну-единственную операцию, причем каждый из методов зависит от другого. Последняя процедура является также наиболее научной. Она не является более научной из-за того, что она более практична, скорее она более практична вследствие того, что она более точна научно.

Представление и анализ социометрических данных

Сведения, полученные от каждого индивида в ходе социометрического эксперимента, какими бы спонтанными и важными они ни казались, сами по себе еще не являются социометрическими фактами; это только материал. Сначала мы должны посмотреть, каким образом эти данные друг с другом связаны. У астронома есть его вселенная звезд и других небесных тел, которые наглядным образом разбросаны по всей вселенной. Их география задана. Социометрист же находится в парадоксальной ситуации: ему приходится строить и составлять план своей вселенной, прежде чем он может приступить к ее изучению. В

качестве графического метода была разработана социограмма, которая неизбежно является чем-то большим, чем просто метод изображения. В первую очередь это метод исследования, и вместе с тем он позволяет исследовать социометрические факты. Точное положение каждого индивида и все взаимоотношения индивидов можно изобразить в социограмме. В настоящее время это единственное имеющееся в распоряжении схематическое изображение, который делает возможным структурный анализ сообщества. Невидимая для нас схема социальной вселенной становится благодаря диаграммам наглядной. По этой причине социометрическая диаграмма является тем целесообразнее, чем точнее и реалистичнее она отображает выявленные связи. Поскольку важна каждая деталь, самое точное изображение является также и самым адекватным. Трудность состоит не только в том, чтобы как можно более просто и кратко представить сведения, но также и в том, чтобы их можно было исследовать.

Разработаны самые разные виды социограммы. Общим для них является изображение схемы социальной структуры как целого и положение в ней каждого индивида. Одни показывают социальные конфигурации во временном развитии и в пространственном распространении. Другие виды социограмм в свою очередь отображают текущую и временную картины группы. Поскольку графическая техника изображения является методом исследования, социограммы построены так, чтобы из *первичной* карты сообщества можно было вынести небольшие части, заново их изобразить и, так сказать, изучить под микроскопом. Другая производная, или вторичная (**деривативная**), социограмма возникает, если из карты сообщества на основе их функционального значения мы выводим обширные структуры, например психологические сети. Картографическое отображение сетей указывает на то, что на основе первичных социограмм мы можем разрабатывать графические формы отображения, которые помогают нам в исследовании больших географических областей.

Концепция и открытия

Социометрия фактически возникла, как только мы смогли исследовать социальную структуру в целом и в ее частных областях. До тех пор пока основное внимание уделялось индивиду, его отношениям и его адаптации к группе, оно было невозможным. Но как только социальная структура стала рассматриваться как целое, можно было приступить также к изучению частных. Благодаря этому нам удалось описать социометрические факты (дескриптивная или описательная социометрия) и функцию специфических структур, учесть воздействие одних частных областей на другие (динамическая социометрия).

Если мы рассматривают социальную структуру сообщества как связанное с определенным пространством и определенной физической географией целое, как общность, состоящую из домашних групп, школ и рабочих мест, как взаимоотношения между их жителями в этих ситуациях, то мы получаем концепцию психологической географии сообщества. Если же мы рассматриваем структуру сообщества в ее деталях, то узнаем конкретное положение каждого индивида в ней и видим также, что каждый индивид окружен ядром отношений, которое у одних «толще», а у других «тоньше». Это ядро отношений является наименьшей *социальной* структурой сообщества, *социальным атомом*³³. Для дескриптивной социометрии социальный атом является фактом, а не концептом, подобно тому, как для анатомии, например, дескриптивным (описательным) фактом является сердечно-сосудистая система. Социальный атом приобрел основополагающее значение, как только исследование развития социальной структуры позволило заключить, что он играет важную роль в построении человеческого общества.

³³ См. рис. на стр. 102 (...)

Если определенные части этих социальных атомов внешне расположены между задействованными индивидами, то определенные части соединяются с определенными частями других социальных атомов, которые со своей стороны связаны с частями опять-таки других социальных атомов. Эти связи ведут к образованию сложных цепей отношений, которые в терминологии дескриптивной социометрии называются психологическими сетями. Чем дольше существует сеть и чем более она распространена, тем меньшими возможностями воздействия располагает отдельный человек, **тем меньше его индивидуальный вклад**. С точки зрения динамической социометрии функцией этих сетей является формирование социальных традиций и общественного мнения.

Другая и более сложная проблема заключается в том, чтобы описать процесс, лежащий в основе притяжений и отталкиваний между индивидами, эмоциональные потоки, из которых, очевидно, состоит социальный атом и сети. Этот процесс можно представить как теле. Мы привыкли считать, что чувства возникают в организме индивида и направляются с разной степенью интенсивности на людей или вещи из непосредственного окружения. Мы всегда полагали, что чувства не только возникают исключительно в организме индивида — в целом ли организме или только в определенной части, а также, что эти физические и психические состояния раз и навсегда остаются в организме после их возникновения. Эмоциональное отношение к человеку или объекту называется катексисом или фиксацией; тем не менее эти катексисы (привязанности) или фиксации рассматривались лишь в качестве индивидуальных проекций. Это соответствовало материалистическому пониманию целостности и, как мы бы сказали, микрокосмической независимости индивидуального организма. **Гипотеза, что чувства, эмоции или идеи могут "оставлять" организм или "возникать" в нем, по-видимому, несовместима с этой концепцией**. Утверждения парapsихологии сходу отвергались как ненаучные. Утверждение, что народ представляет собой коллективное единство, казалось романтическим и мистическим. Сопротивление каждой попытке поставить под сомнение неприкосновенную целостность индивида коренится в том числе и в представлении, что чувства, аффекты, идеи привязаны к структуре, в которой они могут возникать, теряться, действовать и исчезать. Ибо где иначе могли бы храниться эти чувства, аффекты и идеи, после того как они «покинули» организм?

Открытие прочной структуры и закономерного развития социальных атомов и сетей подтвердило существование экстраиндивидуальных структур, в которые стекаются эмоциональные потоки — и, вероятно, удастся обнаружить еще много других структур. Но здесь проявилась еще одна сложность: пока мы (в качестве вспомогательных Я) выуживали у каждого индивида необходимые ответы и нужный материал, по причине нашей близости к индивиду мы стали склонны представлять себе теле как нечто исходящее от индивида, направленное на других людей или объекты. На индивидуально-психологическом уровне в подготовительной фазе социометрического исследования это, наверное, так. Но как только мы перенесли эти ответы на социометрический уровень и исследовали их не изолированно, а в их взаимоотношениях, веские методологические доводы свидетельствовали в пользу того, что этот эмоциональный поток, теле, следует понимать как интерперсональную или, более точно и общо, как «социометрическую структуру». Спроецированные чувства не имеют в социометрии никакого смысла. Они должны быть, по меньшей мере потенциально, дополнены «ретроецированными» чувствами. Одна часть не существует без другой. Это континуум. Пока новые знания не принуждают нас к изменению и усовершенствованию этого концепта, мы должны предположить, что реальный процесс в жизни одного человека соответствует, чувствительно на него реагируя, реальному процессу в жизни другого человека и что имеется бесчисленное множество позитивных и негативных разновидностей этой человеческой чувствительности. Теле потенциально может существовать между любыми двумя людьми. Но оно может стать действенным только тогда, когда эти люди встречаются или когда их чувства и идеи по определенным каналам, например сети,

встречаются на определенном расстоянии. Эти эффекты дистанции или теле оказались комплексными социометрическими структурами, на которые через длинную цепь индивидов со звеньями совершенно разной чувствительности — от полного безразличия до максимального ответа — воздействует все то же теле.

Социальный атом состоит, следовательно, из многочисленных структур теле. Со своей стороны социальные атомы являются частями еще более крупных образований, психологических сетей, которые соответственно их отношениям теле связывают или разделяют большие группы индивидов. В свою очередь психологические сети являются частями еще более крупной единицы, психологической географии сообщества. Сообщество, наконец, является частью самой крупной конфигурации, психологической совокупности человеческого общества.

Стратегическая роль социометрии среди социальных наук.

Значение социометрии для социальных наук можно правильно оценить только в том случае, если мы проанализируем некоторые из самых характерных разработок за последние десять лет (1948–1958). Одно из этих направлений является марксистски ориентированным и разрабатывалось преимущественно Георгом Лукачем и Карлом Мангеймом. Их социальная философия полна догадками, близкими к социометрии. Они подчеркивают существование общественных классов и зависимость идеологии от социальной структуры. Они указывают на положение индивидов в группе и на социальную динамику, которая возникает в результате изменения позиции групп в сообществе. Обсуждение же ведется на диалектическом и символическом уровне, из-за чего у читателя создается впечатление, что авторы обладают детальными и неопровержимыми знаниями об описываемых ими социальных и психологических структурах. Они описывают социальные и психологические процессы, которые (как они предполагают) можно наблюдать в крупных группах населения.

Эти широкие обобщения способствуют формированию *псевдоцелостной* (глобальной, тотальной) картины социальной вселенной. Основополагающая социальная и психологическая структура группы остается мифологическим продуктом их фантазии, мифологией, стоящей на пути к прогрессу от старого к новому социальному устройству, точно так же, как и фетиш товаров до анализа *Маркса*. Диалектические и политические глобалисты³⁴ оказались в тупике. Подлинный прогресс в политической теории может выкристаллизоваться только тогда, когда обеспечено более конкретное знание об основополагающей структуре группы.

Экономическая ситуация группы и ее динамическое влияние на социальную и психологическую структуру этой группы можно правильно понять только в том случае, если мы знаем также социальную и психологическую ситуацию этой группы и исследуем ее динамическое влияние на экономическую ситуацию. На самом деле, с точки зрения социометрии экономический критерий является только одним из критериев, вокруг которого образуется социальная структура. Социометрический метод является синтетической процедурой, которая при ее применении выявляет все фактические отношения независимо от того, будут ли они экономического, социологического, психологического или биологического происхождения. Эта процедура проводится как единая операция, но результаты ее многообразны. Она обеспечивает знание действительной и социальной структуры в отношении каждого критерия, динамически

³⁴ Понятие «totalism» Морено употребляет в широком смысле: это и тотальный социальный детерминизм, и спекулятивный философский глобализм, и вообще любая социальная (социетальная) теория, стремящаяся ко всеобъемлющим социальным обобщениям. Условно мы переводим это «глобализм» (Прим. редактора)

связанного с ней, она дает возможность классифицировать структурообразующий психологический, социальный и экономический статус популяции и раннее распознавание изменений психологического, социального и экономического статуса этой популяции. Знание социальной структуры обеспечивает конкретную базу для рационального социального действия. Это не должно удивлять даже самых ярых приверженцев старых диалектических методов. Пока принималось в расчет исключительно знание экономической структуры, все остальные структурные формации общества могли считаться какими угодно доказательствами экономической обусловленности.

Раньше представлялся необходимым только экономический анализ каждой реально существующей группы. С развитием широкого спектра социометрических процедур социального анализа, которые ухватывают саму основу социальной структуры, вырисовывается возможность нового развития. Исследователи-социометристы воспринимают глобализм неомарксистов как нечто такое же поверхностное и нереалистичное, как Маркс в свое время воспринимал глобализм Гегеля. В сравнении с размахом (elan) глобалистских социально-философских школ социометрическое стремление может показаться робким. Вместо того чтобы анализировать общественные классы, состоящие из миллионов людей, мы проводим тщательный анализ малых групп. Это означает отход из социальной вселенной в ее атомарную структуру. Совместными усилиями многих ученых с течением времени мы снова придем к общей картине человеческого общества, которая, однако, будет более обоснованной. Это, пожалуй, может показаться глубоким падением, отступлением к старому после диалектического самодовольства, но отступлением стратегическим, отступлением к большей объективности.

С символизмом иного рода мы сталкиваемся в областях исследования, которые занимают преимущественно психологической теорией. Пример тому — недавние разработки в школе гештальтпсихологии. Дж. Ф. Браун и Курт Левин схематизировали социальные структуры и социальные барьеры, не исследовав их эмпирически. Умозрительная схема может быть также вредной для развития молодой и ищущей свой путь экспериментальной науки, как и политическая схема. Имеется много звеньев в цепи межличностных отношений, которые нельзя угадать. Они требуют конкретного исследования в самой группе. Нас интересуют здесь не результаты исследования, например соответствует ли исследование возможным фактическим отношениям или нет, нас интересует контраст между эмпирическим и символическим методами процедуры. Мы поняли во время социометрической работы, как недостоверны наши самые удачные догадки в отношении социальной структуры, поэтому мы предпочитаем, чтобы наши концепции возникали и развивались с развитием эксперимента, и мы не берем их готовыми из любого априорного или несоциометрического источника.

Степень социометрического сознания

Оценить вред, нанесенный всеми символическими концепциями социальной структуры, проще всего, если непосредственно включиться в решающий эксперимент в качестве исследователя, который входит в группу, какой бы маленькой или большой она ни была, с намерением применить к ней социометрический метод. Проведение социометрического эксперимента даже в совсем небольшом сообществе представляет собой крайне щекотливую психологическую проблему, которая становится тем большей, чем более комплексным и дифференцированным является сообщество. Существует тенденция недооценивать возникающие сложности. Социометрические методы, казалось бы, должны приниматься благосклонно, поскольку они помогают осознать и прояснить основополагающие структуры (основные проблемные структуры) группы. Но это не всегда так. Некоторые люди противятся им, другие даже относятся к ним враждебно.

Следовательно, нужно тщательно подготовить группу, прежде чем подвергнуть ее тестированию.

Социометрические техники должны ориентироваться на открытость данной популяции к социометрическому группированию, на его зрелость и готовность к исследованию, которая каждый раз может меняться. Психологическое состояние индивидов можно назвать степенью *социометрического сознания*. Сопротивление социометрическому методу часто можно свести к психологическим барьерам и барьерам, обусловленным воспитанием. Для полевого исследователя важно по отдельности продумать каждую проблему и попытаться с ней справиться.

Первая проблема, с которой, как правило, сталкиваются, — это незнание сути социометрического метода. Подробное и ясное изложение, вначале, наверное, в малых и доверенных группах, затем в случае надобности на городском собрании, оказывается крайне полезным, поскольку позволяет открыто обсудить возможные недоразумения. При этом отдельные индивиды, как правило, узнают, что в их группе имеют место многочисленные социальные и психологические процессы, не интегрированные демократическим способом. С другой стороны, становится ясным, что страх и сопротивление направлены не столько на метод, сколько на возникающие в результате выводы. Эти и другие реакции определяют степень социометрического сознания группы. Они определяют также форму и объем подготовки, в которой нуждаются члены группы, прежде чем можно будет приступить к проведению процедуры.

В ходе исследования спонтанные реакции участвующих индивидов позволяют нам сделать вывод о причинах их страхов и сопротивлений. В одном из обследованных сообществ несколько индивидов сделали свой выбор и обосновали его непосредственно; другие долго мешкали, прежде чем сделать выбор; один или два члена даже отказались от участия. После применения результатов тестирования к группе одна получившая несколько выборов женщина оказалась весьма недовольна. Ей не определили в соседи мужчину, который не ответил на ее первый выбор. Понадобились недели, чтобы она преодолела свой гнев. Однажды она, улыбаясь, сказала, что ей нравится нынешний сосед и, даже если бы была такая возможность, она бы уже не поменяла его на свой изначальный первый выбор. Другой женщине не важно было кого выбирать. Диаграмма сообщества показала затем, что также и никто из других индивидов ее не выбрал. Она была изолирована. Следовало предположить, что она догадывалась о своей позиции аутсайдера в группе и поэтому не очень-то хотела об этом узнать. Она не занимала в группе положения, которого ей хотелось, и поэтому, наверное, предпочитала его скрывать.

Другие индивиды также выказывали страх перед разоблачениями, которые мог сделать социометрическая процедура. У одних людей этот страх выражен сильнее, у других слабее. Один не решался разобраться в своих отношениях в соответствии с реальными потребностями, другой боялся последствий. Например, один человек заметил, что он чувствует неловкость, когда ему приходится назвать того, кого он хотел бы иметь в качестве коллеги по работе. "Нельзя выбрать всех, а я не хочу никого обидеть". Другой сказал: "Если я не получу в качестве соседа того, кто мне нравится, то есть если он будет жить на некотором расстоянии, мы сможем больше дружить - лучше не слишком часто видеть друзей".

Эти и подобные замечания обнаруживают основополагающий феномен, форму межчеловеческого сопротивления, а именно в выражении симпатии, испытываемой к другому. На первый взгляд это сопротивление кажется парадоксальным, поскольку оно проявляется именно тогда, когда может быть удовлетворена важная потребность. Это сопротивление индивида по отношению к группе вполне объяснимо. С одной стороны, его можно свести к страху индивида узнать о своем положении в группе. Полное осознание своего положения может оказаться неприятным и болезненным

С другой стороны, это сопротивление основывается на страхе, что другие могут узнать, кто человеку нравится, кто не нравится и какое положение в группе ему на самом деле хочется занимать. Сопротивление вызывается внеличной ситуацией индивида, его положением в группе. Он чувствует, что его позиция в группе не является результатом его собственных усилий, но главным образом результатом того, что чувствуют по отношению к нему лица, с которыми он соприкасается. Он может даже смутно ощущать, что за пределами его социального атома имеются невидимые телеструктуры, которые влияют на его положение. Страх выразить чувство предпочтения, которое он питает к другим, фактически является страхом перед чувствами, которые другие питают к нему. Объективный процесс, лежащий в основе этого страха, был открыт нами во время количественного анализа групповой организации. Индивид боится сильных эмоциональных потоков, которые «общество» может направить против него; это страх перед психологическими сетями. Это боязнь тех мощных структур, влияние которых неограниченно и не поддается контролю. Это страх, что они могут погубить его, если он не будет вести себя смиренно.

Задачей социометриста является постепенное устранение существующих или развивающихся в группе недоразумений и страхов, с которыми он встречается. Члены группы охотно оценят преимущества, которые им сможет дать социометрическая процедура: более уравновешенную организацию коллектива и более уравновешенное положение каждого индивидуума внутри него. Социометрист должен применить все свое искусство, чтобы добиться полного сотрудничества со стороны членов группы, по крайней мере по двум причинам: чем более спонтанно будет их сотрудничество, тем ценнее плоды его исследования и тем больше смогут помочь им его результаты.

6. Социометрия и экспериментальный метод *

Социометрия и экспериментальный метод в науке

Экспериментальный метод в науке, повсеместно принимаемый за непреложную истину, был солидно сформулирован Джоном Стюартом Миллем [9]. Миллевская «Система логики» была опубликована примерно сто лет назад (1843). Между работой Милля и работой Огюста Конта существует тесная связь. Милль признает, что своей системой логики он обязан многим ценным идеям Конта (Elliot 1910, Littré 1877). (Среди прочего под влиянием Конта Милль заменил априорный метод в науке апостериорным.) Поэтому моя критика принципа экспериментального метода Милля относится также к Конту.

Модель для валидации открытий социальных наук Милль заимствовал из естествознания. Он пришел к неутешительному выводу, что экспериментальный метод не может быть применен к социальным наукам, поскольку их предмет является слишком сложным. Вопрос, который ставится здесь, заключается в том, не начал ли Милль неправильной предпосылки и не является ли образец, который он так авторитетно предложил социальным наукам, неправильным. В то время, когда оба теоретика, Конт и Милль, конструировали свои универсальные системы экспериментального метода, Карл Маркс занимался разработкой собственной системы. Однако основная проблема и направленность его системы была иная. Маркс был практическим теоретиком и мыслителем. Будучи антагонистом Конта и Милля, он выбрал в «Тезисах о Фейербахе» (1845) и в «Коммунистическом манифесте» (1848) противоположное направление. Каждый, кто знаком с социометрическим методом, может смело утверждать, что бессознательно Маркс ориентировался на модель, которая наиболее близка социальным наукам, а именно на модель социального поведения человека в мире действия. Но никаких следов марксистской логики нельзя обнаружить в «Системе логики» Милля. Отсюда не следует делать вывод, что Маркс заинтересовался экспериментальным методом как таковым (per se). Он не интересовался способами уточнения и валидации, за что ратует

экспериментальный метод, но, пожалуй, интересовался важными методами, которые применимы на практике и которые подтверждаются «экспериментами природы».

* Часть этой статьи была опубликована в 1948 году под названием «Experimental Sociometry and the Experimental Method in Science» (*Current Trends of Social Psychology*, University of Pittsburgh Press, Pittsburgh, Pennsylvania) и в 1949 году на французском языке под названием «Methode Experimentale, Sociometrie et Marxisme» (*Cahiers Internationaux de Sociologie*, Presses Universitaires de France, Paris).

На этом основании экспериментальный метод следует разделить на две части, *материальную, конкретную, часть и логическую*. Принцип *Милля* относится исключительно к логической части или, как он это называет, к *методам экспериментального исследования*. Они понимались как методы исследования причинных связей и как методы конечного доказательства. Он выделил метод соответствия, метод различия, объединенный метод соответствия и различия, метод сопутствующих изменений и метод остатков. Благодаря внешне необычайно убедительному пафосу логического изложения экспериментальных методов они стали чем-то священным для всех почитателей науки. Они покоятся на догме единообразия (подобия) природы, или, как говорит Милль: "В природе имеются параллельные случаи - то, что произошло раз, при соответствующей степени одинаковых условий произойдет снова". Единообразие природы, говорит он, является "наивысшей предпосылкой всякой индукции".

Имеются достаточные основания сомневаться в абсолютном значении общих законов (Moreno 1948). Вера в общие и унифицированные законы есть *кредо* «сциентизма». В конечном счете всегда были такие же приверженцы идеи науки, равно как и приверженцы идеи Бога. Без такого кредо, будь оно верным или нет, наука (по меньшей мере то, что обычно под нею понимается) потеряла бы свой смысл. Создание высшей области исследования, "сверхнауки", которая может быть независимой от религии и метафизики, является постулатом нашей компетентной критики. Такое исследование будет иметь целью исследовать логические границы науки, и оно не поколеблет ее авторитета, ибо главным свойством науки является то, что она всегда готова изучать самое себя и не соглашаться сама с собой.

Пересмотр основ экспериментального метода; материальная и логическая часть

Гипотеза, что природа единообразна, что вселенная управляется общими законами и что та же самая причина при тех же самых обстоятельствах приведет к тому же результату, не является предметом обсуждения данной статьи. Предметом данной статьи является критика экспериментальных методов, потому что они пренебрегают *материальной (конкретной) стороной ситуаций*, в которых они применяются.

Если логические аспекты экспериментального исследования начиная с *Фрэнсиса Бэкона* (1620), продолжая *Миллем* и вплоть до сегодняшнего дня всегда категорически подчеркивались, то материальной³⁵ стороной настолько пренебрегали, что это серьезно повредило развитию социальных наук, а также не дало возможности вооружить человеческое общество в целом более строгими и адекватными орудиями социального изменения чем те, которые имеются в настоящее время. Отсюда одной из важных задач социологической мысли нашего века является исправление наиболее грубой методологической ошибки, которая делает социальные исследования тривиальными и путанными и в то же время сужает их точку зрения.

Экспериментальная ситуация в самом широком смысле состоит из трех компонентов: а) материальной части, то есть предмета, для исследования которого разрабатывается

³⁵ «Материальной» – неизмеримо ближе у Морено к понятию «материал» (см. ниже), чем к понятию «материализм» (Прим. редактора)

эксперимент; б) логической части, то есть методов, которые создаются, чтобы проверить валидность гипотезы или универсального закона; и в) отношения между материалом эксперимента и логико-экспериментальной частью процедуры. В физике и до определенной степени в биологии исследуемый материал экспериментального метода играет менее важную роль, чем в социальных науках. В материальной структуре можно, разумеется, обнаружить большие различия: различие между звездой, планетой, камнем и растением; различие между твердым, жидким и газообразным веществом; различие между водорослью, стеблем травы и деревом; или различие между рыбой, бабочкой и крысой. Как бы ни различались эти формы проявлений природы по своей материальной структуре, в общем и целом к ним **ко всем** все-таки можно подобрать и применить один и тот же экспериментальный метод. Поскольку экспериментальный метод в этих областях доказал свою ценность, многие авторы пришли к выводу, что равным образом он мог бы найти применение и в социальных науках. Однако их оптимизм неоправдан. *Милль* со своим скептицизмом был в принципе прав; тем не менее он не замечал, что виноват был сам экспериментальный метод, а не недоступность и непостоянство социальных феноменов.

Социометрия: понятие, определение и значение

Важнейшая методологическая задача социометрии состояла в том, чтобы, подвергнув ревизии экспериментальный метод, получить возможность успешно его применять к социальным феноменам. Социометрия определялась как наука, которая занимается «математическим изучением психологических качеств популяции, экспериментальными методами и результатами, вытекающими из применения количественных принципов»; кроме того, она определялась как «исследование развития и организации группы и положения в ней индивидов» (*Moreno* 1933). Как «наука об организации группы» (*Moreno* 1932) «она подходит к проблеме не со стороны внешней структуры групп, поверхности группы, а со стороны ее внутренней структуры». Таким образом, дефиниция социометрии соответствовала ее этимологическим корням в латинском языке; при этом ударение делается не только на второй половине слова, то есть на «*metrum*», мера, но и на первой половине, то есть на «*socius*», ближний. До этого в науке обходили стороной оба принципа, но все же аспект «*socius*» анализировался еще более поверхностно, чем аспект «*metrum*». По своей конструкции термин «социометрия» в лингвистическом отношении родственен другим, традиционным научным понятиям: биология, биометрия; психология, психометрия; социология. Если рассматривать с точки зрения систематики, то социометрия является предварительной ступенью к областям социологии, антропологии, социальной психологии, социальной психиатрии и т.д. Социометрия занимается проблемами «*socius*» и «*metrum*», которые едины для *всех* социальных сфер. Как наука в самом широком смысле социометрия является идеалом; она охватывает каждое отдельное направление, но в то же время не может быть к ним сведена. За время ее существования в ней возникли три области исследования:

а) динамическая или революционная социометрия (представители — *Я. Л. Морено, Г. Инфилд* и отчасти *Э. Дженнингс*);

б) диагностическая социометрия (*Дж. Крисвелл, Г. Лундберг, У. Бронфенбреннер, М. Нортуэй, М. Бонни, Л. Зеленый, К. Лумис, Ф. Чапин, Э. Богардус* и др.);

в) математическая социометрия (*П. Лазарфельд, С. Додд, Л. Кац, Дж. Стюарт*).

Три области перекрываются, и некоторые ученые (как и автор) внесли вклад в каждую область исследования.

Каждая наука направлена на констелляцию фактов и на средства для их измерения. Без соответствующих средств для исследования фактов и без соответствующих средств измерения нет науки. Первый шаг в развитии каждой науки состоит в том, чтобы выявить условия, при которых проявляются важные (значимые) факты. Достигается это в каждой науке по-разному. **Сравнительно хорошо известно, как достичь условий, при которых**

возникают физические и биологические факты (их описание, тщательное наблюдение и изучение). Гораздо сложнее создать условия, при которых проявляются важные факты человеческих отношений. Для этого требуется поистине революционный метод. Причина, почему существует такая большая разница в предварительных шагах, требуемых для социальных наук по сравнению с физическими науками, не является вполне очевидной. Поскольку естествознание имеет дело с неодушевленными предметами, основное значение здесь придается механическим, физическим аспектам ситуации. Мы не рассчитываем на то, что тот или иной предмет, как камень, вода, огонь, земля или планеты, солнце и звезды, внесут свой вклад в изучение самих себя. Если оставить в стороне мифологию, им уже не приписывается, по меньшей мере сегодня, душа или личность. Поэтому метафизические связи, которые могли бы существовать между планетами и звездами в виде мифологических, наделенных душой, действующих субъектов, для естествознания значения не имеют. Это также не особо меняется в случае более низших по сравнению с человеком организмов, например в экспериментах с крысами, морскими свинками и т.п. Социальный исследователь, который проводит эксперимент и интерпретирует данные, не является ни морской свинкой, ни крысой, а является человеческим существом. Крысы или морские свинки, так сказать, не выступают в таких экспериментах в качестве действующих в собственных интересах субъектов. Подобные планы в эксперименте всегда являются планами человека, а не планами морских свинок или крыс. Если бы поэтический ум а la *Свифт*, смог описать, какие чувства испытывают крысы друг к другу и как на них воздействуют эксперименты, проводимые с ними людьми, то, это, вероятно, оказалось бы понятным для нас с художественной, но не с научной точки зрения. Здесь можно было бы сказать, что мы пытаемся оценить поведение крыс так, как оно «есть», а не так, как оно воспринимается крысами. Это, однако, не решает методологическую проблему, с которой мы сталкиваемся, применяя эти же методы наблюдения к человеческим отношениям. Можно отстаивать точку зрения, что животные сообщества, так же как и индивидуальные животные организмы, являются неизменными и предопределенными; но человеческое общество отнюдь не является неизменным и предопределенным. Хотя оно тесно связано с физическими и биологическими условиями, оно обладает структурой, возникновение и развитие которой инициируется и может быть исследовано изнутри.

Материальный аспект психологической ситуации

Поскольку расхождение между материальной и логической частями эксперимента теперь близко к разъяснению, мы можем сказать, что его уже можно было наблюдать на протяжении всего последнего столетия при разработке психологического анализа личности, которую мы кратко называем психологической ситуацией. Мы хотим рассмотреть здесь одну из наиболее важных идей этого периода – представление о мыслительных ассоциациях. *Вундт* заимствовал у *Локка* представление, что связанные друг с другом мысли имеют тенденцию сохраняться в психике вместе. *Фрейд* первым подверг его ревизии, но не с позиции того, что представляют собой ассоциации в логическом отношении, но поставив вопрос, как их можно материализовать в научных целях. Для *Вундта* индивид по-прежнему представлял собой в известной мере реагирующий механизм, который, подобно животным в лабиринте, можно было без проблем исследовать и измерить при его минимальном участии. Психологическая ситуация, отношение исследователя к своему предмету, была для него, как и для его предшественников, *Вебера* и *Фехнера*, крайне искусственной.

Фрейд был гораздо более заинтересован, как получить значимые ассоциации, чем как получить любую ассоциацию или реакцию. Хотя он об этом никогда определенно не говорил, *Фрейд* считал, что эксперименты в логическом смысле следует отложить до тех пор, пока не станет больше известно о материальной структуре психики и о возможностях

выведывать у индивида действительные доказательства. По его мнению, экспериментальный подход середины XIX века был преждевременным и бессмысленным, а результаты тривиальными. *Фрейд* уже настаивал на добровольном и спонтанном содействии клиентов при сообщении и анализе их мыслей. Он скептически относился к психологическим экспериментам логических школ, поскольку интуитивно предвидел, что исследование природы человека без понимания того, что я назвал «сущностью процесса разогрева», затруднительно или даже невозможно. Однако *Фрейд* остановился на полпути. Прошло более четверти века после опубликования его первой работы (1895), пока с появлением психодрамы (1923) [Moreno 1924] материальная часть психологической ситуации была полностью восстановлена в своих правах и более глубоко понята, и прошло еще двадцать лет, пока она не была узаконена психологической литературой. Моя теория и практика психодрамы подвергла глубокому изменению фрейдовскую точку зрения. Его идея, что ассоциации должны быть выделены для того чтобы подвергнуться научному анализу хотя и называла ассоциации "свободными", ограничивалась ассоциацией слов и к тому же была связана интерпретацией аналитика. Спонтанность индивидуума в метод не включалась. Психологическая ситуация как таковая была еще довольно искусственной, беседа между врачом и пациентом во врачебном кабинете неизбежно ограничивала и искажала естественное течение ассоциаций.

Психодраматические методы попытались это исправить. Сконструированное психоаналитическое отношение врач-пациент было устранено, и индивид вернулся на место, в котором он фактически живет и действует, назад в естественную атмосферу своего существования, в ситуацию в собственном смысле слова, *in situ*, место, где он естественно, спонтанно и до определенной степени креативно мыслит, чувствует и действует. Этот возврат в естественные условия означал бы отступление, если бы мы не смогли сознательно углубить и расширить материальную часть психологической ситуации, выйдя за пределы того, что было сделано *Фрейдом*. Я организовал экспериментальную ситуацию таким образом, чтобы она могла быть для индивида отображением жизни, выражением в миниатюре жизненных ситуаций. От клиента требовалось не только говорить о себе, свободно выражать себя, но и действовать, проявлять себя, быть действующим. Словесная ассоциация дополнилась ассоциацией действия. Эти цепочки слов и действий были связаны друг с другом и с конкретной жизненной ситуацией. Все вербальные призраки были материализованы теперь в ролях людей в психодраме. Процесс ассоциации действия был распространен также на ассоциацию взаимодействий между различными индивидами. Может быть, именно благодаря этому максимальному внешнему выражению личности в целом психодрама делает возможным применение экспериментального метода непосредственно к личности человека путем психодраматического теста. Во многих формах психодраматических постановок преодолена также искусственность сконструированного эксперимента, эксперимент *in situ* и условия реальной жизни идентичны. Ранние формы психодраматического метода представляли собой эксперименты *in situ*. Перенос психодрамы в «театр», лабораторию или во врачебный кабинет был вторичным и более поздним развитием. Несомненно, что естественный социальный процесс состоит не только в спонтанности, он налагает на себя свои собственные ограничения. Если тем не менее эксперимент *in situ* берется как способ работы, искусственность сконструированного эксперимента может быть сведена к минимуму. Протоколисты, наблюдатели и аналитики становятся естественными частями группового процесса: они выполняют для каждого участника непосредственно полезную (вспомогательную) функцию (Moreno 1936).

Поскольку психодраматический метод тщательно учитывает природу процесса разогрева человека, участники могут добиться максимальной спонтанности и сотрудничества. Прогресс в осознании материальной части психологической ситуации вселяет также надежду, что и логическая часть может и будет применяться к ней более

адекватно и менее тривиально, чем в прошлом.

Какой бы комплексной ни была материальная структура жизненной ситуации отдельного человека, ее все же можно наблюдать отдельно от остальной вселенной. С ним можно разговаривать лично и он может отвечать; материальная структура жизненной ситуации *группы* напротив является гораздо более сложной: чем больше группа, тем более сложной и непонятной является ее материальная структура. Нельзя разговаривать с группой и группа не может отвечать. Она не имеет Я. Природа процесса разогрева группы является еще большей загадкой, чем природа процесса разогрева отдельного индивида, и если бы не нашлось методов, с помощью которых можно было бы мобилизовать групповое событие изнутри и через само себя, то, наверное, все усилия создать науку о группе еще более были бы обречены на провал, чем в случае создания науки об индивиде.

Материальный аспект социальной ситуации

Динамическая логика социальных отношений особенно сложна, и она остается неосознанной человеком из-за его максимальной близости и включенности (заинтересованности) в собственную ситуацию. Поэтому уже тысячелетия формы поведения в человеческом обществе являются для него, пожалуй, большей загадкой, чем любая другая часть вселенной. Из-за большей отдаленности от них он мог наблюдать движения звезд и планет или жизнь растений и животных более объективно. Поэтому наука о человеческом обществе разработана сегодня едва ли так глубоко, как были разработаны физика и астрономия во времена *Демокрита* и *Птолемея*. Требуются огромные жертвы и дисциплина, чтобы видеть и принять себя таким, каким являешься, - индивидуальным человеком, со структурой индивидуальной психики, ее психодинамикой. Но степень невидимости структуры человеческого общества, ее социодинамики гораздо большая, чем невидимость его собственной индивидуальности. Попытка стать объективным по отношению к социуму встречает больше препятствий, чем попытка стать объективным по отношению к самому себе. Включенность своего собственного Я человек еще может учесть; вероятно, он может утверждать, что знает об этом, поскольку оно действует в нем самом, внутри него. Но он не может утверждать, что знает и может учесть включенность социума, так как это действует вне его самого; однако это «вне» неразрывно связано с ним.

Социометрия принесла нам знание, что человеческое общество является не изобретением, а могущественной реальностью, управляемой собственными правилами и законами, которые существенно отличаются от всех законов, руководящих другими частями вселенной. По этой причине были разработаны так называемые социометрические методы, с помощью которых эта область может быть адекватно определена и исследована.

Внутренняя, материальная структура группы лишь в редких случаях видима на поверхности социального взаимодействия; но даже если это и имеет место, то никто не может быть уверен, соответствует ли поверхностная структура в точности глубинной структуре. Чтобы создать условия, с помощью которых можно сделать операционально видимой глубинную структуру, «организмы» группы должны превратиться в «актеров» (то есть людей действующих). Теперь они должны возникнуть для достижения общей цели, критерия, и "среда", или "поле", должна превратиться в специфические, наполненные действиями ситуации, пронизанные мотивами, побуждающими к действию. Поскольку даже наши самые тщательные наблюдения процессов взаимодействия могут быть неполными, несущественными, бессмысленными или бесполезными для актеров, мы должны сделать так, чтобы наши актеры действовали так, как будто это сама их жизнь. На самом деле мы должны включиться в движение социальной жизни и стать актерами на месте и действием увеличить их гибкость и продуктивность и намного расширить объем их восприятия реальности сверх обычного горизонта.

Единственно продуктивным способом заставить их открыть друг другу свои истинные «Я» по отношению к важному критерию - это найти методы, при помощи которых их можно заставить естественным образом творить совместно. Социометрия выработала несколько таких методов. Два примера тому — социометрический эксперимент *in situ* и социодрама *in situ*. Они являются динамическими формами социального действия, они определяют свои процессы в терминах действия, выполняемого социальными актерами для достижения общих целей.

Социометрические методы представляют собой синтез субъективных и объективных методов исследования. Социометрический эксперимент *in situ* обеспечивает в никогда еще прежде не достигавшейся степени а) автономию (и сосуществование) индивидуальных характеров, б) их наблюдение и оценку друг другом в) измерение субъективных и объективных аспектов их поведения и г) автономию отдельных групп и взаимодействие между ними. Это же относится и к социодраме; она является синтезом субъективных и объективных методов исследования: а) протагонисты (участники) не только изображают собственными словами и действиями переживания, но и при этом б) наблюдаются и обсуждаются другими. Наконец, в) субъективные и объективные фазы постановки измеряются и протоколируются (консервируются).

Целью социометрического эксперимента является превращение старого социального устройства в новое социальное устройство и, если это необходимо, преобразование групп таким образом, чтобы формальная поверхностная структура как можно более соответствовала глубинной структуре. Социометрический тест в своей динамической форме является революционной формой исследования. Он изнутри меняет группу и ее отношение к другим группам; он вызывает социальную революцию на микроскопическом уровне. Если он не производит в какой-то степени переворота, может возникнуть подозрение, что исследователь из уважения к существующему социальному устройству превратил социометрическую процедуру в жалкий, неэффективный инструмент.

«Причиной того, что социометрия оказалась столь плодотворной и будет, пожалуй, еще более плодотворной в будущем, является ее непосредственная полезность. Из-за этой полезности она не обременена ложным привкусом большинства так называемых «социологических экспериментов». «...еще одна причина ее нынешнего и будущего успеха заключается в том, что она занимается конкретными, доступными наблюдению данными, малыми социальными системами... Было бы хорошо знать также все о сложных социальных системах; но можно спокойно сказать, что мы никогда не узнаем о них очень много, не поняв вначале структуру и способ действия простых систем. Только тогда, основываясь на наших знаниях о простых, доступных наблюдению и управлению социальных системах, мы сможем получать, исследовать и пересматривать, непременно всякий раз в той или иной форме заключения и более широкие обобщения ... Это всегда было, есть и будет принципом физики и биологии и должно, следовательно, относиться также и к социальным наукам» (Vain 1942).

Природа процесса разогрева и экспериментальный метод

Мы часто неосторожно говорим о социометрических обобщениях и законах, очевидно подразумевая, что имеются определенные закономерности в человеческих отношениях, так же как и в других частях вселенной. Каким образом мы можем оправдать такое утверждение? Официальным мерилom достоверности является канон экспериментального метода, но в области человеческих отношений между материальной и логической сторонами обнаруживается конфликт, с трудом поддающийся урегулированию из-за природы процесса разогрева.. Теперь мы попытаемся осмыслить его природу и обсудить, как преодолеть слабости экспериментального метода и заменить старую модель новой.

Процесс разогрева можно определить как *операциональное проявление*

спонтанности. (Спонтанность представляет собой различную степень адекватной реакции индивида на ситуацию различной степени новизны.) Если мы хотим исследовать процесс разогрева индивида, то будет полезным рассмотреть процесс сверху вниз: сначала актера (действующего человека), затем организм и, наконец, действие. Без организма не бывает никаких действий, однако организм может стать продуктивным только в качестве действующего человека. (*Организм в поле становится актером in situ.*) Действующего человека нельзя исследовать в обратной последовательности, если он не может действовать в обратной последовательности. Его можно изучать лишь с точки зрения продуктивности, которая проявляется во время исследования. Если в целях исследования его пытаются разогреть для дела, к которому он не готов или которое противоречит его наклонностям, в «контроль» вводят искусственный элемент, который нельзя должным образом компенсировать последовательной и логичной аргументацией. Действующий человек может мгновенно потерять спонтанность и несколько мгновений спустя **ему будет очень трудно воспроизвести в памяти свой опыт во время действия.**

Для того, чтобы соответствовать данному действию, он должен начинать разминку **возможно ближе к сущности действия, и вам следует знать, когда начинается разогрев, чувствовать когда человек начинает разогреваться** (*правило процесса разогрева или активной продуктивности*). В процессе разогрева группы лучше всего изучать всех участников *in situ* и с точки зрения их продуктивности. Чтобы суметь изучить их, нужно действовать вместе с ними; но как можно с ними действовать, если не быть в качестве экспериментатора частью действия, со-действующим актером? Самый надежный способ участвовать в процессе разогрева — это стать членом группы (*правило «коакции» или «совместного действия» исследователя с группой*). Однако в качестве члена группы экспериментатор лишается роли исследователя, который должен находиться снаружи и планировать, организовывать и вести эксперимент. Нельзя быть членом **группы** и одновременно «тайным агентом» экспериментального метода. Выход состоит в том, чтобы членам группы придать статус исследователей, сделать *всех* их исследователями и договориться с ними о проведении социального эксперимента. В группе из ста человек имеется, следовательно, сто исследователей, и каждый исследователь проводит **свой «собственный эксперимент»**. **Теперь, когда проходит уже сто экспериментов**, необходимо координировать каждый отдельный эксперимент со всеми другими. Социометрия — это социологическая наука людей, осуществляемая самими людьми и для людей. Здесь эта аксиома применяется к самому социальному исследованию (*правило всеобщего участия в действии*).

Что же получил исследователь для логической части исследования, добиваясь своей идентичности группе? На первый взгляд ничего. Чтобы доказать гипотезу, ему, очевидно, было бы проще создать две контрольные контрастные ситуации. С эвристической точки зрения он все же кое-чего добился: он приобретает опыт, опыт *in situ*; он учится. В смысле диалектического процесса в направлении настоящего социоэкспериментального метода будущего он совершает медленный, но истинный прогресс. Вместо того чтобы поспешно перепроверять гипотезу, сразу противопоставляя группу испытуемых контрольной группе, проводя псевдоэксперимент с псевдорезультатами, он отводит себе некоторое время, чтобы обдумать новую ситуацию. **Гипотеза может все же быть правильной, хотя и никогда не подтвердится.** Лучше подождать, пока она будет действительно подтверждена, вместо того чтобы преждевременно принять не подтвержденную гипотезу и тем самым её ослабить. Со временем экспериментатор сможет лучше приспособиться к своей двойной роли, поскольку он разделяет ее с каждым из членов группы, но при планировании эксперимента он сможет обдумать каждый свой шаг, а не навязывать его слишком поспешно группе. **Ему не следует действовать как экспериментатору больше, чем другим членам группы.** Живя в группе, он вскоре обнаружит, что между очевидным и скрытым поведением членов имеется большое расхождение, что они находятся в постоянном конфликте между явными и скрытыми потребностями, явными и скрытыми системами

ценностей (*правило динамической дифференциации в структуре группы, периферийное против центрального*).

Исследователь также вскоре обнаружит, что индивиды руководствуются иногда личными, а иногда коллективными стремлениями, которые **раскалывают группу в ином направлении** (*расщепление группы благодаря психологическим и социоструктурам*). Прежде чем будет предложена экспериментальная модель или социальная программа, следует рассмотреть **действительный** состав группы. Для того чтобы дать каждому члену адекватный мотив для спонтанного участия, каждый участник должен почувствовать, что эксперимент является "его собственным делом", что он "сам по себе является мотивом, побуждением в первую очередь для него, субъекта, а не для того, кто выдвинул эту идею испытателя, работодателя или какого-нибудь другого агента, обладающего властью", что он "тождествен цели жизни субъекта", что "это удобный случай для него стать активным агентом в делах, связанных с его собственной жизненной ситуацией" (*Moreno 1934*) (*правило адекватной мотивации*).

С расширением его знаний, как применять исследовательские идеи изнутри, ему может прийти мысль стать членом двух или более групп, причем одна будет контрольной по отношению к другой. При этом, однако, речь не должна идти о естественном эксперименте; скорее он должен сознательно и систематически организовываться и планироваться всей группой. Разумеется, это возможно только тогда, когда процессы разогрева *всех* индивидов и *всех* задействованных групп естественным образом сливаются в эксперименте (*правило «постепенного» включения всех внешних (по отношению к центральному) критериев*). Существует множество этапов и еще больше барьеров, которые может встретить чуткая группа исследователей на пути к научной утопии. Как бы плохо или хорошо они ни продвигались вперед, они все же ни будут обманывать ни самих себя, ни других. Они предпочтут постепенный диалектический процесс социометрического эксперимента *in situ* социальным экспериментам, основанным только на умозаключении и логике.

Социометрический эксперимент не опирается в своих открытиях на метод интервью или «анкетирование» (часто встречающееся недоразумение); это акциональный метод, акциональный эксперимент. Исследователь-социометрист занимает позицию «*status nascendi*» в исследовании; он интроецирует экспериментальный метод, применяет его изнутри, является его действующим участником. Он настаивает на материальном исследовании (исследовании материала) до тех пор, пока у него не появится уверенность, что теперь можно перейти к логической части. Он пытается измерить то, что можно измерить, валидизировать то, что может быть подтверждено, но пренебрегает измерением и подтверждением ради них самих. Измерение, однако, является неотъемлемой составной частью социометрической диалектики. Он ищет подтверждений, которые вытекают из самого материала, без ссылок на внешние критерии. Социометрический индекс, например, является индексом валидизации соотношения выборов и отвержений. *Крисвелл* [4] указывает на то, что «полученные схемы важны сами по себе и не нуждаются в валидизации путем привлечения внешних критериев». "Экспериментальный метод" не может доказать больше того, что доказывает социометрический индекс.

Основной вклад, который внесла социометрия в социальные науки, — это *методы исследования* в их центральной области, о которой практически ничего не было известно, в сфере межчеловеческих отношений и отношений между группами. Экспериментальный метод *Милля* занимается только методами доказательства. В здоровом, развивающемся естествознании вначале появляются методы исследования, а затем уже методы доказательства. Методы доказательства естественным образом должны вытекать из методов исследования. Принцип экспериментального метода *Милля* возник из физики и был построен так, чтобы отвечать требованиям *ее* методов исследования.

Социальные науки должны изобрести методы доказательства, которые соответствуют структуре собственного материала. Число социометрических методов исследования

велико и постоянно растет: 1. Тест знакомств — индекс знакомств — диаграмма знакомств. 2. Социометрический тест — социометрический индекс — социограмма или социоматрица. 3. Тест ролей — индекс ролей — диаграмма ролей. 4. Тест взаимодействия — индекс взаимодействия — диаграмма взаимодействия. 5. Тест спонтанности — котировка спонтанности — шкалы спонтанности. 6. Психодрама — консервирование (протоколирование) — процесс-анализ. 7. Социодрама — консервирование — процесс-анализ. 8. Живая газета. 9. Терапевтический фильм. 10. Общее исследование действием *in situ*.)

В социометрическом анализе группы совместно используются *несколько факторов*. Социометрический метод не является однофакторным. Социометрический тест исследует лишь *один* фактор, а именно выбор, отвержение или теле; тест спонтанности исследует спонтанность, S-фактор, тест ролей — фактор ролей. Благодаря тщательному, непосредственному исследованию малых групп мы можем научиться исследовать все меньшие системы (микросоциометрия) и постепенно подходить ко все более крупным системам (макросоциометрия), пока, наконец, все человеческое общество не будет рассматриваться как единая система. Социометрия является в значительной степени классифицирующей наукой, и на основе таких классификаций могут делаться обобщения. География и геология являются примерами других классифицирующих наук. Их аналогом в социометрии является психологическая география или социография. В один прекрасный день без каких-либо ссылок на внешние критерии³⁶ будет разработана психологическая география населения нашей планеты.. Как только вся область сможет рассматриваться как нечто единое, как только смогут стать видимыми отношения причины и следствия, так же как и любое другое отношение, тогда вне ее не останется ни одного критерия и экспериментальный метод не будет нуждаться в доказательстве. Мы можем предположить, что Богу достаточно одного мгновения, чтобы создать образ всей вселенной. Метафорически Бога можно назвать социометристом на космическом уровне. Все внешние для людей критерии для него являются внутренними. Бог не нуждается в экспериментальном методе, чтобы доказать гипотезу о причинных связях. Он может воспринимать все связи непосредственно.

В ходе социометрического исследования мы часто сталкиваемся с естественно обусловленными контрастирующими ситуациями, которыми мы пользуемся. Дилемма процесса разогрева возникает, однако, тогда, когда исследователь пытается *создать* контрастирующие ситуации, для которых логическое исследование подбирает нужные факторы и организует условия в сообществе таким образом, чтобы они отвечали требованиям точного контроля. С ростом социометрического сознания народы и их правительства будут сотрудничать и участвовать в социальном исследовании. Людьюми все же нельзя манипулировать как крысами и втискивать их в требуемую процедуру опыта, не допустив этим в эксперименте серьезной ошибки. Экспериментальным обусловливанием можно *изменить* индивидов и исказить процессы разогрева. В результате эксперимент не измеряет того, что собирался измерить. Рано или поздно индивиды в силу своих спонтанных наклонностей и констелляций процесса разогрева вернуться к доэкспериментальному состоянию сознания.

Социометрический метод предлагает решение этой дилеммы. Социометрическим экспериментом был создан ряд новых правил.

1) Эксперимент должен проводиться *in situ* — в том месте, где индивиды развивают наибольшую спонтанность, в том окружении, по отношению к которому они наиболее интенсивно разогреты и в тех условиях, которые им наиболее известны по собственному опыту. Если индивиды насильственно удаляются с арены своей любви и своей ненависти, то их сообщения — даже честно высказанные — не имеют той же ценности. Это обстоятельство можно изменить в социометрическом обществе, поскольку в его

³⁶ то есть «не глядя в другие карты» кроме психо- и социографических (Прим. ред.)

институциональные процессы включается тренинг спонтанности.

2) Все члены группы или сообщества являются исследователями общей для них ситуации. Как таковые они могут выполнять в экспериментальной ситуации различные функции, но ни один индивид не исключается из исследовательской группы, так же как никому нельзя отказать также в пище и крове. Это полностью противоречит традиционной форме экспериментирования, где совершенно не требуется, чтобы люди сами являлись частью эксперимента, а экспериментатор сам с собой проводил настоящий эксперимент. Эксперимент *ex post facto* в собственном смысле слова экспериментом не является.

Представители этой формы исследования, пасующие перед трудностями непосредственного акционального подхода, боящиеся коллизий современности и опасаящиеся не получить от природы точного ответа, встретясь с ней лицом к лицу, возвращаются к могилам прошлого. Это величайший триумф положения *Милля*, согласно которому социальные науки не могут применять экспериментальный метод к своим данным. Авторитарический естествоиспытатель к своему ученому удовольствию может распоряжаться и манипулировать естественнонаучными объектами, растениями и низшими животными. Но чем выше его наследник, «авторитарический социальный ученый», взбирался по ступеням эволюции, тем менее плодотворным становилось исследование.

Но миллевский канон неприложим к социальным наукам отнюдь не потому, что они ниже естественных наук. Он просто предложил неправильную модель. Новая модель - социометрический эксперимент *in situ* - находится еще в младенческом состоянии, но обещает многое. Милль, подобно многим из его современных сторонников, является социологом-наблюдателем, смотрящим на социальную вселенную с хладнокровием астронома, взирающего на звездную вселенную, и говорящим "нет". *Маркс*, действующий социолог, мало что знавший об экспериментальных методах, сказал: «да». Откуда берутся эти две диаметрально противоположные позиции? На это, пожалуй, есть следующие причины: великие религиозные экспериментаторы *in situ* — *Будда*, *Христос* и *Ганди*, — социальные утописты *Фурье* и *Оуэн*, социальные реалисты *Маркс* и *Ленин* — какими бы несовместимыми и различными ни были их подходы — кое-что знали о природе процесса разогрева, о спонтанности индивида и масс. Они интуитивно догадывались, что успешный план исследования общества должен опираться на некую присущую человеку модель жизни и ее предвосхищать: хотя они никогда не имели намерения претворить в жизнь свои гипотетические социальные системы, они внесли несравненно больший вклад в знание, накопленное сегодня социальными науками, чем все искусственно построенные социальные эксперименты вместе взятые.

Имеются два вида социального исследования в самом широком смысле этого слова: с одной стороны, периферическое, внешнее, косвенное, псевдообъективное, с другой стороны, — центральное, внутреннее, непосредственное, субъективно-объективное социальное исследование. Есть два крайних социологических императива: 1) человечество может *пассивно* ждать дня, когда научно-утопический проект социального исследования осуществит свою задачу. 2) Человечество может *активно* взять, здесь и теперь, свою социальную судьбу в свои руки, организовывать эксперименты и одновременно проверять их валидность.

Старая и новая модель экспериментального метода

Переход от старой модели эксперимента к новой — задача непростая. Некоторые из важных проблем, которые вызывает в воображении исследователя материальная структура новой модели, ввиду их особой важности подробно излагаются здесь через сравнение двух социометрически ориентированных исследований «Advances in Sociometric Technique», (**"Прогресс социометрической техники"**) *Морено* и *Дженнингс*,

1936 и "An Experimental Approach in the Study of Autocracy and Democracy" («Экспериментальный подход к изучению автократии и демократии») *Левин и Липпман*, 1938. Теоретическим и экспериментальным фоном обоих исследований явилась работа Морено «Who Shall Survive?» («Кто выживет?», 1934), одной из главных задач которой было показать с помощью социометрического теста различие между авторитарной и спонтанной структурами группы во всех классах, общежитиях и мастерских воспитательной колонии для девочек. Исследования *Морено* были опубликованы между 1931-м и 1936-м годами. Последнее исследование, в котором изучались авторитарная и социометрическая структуры, появилось в феврале 1936 года. Первое сообщение *Левина и Липпмана* было опубликовано в начале 1938 года. Можно было, следовательно, ожидать некоторого прогресса или изменения в подходе к проблеме. Замечания, касающиеся исследования *Левина и Липпмана*, здесь относятся только к использованию социометрических методов и методов ролевой игры и тому значению, которое они имеют в проблеме уравнивания и создания новых экспериментальных групп. В мои намерения не входит обсуждение роли других переменных (оценки социального поведения учителем, таблицы успеваемости, социоэкономического статуса и т.д.) и окончательной ценности этого прекрасного исследования. Краткости ради я буду ссылаться на обе работы, используя инициалы авторов — М-Дж и Л-Л.

Начальная процедура в обоих работах одинакова: "Был сделан предварительный социометрический обзор симпатий и антипатий, существующих в двух классах школы. Такие данные могут всегда анализироваться в двух направлениях: положение индивидуального члена группы и самой группы как динамического единства" (Л-Л). Представления о цели сходны, а именно помимо прочего исследовать различие между «автократической и демократической» (Л-Л), «авторитарной и социометрической» (М-Дж) структурами группы. *Различие* начинается со следующего предложения *Левина и Липпмана*: «Вместо того чтобы использовать группы в школах, клубах, на фабриках, необходимо было создавать группы экспериментально... На основании социогаммы каждой группы из числа добровольцев создавались группы (из каждого класса) таким образом, чтобы с точки зрения потенциальных отношений дружбы и отвержения они были примерно равны... Вместо того чтобы выбирать «клику» близких друзей, в каждом случае отбирались пять детей, которые как в школе, так и в совместной игре во внешкольных группировках проявляли мало связей друг с другом... В ходе десятиминутных подготовительных встреч с каждой группой руководитель пояснял, что целью кружка является изготовление театральных масок (новое для всех детей занятие). Ежедневно с каждой группой проводились две встречи по полчаса, причем один и тот же экспериментатор руководил обоими кружками» (Л-Л). По-видимому, до определенного момента *Левин и Липпман* следовали социометрической модели, чтобы затем, однако, вернуться к модели экспериментального метода *Милля*. Поступив таким образом, они оказались в водовороте нереальности и искусственности.

Для сравнения рассмотрим вкратце исследование *Морено и Дженнингс*, в котором изучалась группировка детей в столовой. Эта ситуация не «создавалась» экспериментаторами, она была совершенно естественной, поскольку во время трапезы дети должны были сидеть на определенных местах. Социометрическому эксперименту подверглось авторитарно руководимое сообщество (воспитательная колония для девочек). Социометрический тест проводился в жилых помещениях, цехах, классах, а также в каждой столовой. Все социогаммы показали, насколько резко отличается демократический процесс от существующей авторитарной организации. В столовой, в которой проводилось данное исследование, находилась двадцать одна девушка, они как раз должны были сесть за столы. Заданный им порядок размещения был записан, поскольку мы ожидали обнаружить там результаты диктаторской политики, авторитарной структуры группировки. "Рассаживание проводилось исключительно с точки зрения авторитарной надзирательницы столовой. Она рассадила девочек таким образом, чтобы они причиняли ей меньше всего хлопот, не принимая во внимание чувства девочек в отношении того, как их посадили" (М-Дж). Авторитарно заданная группировка представлена в таблице А.

Далее проводился эксперимент, чтобы установить структуру группы с наибольшей спонтанностью, «полного невмешательства (laissez-faire)» (М-Дж), в котором авторитарная надзирательница удалялась из столовой, и каждую девушку просили вести себя совершенно непринужденно и выбрать себе место по своему усмотрению. В результате получалась структура группы, сформированной по принципу невмешательства: «Мы позволили им занять по своему усмотрению любое место и стали наблюдать за тем, что получится. Девушка «А» садится за стол № 1; восемь девушек, которые испытывают к ней симпатию, пытаются сесть за этот же стол. Однако за столом № 1 для троих не хватает места. В результате возникает спор, кто-то должен вмешаться и рассадить их принудительным образом. Девушка «Б» направляется к столу 2, однако никто не пытается к ней присоединиться. Таким образом, три места за столом остаются свободными» (М-Дж). Тест невмешательства (laissez-faire) привел к неразберихе: «На наш взгляд, техника, позволяющая девушкам выбирать себе место, оказывается неосуществимой. Она связана с трудностями, которые неизбежно ведут к произвольному, авторитарному вмешательству в их желания, то есть к полной противоположности изначальной цели свободного, демократического и индивидуалистического процесса» (М-Дж).

Последним проводился эксперимент, в котором был выбран социометрическая процедура и демократический метод. Она состояла в том, что девушек спрашивали, с кем бы они хотели сидеть за столом и, поскольку за каждым столом имелось по меньшей мере четыре места, каждая девушка должна была сделать три выбора; им сообщалось, что все делается для того, чтобы каждая из них могла сидеть за одним столом по меньшей мере с одной и, если возможно, первой выбранной ею девушкой... Была составлена карта структуры симпатий друг к другу. Наилучшие конstellации из возможных при данной структуре взаимоотношений определяют оптимальное размещение... (таблица Б)...

Таблица А
Первоначальное размещение — авторитарное

Стол 1	Стол 3	Стол 5
Белла	Флора	Анна
Дороти	Клер	Харриет
Анжелина	Ида	Грэйс
	Эвелин	Эдит
Стол 2	Стол 4	Стол 6
Бет	Кларисса	Катрин
Роза	Хелена	Лена
Мэй	Глэдис	Элен
		Мэри

Таблица Б
Новое размещение — социометрическое

Стол 1	Стол 3	Стол 5
Белла	Катрин	Дороти
Анна	Перл	Мэри
Эдит	Грэйс	Бет
Харриет	Ида	Эдит
Стол 2	Стол 4	Стол 6
Хелена	Флора	Мэй

Анжелина
Глэдис

Элен
Лена
Эвелин

Роза
Кларисса

Комментарий

Анализ размещения, представленного в таблицах А и Б, показывает, что после учета результатов социометрического теста из двадцати одной размещенных по воле авторитарной надзирательницы девушки только три (14 %), а именно Белла (стол 1), Ида и Перл (стол 3), остались сидеть за тем же столом, что и прежде. См. также социограмму на стр. 112 и 113.

Обращает на себя внимание то, что в тесте невмешательства («laissez-faire») вокруг стола 1 собрались девять девушек, хотя имелись только четыре места; за столом 2 находилась только одна девушка, хотя имелись еще три места. См. также социограмму на стр. 110.

«Дело принципа дать каждой девочке наилучшее из возможных размещений независимо от ее репутации или мнения надзирательницы в отношении любых двух девочек, которые хотят сидеть вместе за одним столом. Мы не начинаем с предвзвешенности, но хотим посмотреть, как они поведут себя" (М-Дж). Наша гипотеза заключалась в том, что с помощью этого метода мы получим представление о спонтанной, демократической структуре и возможность сравнить различия между структурами группы *laissez-faire* и авторитарной, которые представлены в соответствующих социограммах. Эксперимент проводился как лонгитюдное исследование – тест повторялся через каждые восемь недель. Социометрические данные квантифицировались (переводились в числа), а социометрические индексы, полученные на каждом шаге, сравнивались между собой.

Теперь критически разберем оба этих эксперимента. В эксперименте *Левина-Липпита* социометрический тест применялся к детям в школьных классах. Экспериментаторы не указывают четко, какой критерий при этом использовался, — досадное упущение. У поверхностного читателя может создаться впечатление, что *не* важно, какой критерий используется и что получить социограмму притяжений и отталкиваний сравнительно просто. Но если критерия *нет* или используется только очень *расплывчатый* критерий, то представленные в социограмме данные для выяснения структуры группы окажутся, скорее всего, недостаточными. Поэтому, как показывают социограммы, все группы оказались почти *одинаковыми*. Из каждой группы отбирались пять детей, которые проявляли минимум связей друг с другом.

С точки зрения точного анализа и требований социометрического сопоставления работа *Левина* и *Липпита* является неудовлетворительной. Создается впечатление, что их опыт расшифровки социограмм был слишком незначительным, чтобы суметь правильно сопоставить две группы. Кроме того, они проводили не «положительное» сравнение двух групп (то есть сравнение фактической конфигурации), а так называемое «негативное» сопоставление, охарактеризовав две группы индивидов как почти одинаковые, поскольку социограмма выявила «мало связей» между ними. Тем самым вся идея социометрического сопоставления лишилась почвы. Что означает «мало связей» в социометрии? Эти две группы индивидов по дюжине других критериев, наверное, выявили бы очень много связей, которые экспериментаторы должны были исследовать, прежде чем назвать обе группы одинаковыми и взять их за основу для серьезного применения экспериментального метода. Индивиды, образующие определенную структуру в домашней группе, могут образовать другую структуру в рабочей группе и опять-таки совершенно иную структуру в группе свободного времяпрепровождения. Из данных экспериментаторов не вытекает, сравнивали ли они социограммы двух групп с социограммами, которые составлялись по другим критериям. Прежде чем отстаивать позицию, что выбранные для кружка дети никак или почти никак не были между собой

связаны, и, в частности, прежде чем использовать в науке столь многозначительное слово как «сравнение» необходимо было использовать ряд важных для *этих детей* критериев.

Можно сказать, что исследование было проведено на недостаточной основе, и, таким образом, выводы из всего эксперимента оказались искусственными даже с точки зрения логического исследования. Столь же досадным упущением является отсутствие социометрического исследования еще до создания обоих состоящих из пяти индивидов кружков перед началом эксперимента. Если кто-нибудь «экспериментально создает группы», он должен знать, что им создано, как именно люди попали в эти группы. При проведении социометрического исследования с привлечением нового критерия «изготовление масок» экспериментаторы, наверное, обнаружили бы, что обе группы детей создали социограммы с разнообразными отношениями, существующими между ними. Кроме того, были бы выявлены различия в социометрической структуре. Несколько детей, наверное, показали бы большее умение в изготовлении масок, другие, вероятно, проявили бы мало умения и интереса.

Такой анализ показывает, какими опасностями чревата преимущественно логическая манипуляция и как легко экспериментатор, отдаляющийся от конкретной материальной структуры группы, теряет контакт с ее реальной действительностью и обманывается игрой слов и чисел. Становится также понятно, что социометрические тесты должны повторяться перед каждой экспериментальной фазой, чтобы выяснить, какие произошли изменения в структуре обоих кружков до, после и между исследованиями. Такое впечатление, что эксперименты были проведены без знания действовавшей к тому времени групповой динамики. Даже если использовались интервью и наблюдения над детьми, все равно их взаимные чувства и всю структуру отношений нельзя было понять без данных повторных социометрических исследований. Такие данные, возможно, показали бы, что социограммы изготавливающего маски кружка № 1 и изготавливающего маски кружка № 2 отнюдь не являются идентичными. Экспериментаторы могли бы узнать, что, например, одна из социограмм с самого начала отличалась авторитарной структурой, в которой один ребенок был бы центром выборов, тогда как другая группа начала бы, возможно, с демократического распределения выборов и отвержений. Первоначальная социометрическая картина обоих кружков повлияла бы на эксперимент, поставленный для изучения авторитарной и демократической атмосферы, в том или другом направлении. Неразумное упущение не провести эти социометрические тесты в самом начале исследования поставило под сомнение правомерность сделанных заключений. Это не исключает возможность того, что гипотезы могли соответствовать авторитарной и демократической атмосфере. Во всяком случае, мое собственное исследование в Хадсоне, выявившее различную структуру авторитарно и социометрически организованных групп, подтвердило это достаточно четко. Ошибка заключается в недостаточно умелом обращении *Левина* и *Липпита* с социометрическими данными; и это возвращает нас к проблеме процесса разогрева детей перед началом экспериментальной ситуации изготовления масок.

Анализ социограмм показал нам следующее: если из группы удаляется один или несколько человек, социограмма не остается той же самой, а претерпевает — разумеется, в зависимости от их положения в группе — глубокое изменение. Если удаляются пять индивидов, это приводит к переориентации притяжений и отталкиваний оставшихся членов, в результате чего может возникнуть острое соперничество между ключевыми фигурами. С другой стороны, пять индивидов, покинувших группу, образовавших новую и тем самым отделившихся от прежней группы, в которой у них, возможно, имели место сильные притяжения и отвержения по отношению к определенным членам, направили теперь собственные процессы разогрева на индивидов, присутствовавших в новой группе. Им не оставалось ничего другого, как направить на них свое внимание и взаимодействовать с членами кружка по изготовлению масок. Эти границы они определили не сами, а они наложены извне экспериментаторами как на авторитарный,

так и на демократический кружки.

Мы хотим теперь исследовать оба эксперимента по изготовлению масок как таковые. Многие экспериментаторы в обоих случаях принимали по отношению к участникам каждого кружка либо автократическую либо демократическую роль. Это сопоставимо с психодраматической работой на уровне реальности. Проблема состоит здесь опять-таки не в логической манипуляции, а в ее противоположности. Слабость экспериментов *Левина* с человеческими отношениями заключается как раз в избытке логической манипуляции. Основную проблему составляет недостаточная ясность и конкретность материальной структуры эксперимента. Первый выход состоит в том, чтобы позволить одному и тому же человеку сыграть две противоположные роли³⁷. В психодраматической работе это соответствует «вспомогательному Я», играющему в двух различных ситуациях две разные роли. Ведущие психодрамы знают, сколько требуется тренировки, чтобы на определенном отрезке времени оно могло следовать постоянному рисунку одной и той же роли. Трудность возрастает, если один и тот же человек должен попеременно воплощать две разных роли.

Из работы *Левина* и *Липпита* не видно, проводился ли для вспомогательных Я или ведущих тренинг ролей автократических или демократических руководителей, научились ли они исключать личные предубеждения и спонтанные наклонности и не смешивать обе роли. Все это могло быть, но когда было опубликовано их исследование, представления о ролевом тренинге и процессе разогрева, о личном включении вспомогательных Я и воздействии определенного ролевого поведения на структуру группы, другими словами, психодраматическая теория и практика были известны только небольшой группе ученых. Из этого вытекают следующие вопросы: в какой мере экспериментаторы были способны воплотить эти роли? Как их выбирали, как роли выбирали их и как обучали принимать роли? Это серьезное упущение, поскольку нередко бывает, что вспомогательные «Я» очень хорошо вживаются в одни роли и очень плохо — в другие. Как мы можем узнать, что экспериментаторы хорошо подходили для роли демократического руководителя, но очень плохо для роли автократического, или наоборот? Следовательно, их ролевое поведение могло повлиять на результат эксперимента в зависимости от того, какую из ролей они лучше усвоили или в силу их личных склонностей. В зависимости от структуры его собственной роли личное влияние экспериментаторов могло содействовать автократической или демократической атмосфере эксперимента. К этому добавляется то, что, выступая в определенных ролях, многочисленные исполнители демократических принципов на словах признают одно, но в своих жестах и в своем поведении являются автократическими, или наоборот. Поэтому необходимо было тщательное описание этих психологических феноменов.

Подытоживая критику эксперимента *Левина-Липпита*, мы должны, однако, признать, что эта проблема осознавалась авторами. Они потерпели неудачу из-за того, что недостаточно исследовался материальный аспект социометрической ситуации. Со введением социометрии группа раскрылась как динамическое, структурное единство — обстоятельство, которое необходимо было учитывать при сравнении двух групп. Обычный способ сопоставления на основе индивидуальных качеств и особенностей членов группы, таких, как интеллект, экономический статус, национальность, пол, религия, профессия и так далее, оказался неудовлетворительным.

Обратимся теперь снова к эксперименту *Морено* и *Дженнингс*. Проблема сопоставления ко времени исследования *Левина-Липпита* не была новой. Я занимался ею в моих исследованиях случайных отклонений социометрических структур группы (*Moreno, Jennings 1938*). К своему удивлению, я обнаружил тогда, что социометрическое сопоставление полно подводных камней, которые надо уметь обходить. Две одинаковые

³⁷ например «тиран» и «демократический лидер» или «агрессор» и «жертва». Может быть внутри каждого из нас (как и внутри любой группы) есть такие полярно противоположные роли (субличности)? (Прим. ред)

социальные конфигурации, которые по числу полученных и сделанных выборов в количественном отношении казались почти идентичными, явно различались между собой количеством изолированных пар, не получивших взаимности, цепей, треугольников и структурами вокруг лидера. Кроме того, тщательное *качественное* исследование структуры материала группы показывает, что с точки зрения динамической структуры сопоставление двух групп не будет удовлетворительным, если учитывается только один отдельный фактор, социометрический индекс. Динамическая структура группы является гораздо более сложной, комплексной: приходится исследовать соответствующие диаграммы знакомств (*Moreno 1934*), диаграммы ролей (*Moreno 1939, Moreno 1940, Moreno 1945*), диаграммы действия (*Moreno 1924*) и шкалы спонтанности, причем так, чтобы их можно было сравнивать по основным параметрам, составляющим их живую структуру. Столь энергичное настаивание на *точности «материального» исследования* препятствует логическим манипуляциям и «проведению параллелей для точного контроля» (*Chapin 1947; Greenwood 1945*). Но лучше все же посмотреть этой проблеме прямо в глаза, чем вводить самого себя в заблуждение. «Отраженные в наших социограммах социальные конфигурации являются недифференцированными, грубыми и упрощенными по сравнению с комплексными связями, ритмом и темпом, действующими в живых социальных агрегатах. С разработкой новых социометрических методов и совершенствованием современных инструментов появится возможность точнее отображать все более тонкие и зрелые процессы — экономическую, религиозную, культурную среду, действующую внутри социального агрегата. На наш взгляд, эти организации³⁸ (экономика, религия или культура), какой бы ни была логика их существования, не являются настолько обезличенными, чтобы они могли существовать независимо от сообществ, в которых люди фактически думают, живут и действуют. Эти процессы должны выражаться внутри живых социальных агрегатов, как бы ни было трудно увидеть их взаимодействие³⁹. Социометрия как раз и претендует на то, чтобы понять эти богатые по содержанию, интегрированные и созревшие конфигурации" (*Moreno, Jennings 1938*). Этим объясняется поиск и изобретение мною все новых инструментов, таких, как психодрама, социодрама или аксиодрама, с помощью которых должна быть получена более полная картина непосредственно окружающих нас социальных систем.

Примечательно, что обе группы, которые пытались сравнить *Левин* и *Липпит*, состояли из пяти детей, тогда как обе группы, исследованные *Морено* и *Дженнингс*, — из двадцати одного ребенка, то есть в обоих случаях это были малые группы. И оба раза сопоставление их терпело неудачу: в первом случае из-за преждевременной логической манипуляции, во втором — из-за настаивания на дальнейшем материальном исследовании, которое отодвинуло сопоставление на неопределенное время, пока его не удалось провести с достаточной достоверностью. Рассмотрев огромное количество существующих проектов и социальных исследований, проводимых во многих местах и претендующих на то, что они являются высоконаучными благодаря экспериментальному методу исследования, мы видим, что эти проекты обычно имеют дело с большим количеством людей и анализом многочисленных факторов, но при подборе и сопоставлении индивидуумов в них пренебрегают социодинамическими эффектами групповой структуры. Однако все, что относится к вышеописанным миниатюрным группам, должно относиться также и к большим группам — и, вероятно, тем скорее, чем больше группы.

³⁸ у понятия «организация» три значения: объект (субъект), процесс и результат (реальность). Здесь, вероятно, Морено имеет в виду прежде всего процессы. См. также послесловие (Прим. ред.).

³⁹ Ср. с приведенной выше цитатой из Левина-Липпита: «Вместо того чтобы использовать группы в школах, клубах, на фабриках, необходимо было создавать группы экспериментально...» (Прим. ред.)

Я ни на одно мгновение не сомневаюсь в серьезности этих исследователей и разделяю их надежду, что совершенное ими окажется когда-нибудь и где-нибудь полезным. Но если наука молода и требует элементарных сведений, логическая элегантность может выглядеть такой же трагикомической, как ситуация, когда кричащего от голода ребенка мать «кормит» куклами. В качестве примера подобной тенденции в науке я хотел бы процитировать одно место из появившейся недавно книги *Ф. Стюарта Чапина* (1947), в котором он описывает план эксперимента *ex post facto*: «Рабочая гипотеза данного исследования была такова: лучшая успеваемость в гимназии соответственно ведет к лучшей экономической адаптации в обществе... Этот эксперимент основывался на табелях успеваемости и социальном опыте 2127 юношей и девушек, после обучения в четырех средних школах города Сен-Поль в 1926 учебном году. Эти лица или окончили среднюю школу, или проучились от одного до трех лет в старших классах средней школы... Это исследование пыталось установить шесть постоянных факторов, которые повлияли бы на последующую экономическую адаптацию при изменениях этих факторов. Мы *приблизительно приравняли* шесть факторов — профессия отца, национальность родителей, статус соседей, пол, возраст в годах и средние оценки в гимназии... Целью исследования *Христиансена* было выявить возможные причинно-следственные отношения между сроком обучения в гимназии (с 1922 по 1926 гг.) как причиной и экономической адаптацией (какой она была с 1935 года) как следствием».

Структура социума в таких исследованиях не находит себе места. «Важными» факторами оказались индивидуальные и социальные свойства, которые часто выбираются столь же произвольно, как и сами банальные гипотезы (например, плохие жилищные условия как причина и повышенная смертность от туберкулеза как следствие; продолжительность гимназического образования как причина и высокая степень экономической адаптации как следствие). Сам экспериментатор заменяется расшифровщиком документов и сообщений, испытуемые устраняются и заменяются совокупностью социальных признаков, взятых из стандартной⁴⁰ демографической статистики. При этом речь идет об усовершенствованной форме науки о населении и утонченном применении логических манипуляций, которые поэтому можно было бы назвать «демометрией» (*demos* — народ, *metrum* — мера). Однако она не имеет ничего общего с важнейшими формами социометрии, в которых компонентам *socius* и *metrum* придается одинаково большое значение.

Как отмечал *Эрнест В. Бурджесс* в «Методах социологического исследования» в специальном пятидесятом номере журнала «*The American Journal of Sociology*» (1945), социометрия в широком смысле включает наряду с группой основных ее представителей (в том числе *Я. Л. Морено*, *Элен Г. Дженнингс*, *Джоан Г. Крисвелл*, *Джордж А. Ландберг*, *Чарльз П. Лумис*, *Лесли Д. Зеленый*, *Мерле Э. Бонни*, *Мэри Л. Нортвэй*, *Стюарт К. Додд*, *У. И. Ньюштеттер*) работы *Ф. Стюарта Чапина*, *Эмери С. Богардус* и теорию поля *Курта Левина*. Представления *Богардуса* в «*Measurement of Person-Group Relations*» («Измерение отношений личности и группы»), *Sociometry*, том 10, № 4, стр. 306): совпадает с представлениями *Бурджесса*: «Дистанционный подход (подход с точки зрения социального расстояния) в социологии можно рассматривать как форму социометрического метода...». *Чапин* рассматривает свою работу как форму социометрии (там же, стр. 23–28). Однако я должен возразить здесь на изменение *Чапином* определения социометрии. отождествляя ее с общим социальным измерением, он суживает ее значение. Создавая и определяя понятие социометрии, центральное положение я отводил исследованию социума. Согласно определению *Чапина*, в центр ставится измерение, а социум оттесняется на периферию или вообще лишается материального существования. Выражаясь диалектически, в центре любого социометрического исследования должно

⁴⁰ Кстати, этот стандарт (например: пол, возраст, доход...и т.д. и т.п.) слабо меняется от страны к стране в течение 20 века, всегда оставаясь достаточно прочным догматом так называемой «репрезентативности» (Прим. ред.)

быть диалектическое единство «социум» и «метрум», каждое из которых не должно быть обделено вниманием. Работа *Богардуса* как проективный метод и работа *Чапина* как форма демометрии частично пересекаются с *социометрией*.

Флориан Знанецкий прояснил некоторые аспекты этой проблемы: «Социологи оказались более восприимчивыми к влиянию математического догматизма, чем биологи, химики или физики-экспериментаторы, по-видимому, в силу двух причин. В социальной сфере математика сначала применялась к демографической статистике, в которой исходно предполагалось, что человеческий индивид является элементарным, «неделимым» существом и что поэтому каждый коллективный феномен представляет собой лишь сумму индивидуальных феноменов. Однако большинству психологов сегодня известно, что человеческий индивид как часть целого не представляет собой независимого единства, а включен в социальные системы и процессы, и что основная задача применяемых в социологии математических методов состоит в количественном анализе таких систем и процессов. Дальнейшим шагом к окончательному устранению этого источника длительного недоразумения является развитие социометрии за последнее время – метода исследования, обладающего важными, но еще только частично понятыми реализованными возможностями».

Социометрическая модель исследования и марксистская социология

В «Тезисах о Фейербахе» *Маркс* высказал положение: «Философы лишь по-разному объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его *изменить*». Эта цитата ведет нас непосредственно в его теорию и практику социальной революции. Однако здесь нас этот аспект марксизма не интересует (*Moreno* 1947). Скорее мы должны подумать о том, какой вклад внесла марксистская социология в экспериментальный метод. Мы можем рассмотреть этот тезис под новым углом зрения: единственный надежный путь раскрыть *основополагающую структуру человеческого общества* это попытаться изменить его. Он пытался изменить общество, применяя орудия социальной революции по мере того, как он их изобретал. Он обладал слишком честным интеллектом и был слишком большим реалистом чтобы не желать установления всей истины относительно проблем социальных отношений, дело, которому он посвятил всю свою жизнь, но он полагал, что он уже знал, в чем нуждается человеческое общество. Временами реформатор в нем преобладал над исследователем. На протяжении всех его работ имеется явный конфликт между ними обоими. Его критический ум не удовлетворялся каким-нибудь одним проектом социальной революции, он постоянно пересматривал свои теории. Было бы заманчиво исследовать в *Марксе* анти-Маркса.

Раскачиваясь между двумя крайностями, *Маркс* в короткие мгновения интуиции был более близок к идее настоящего социального эксперимента, чем многие из его противников. Тем не менее *Маркс* не осознавал, что человеческое общество имеет собственную структуру, которую можно очень точно исследовать и определить. Для него человеческое общество являлось огромной целью, широким полем, бурлящим и наполненным человеческой активностью. Он исследовал силы и идеологии, влиявшие на это поле. Но человеческое общество как таковое было для него аморфной, недифференцированной массой индивидов и событий, которые подвергались воздействию могущественных идеологических сил, которые он открыл. Экономические институты, например капитализм, культурные институты, например религия или семья, политические институты, например формы правления, их происхождение, их историческое развитие и обусловленная ими общественная надстройка — таковы были основные вопросы его диалектического материализма. Но то, что человеческое общество обладает собственной социальной структурой, требующей для своего исследования и изменения специфических средств, лежало по ту сторону его воображения. Он смог увидеть только воздействие жесточенной борьбы между двумя идеологическими силами — между трудом и

капиталом. Может быть, можно сказать, что он, лучше всех оценивший социальные силы, воздействующие на человеческое общество извне, не был реалистом и питал иллюзии относительно "внутренней" структуры человеческого общества. И именно в этом плане можно найти объяснение иррационального характера тех социальных революций, которые провозгласили он, Энгельс, Ленин и Троцкий.

Намерением *Маркса* было заниматься действительными людьми в реальном мире и решать их самые насущные проблемы. Но, как мы видим, к сожалению для человечества, он не достаточно тщательно занимался материальным исследованием. Он уделял мало внимания индивиду и небольшим социальным единствам. Он страдал от чрезмерного революционного догматизма, так же, как некоторые современные социологи страдают от чрезмерного логического догматизма. Его вера в социальное изменение и социальную справедливость была сильнее, чем желание терпеливо исследовать сложную и разветвленную материальную структуру человеческой ситуации. *Маркс* имел практические представления о настоящем эксперименте, но все же его можно сравнить со знахарем, которому приходилось лечить больное тело без знания анатомии, гистологии и физиологии.

Марксистские революционеры не ждут того, что «событие» наступит. Они опасаются, что восстание масс будет отсрочено или вообще никогда не произойдет, а потому они *вызывают* его, подстрекая и будоража массы (и этот процесс называют «волей» масс). По этой причине социал-революционеры создают — до определенной степени бессознательно — атмосферу социометрического эксперимента: они превращают коллективную жизненную ситуацию — там, где она есть *in situ* — в социальную лабораторию. Но все же революционная операция совершается в потемках. Межиндивидуальная и социодинамическая структура масс, участвующих в действии, остается неизвестной, за исключением некоторых идеологических предпосылок и структуры ролей на поверхности - некоторые ведущие индивидуумы в "роли" рабочего против других в "роли" капиталиста. Опасность действий марксистов заключается в том, что, подстрекая и поднимая массы, они могут побудить их на большее действие, чем-то, к которому они спонтанно склонны, и на большие действия, чем те, которые они в конечном счете могут контролировать. Последствия - революционные достижения, если таковые имеются, имеют сомнительную ценность. Они даже не знают, когда может случиться возврат или регресс к дореволюционному или даже еще худшему состоянию. И, кроме того, не только действие, но и сам социальный анализ неизбежно оказывается ошибочным и полным неразрешимых трудностей, поскольку им не известно, когда началось революционное действие, какая была структура масс *in statu nascendi* и какие специфические динамические факторы действуют в массах..

11. Три экспериментальных проекта: тесты невмешательства (*laissez-faire*), автократический и демократический (1936)

Простым примером трех разных подходов является группирование детей в столовой.

1. Групповой тест невмешательства *laissez-faire*

В жилом доме нашей воспитательной колонии живут 28 девушек. В столовой находятся 7 столов. Для размещения девушек за этими столами имеются различные методы. Мы позволяем им, например, по своему усмотрению занять место, и смотрим, что получится. Девушка «А» садится за стол № 1; 8 девушек, которые испытывают к ней симпатию, пытаются сесть за тот же стол. Однако за столом № 1 есть еще только 3 места. В результате возникает спор, кто-то должен вмешаться и рассадить их принудительно. Девушка «Б» направляется к столу № 2, однако никто не пытается к ней присоединиться. Таким образом, 3 места за её столом остаются незанятыми. На наш взгляд, метод

самостоятельного размещения девушек оказывается практически неосуществимым. Он связан с трудностями, которые неизбежно ведут к произвольному, авторитарному вмешательству в их желания, то есть к полной противоположности изначально желанной цели – свободного демократического и индивидуалистического процесса.

Социограмма laissez-faire (A)
(Размещение в столовой)

Двадцать одна девушка занимают места по своему усмотрению. Одна девушка, Белла, садится за стол № 1, восемь девушек, которые испытывают к ней симпатию, пытаются сесть за тот же стол. Другая девушка, Роза, спешит к столу № 2, однако никто не хочет к ней присоединиться. В результате возникает спор, кто-то должен вмешаться и принудительно разместить их по местам (*Soziometric Review* 1937).

2. Автократический групповой тест

Другой метод размещения проводится строго с позиции авторитарной надзирательницы столовой. Она распределяет места таким образом, чтобы девушки доставляли ей как можно меньше хлопот, не считаясь с тем, как сами девушки воспринимают порядок размещения. Или она выбирает для каждого из семи столов «лидера», вокруг которого группирует остальных, не учитывая его чувства по отношению к другим и не задумываясь, воспринимается ли «лидер» как лидер также и девушками.

3. Демократический групповой тест и социометрический метод группирования

Более удовлетворительный метод размещения состоит в том, чтобы опросить девушек, с кем бы они хотели сидеть за столом, и, поскольку за каждым столом имеется по меньшей мере четыре места, каждая девушка должна сделать три выбора. Ей говорят, что будет сделано все возможное, чтобы за столом сидела по крайней мере одна из выбранных ею, и, если это возможно, ее первый выбор. Каждая девушка записывает затем, кого бы она выбрала во второй попытке, если она не сможет получить свой первый выбор, и, наконец, кого бы она выбрала в третьей попытке, если она не сможет получить ни первого, ни второго выбора. Листки бумаги собираются и анализируются. Структура стоящих за ними симпатий изображается графически. Наилучшее сочетание выявленных связей внутри структуры взаимоотношений определяет *оптимум размещения*. С позиции девушек он тем лучше, чем больше взаимных выборов. Все варианты выборов для каждой девушки, упорядоченные *от лучшего – к худшему*: на первый выбор девушки в ответ следует взаимный первый выбор (1:1), на первый выбор девушки следует взаимный второй выбор (1:2), на первый выбор девушки следует взаимный третий выбор (1:3), на второй выбор девушки следует взаимный первый выбор (и далее: 2:1; 2:2; 2:3; 3:1, 3:2, 3:3). Если ни один выбор не находит взаимного ответа, первый выбор девушки (1:0) становится её оптимумом, то есть *лучшим* с её позиции размещением, которым она располагает в рамках данной структуры.

Все три противопоставленные на социограммах А, Б и В группирования состоят из одних и тех же людей. Мы словно имеем перед собой три пробирки, А, Б и В, с одним и тем же веществом, но из которых только В подвергается действию реактива X. Реактивом является социометрический тест. Социограммы А и Б показывают расположение группы из двадцати одной девушки за шестью отдельными столами незадолго до проведения социометрического теста, социограмма В — *после* проведения теста. А и Б представляют собой как бы контрольные группы⁴¹, В — экспериментальную группу.

⁴¹ «Контрольная группа» – традиционное для экспериментальной психологии понятие (см. выше критику Морено использования естественнонаучной методологии

Группирование А (*laissez-faire*) можно рассматривать как «естественный эксперимент». Каким бы диким и нелепым ни было размещение, между индивидуумами в ситуации (по критерию) - сидение за тем или иным столом - по-видимому, должен действовать сильный фактор теле. Авторитарное группирование Б можно рассматривать как «культурный эксперимент», как «ценностно-нормативный эксперимент». В возникновении *данного* конкретного размещения могут играть роль несколько различных факторов. Использование надзирательницей собственного авторитета, как бы ярко он ни выразался, является лишь одним из факторов, влияющих на размещение. Скорее всего девушки также могут оказывать значительное влияние на ее решения. Любимицы надзирательницы могли эгоистично влияя на нее, получать привилегию сесть так, как им этого хотелось. Какой жесткой бы ни была надзирательница, речь все же идет о естественной ситуации, в которой пробивается наружу спонтанность отдельных индивидов, как это часто можно наблюдать при автократических режимах. Можно предположить следующее: чем больше число индивидов, тем меньше власти над ними имеет надзирательница и тем больше она должна позволять им пользоваться своим собственным выбором. В этой ситуации неизбежно проявляется фактор теле.

Автократическая социограмма (Б)
(Размещение в столовой)

Авторитарная надзирательница столовой размещает двадцать одну девушку. Она выбирает для каждого из семи столов «лидера», вокруг которого группирует остальных без учета их индивидуальных чувств (*Soziometric Review*, 1936).

Демократическая социограмма (В)
(Социометрическое размещение в столовой⁴²)

Социометрический тест обеспечивает свободный демократический индивидуалистический метод размещения. Он дает каждому индивиду оптимальное удовлетворение и *создает группе оптимальную структуру* по определенному критерию (*Soziometric Review*, 1936).

Таблица А (раздел 3)
Социометрические результаты

	<i>Число девушек</i>	<i>То же в про- центах</i>
Общее число 21		
Количество девушек, получивших в тесте следующие выборы:		
3 взаимных выбора	3	14,3 %
2 взаимных выбора	3	14,3 %
1 взаимный выбор	7	33,3 %
Ни одного взаимного выбора, но были выбраны	1	4,8 %

в социальном и психологическом эксперименте). Как правило речь идет о разных составах групп. Здесь – это одна и та же группа в разных ситуациях, которые (в социометрии вообще) раскрывают рамки условных «лабораторных» ситуаций а потом и рамки группы (Прим. ред)

⁴² В духе методологии Морено было бы нарисовать в отдельной социограмме также и надзирательницу с её выборами, но только уже по другому критерию (Прим. ред.)

Изолированные (не были выбраны)	7	33,3 %
	21	100,0 %

Таблица А (раздел 4)
Анализ размещения

Общее число 21		процент
Количество девушек, получивших при размещении (за своим столом) следующие выборы:		
Один или несколько взаимных выборов	11*	52,0 %
Один или несколько оставленных без ответа первых выборов:		
Ни одного взаимного выбора, но были выбраны в тесте	1	5,0 %
Изолированные (в тесте не выбраны)	6	29,0 %
Число девушек, достигших «оптимума»	18	86,0 %
Из оставшихся трех девушек количество тех, которые получили второе из оптимальных размещений	1	5,0 %
Количество тех, которые получили третье из оптимальных размещений	2	9,0 %
	21	100,0 %

* Двенадцать взаимных выборов были учтены при размещении, однако один из них (выбор Элен) не был оптимальным выбором девушки.

Таблицу А (раздел 5)
Новое размещение

<i>Стол 1</i>	<i>Стол 2</i>	<i>Стол 3</i>
Белла *	Элен ***	Катрин *
Анна *	Анжелина * (Энг или Эми)	Перл *
Эдит *	Глэдис *	Грэйс **
Харриет *		Ида *
<i>Стол 4</i>	<i>Стол 5</i>	<i>Стол 6</i>
Флора *	Дороти *	Мэри (2) *
Эллен *	Мэри *	Роза *
Лена *	Бет *	Кларисса ***
Эвелин *		

- * Обозначает индивида, получившего оптимальное размещение.
- ** Обозначает индивида, получившего второе из оптимальных размещений.
- *** Обозначает индивида, получившего третье из оптимальных размещений

Обратите внимание: за исключением изолированных девушек все получили оптимальное размещение.

Поскольку степень, в которой гипотетический фактор, теле, действующий при группировании, представляет собой гипотезу, нуждающуюся в проверке, было выдвинуто предположение, что эффект теле должен проявиться в каждой естественной группировке, то есть также и в группировках А и Б. Без дальнейших исследований, однако, нельзя было понять, какие у сидящих за шестью столами девушек выборы теле были позитивными, какие – негативными, а какие выборы выборами теле не являлись⁴³. Социограмма В демонстрирует группирование тех же индивидов, которое существенно отличается от социограмм А и Б. Благодаря социометрическому тесту действительно желаемый порядок размещения и настоящие выборы теле стали очевидными. Двадцать один индивид на основе своих предпочтений образовал двадцать четыре различных пары — обстоятельство, которое учитывается при размещении за столом, чтобы оптимальным образом удовлетворить каждого человека.

Таблица А (раздел 2)
Анализ выборов *

	индивидуальный анализ взаимных выборов									индивидуальный анализ безответных выборов сделаны										получены **	
	1: 1	1: 2	1: 3	2: 1	2: 2	2: 3	3: 1	3: 2	3: 3	1: 0	2: 0	3: 0	1	2	3	4	5	1	2		
Белла	1	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	-		
Мэри	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-		
Мэри	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-		
Флора	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1	-		
Лена	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-		
Дороти	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-		
Катрин	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	1	-	-	-	-	-	-		
Ида	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-		
Эдит	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-		
Бет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-		

⁴³ «Я определяю теле как объективный социальный процесс с двумя ответвлениями: патологическим – переносом и психологическим – вчувствованием. Вчувствование хотя и позитивно, однако по своему значению не выражает двусторонность процесса. Перенос является негативным, и он ответственен за расторжение и распад социальных отношений. И, наоборот, теле ответственно за усиление интеракций между членами группы и более частую, превышающую вероятность, взаимность выборов» (Moreno J-L- Die Grundlage der Soziometrie (Основы социометрии. 1954 цит. по Лейтц Г. «Психодрама:…» пер. А.Боковикова)

Эллен	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	-	1	-	-	-	-	-
Анна	1	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	-
Хелен	-	1	-	-	-	1	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Эвелин	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Анжелана	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-
Роза	1	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Харриет	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Пирл	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	-	-	1	-	-	-
Глэдис	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Кларисса	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	1	1	-	-	-	-	-	-	-
Грэйс	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Всего	4	3	1	3	6	2	1	2	0	13	10	18	4	2	3	4	0	2	2
Всего	-	8	-	-	11	-	-	3	-	-	41	-	-	-	13	-	-	-	-

Выделенные полужирным цифрами «1» показывают, что эти выборы учитывались при размещении.

* Речь идет об анализе второго теста, который применялся к жилому дому 2. См. таблицу В, раздел 2.

** 1, 2, 3, 4, 5 показывают число полученных выборов, первый, второй или третий, на которые выбранный человек не ответил.

Таблица Б

Эффективность размещения, достигнутого с помощью социометрической техники

Жилой дом	Первый тест				
	Общее число	Число тех, кто сумел достичь оптимального размещения без помощи социометрической помощи *	Число тех, кто достиг оптимального размещения с помощью социометрии **	Эффективно	Число людей, размещенных которых не учитывается ни один выбор
1	21	4	16	76 %	0
2	24	4	17	71 %	0
3	19	4	14	74 %	1
4	21	6	18	86 %	0
5	31	4	23	74 %	1
6	29	10	24	83 %	1
7	30	3	26	87 %	0
8	26	4	23	88 %	1
9	28	10	23	82 %	0
10	38	4	38	100 %	0
11	29	4	24	83 %	2
12	27	6	24	88 %	0
13	29	8	24	83 %	0
14	25	8	21	84 %	1
А	20	4	15	75 %	0
Б	17	6	13	77 %	0

Первый тест	414	89	343	82 %	7
Общие данные по второму тесту	404	96	340	84 %	7
Общие данные по третьему тесту	397	122	338	85 %	4

* Число тех, кто спонтанно достиг оптимума благодаря взаимному первому выбору (1:1). Они могли быть размещены без социометрической помощи.

** Девушки, получившие лишь второе или третье из оптимальных размещений, при подсчете эффективности не учитываются; учитываются только те девушки, размещение которых является оптимальным.

Теперь можно провести сравнение между социограммой Б авторитарной ситуации и социограммой В экспериментальной ситуации, чтобы определить, в какой мере теле проявилось уже в авторитарной ситуации. При этом становится очевидным, что пара индивидов дважды хотела объединиться, словно им была предоставлена возможность выбора. Тем не менее эффективность фактора теле в экспериментальной группе оказывается в семь раз выше, чем в авторитарной ситуации. Мы рассматриваем здесь лишь фактор образования пар. Она является еще большей, если сравнить все структуры групп за столом или все структуры групп в столовой. Сравним социограмму Б с социограммой В. Из социограммы В следует, что в социограмме Б удовлетворены только две пары, состоящие из трех индивидов (Бет-Мэри и Бет-Роза за столом II), в социограмме В, напротив, 15 пар (стол I — три пары; стол II — одна пара; стол III — четыре пары; стол IV — четыре пары; стол V — две пары; стол VI — одна пара).

Эти два простых правила определяли каждое размещение. Они могут, как показывает таблица А для специфической группы, использоваться с высокой степенью эффективности. Даже если некоторые девушек не достигают оптимума, часть из них все же может получить второе из оптимальных размещений.

Этот метод состоит из двух фаз, анализа выборов и анализа размещения. Анализ выборов устанавливает структуру группы и положение в ней каждой девушки. Он выявляет, сколько девушек спонтанно выбираются всеми тремя партнерами, с которыми они хотят сидеть за одним столом, сколько выбираются двумя или тремя партнерами, с которыми они хотят сидеть за одним столом, сколько выбираются только одной из трех и сколько не выбираются вовсе. Анализ выявляет далее высокий процент девушек, которые должны в известной мере приспособиться к группе, поскольку то, чего они хотят получить, получить не могут.

Техника размещения разработана для того, чтобы по возможности оказывать помощь там, где спонтанная позиция девушек в группе заводит их в тупик. Графически представленные в социограмме зигзагообразные линии симпатий являются простыми, непосредственными отправными точками, использование которых оказывается полезным для техники размещения. Предпринимается попытка оптимальным образом разместить каждую девушку в группе. Мы говорим об оптимальном удовлетворении, если при размещении восстанавливается та позиция, которая наиболее желанна для девушки в соответствии с представленной в социограмме фактической структурой. (О том, как это конкретно применяется к определенной группе, см. таблицу А.)

Составляется сводная таблица размещения. Она отображает порядок размещения, который вычисляется для каждого жилого дома (см. таблицу Б).

Мы видим, что эффективность достигает иногда 100 %; в среднем нам удается оптимально разместить более 80 % девушек. Процент девушек, которые достигли бы

этого оптимума, будь они предоставлены сами себе, не превышает в среднем 25–30 %. Учитывая этот факт, можно сказать, что помощь, оказываемая социометрической техникой размещения, является весьма существенной.

Каждой девушке принципиально выделяется лучшее место, независимо от того, что про нее говорят или какой опыт был у хозяйки дома с двумя девушками, которые хотели бы сидеть вместе за одним столом. Мы не исходим из предубеждений, а ожидаем, каким будет их поведение¹.

Мы установили, что из-за своих собственных спонтанных выборов девушки, так сказать, застревают в определенной позиции, и можем хорошо себе представить, как их принуждают в реальной жизни, к приспособлению, которое является весьма произвольным и полностью противоречит их желаниям. Не каждый индивид преодолевает такое «застревание» спонтанно, для большинства оно становится социальной судьбой. Поэтому для нас не только с практической, но и с теоретической точки зрения представлял большой интерес вопрос, не стала ли техника размещения иметь для девушек значение, выходящее за рамки сиюминутной помощи. Если благодаря нашему содействию они имеют возможность собираться во время еды с нравящимися им девушками и учатся лучше выбирать в следующий раз, если метод помогает им развивать, тренировать и проявлять свою социальную спонтанность и быстрее преодолевать застревание, чем если бы они были предоставлены сами себе, то такой метод мог бы найти самое широкое применение.

Социометрический тест для выяснения выборов стола повторяется каждые восемь недель. Чтобы точно оценить прогресс, регресс или застой в социальных отношениях, мы разбили результаты по рубрикам и провели сравнительное исследование (см. таблицу В).

¹ Иногда мы наблюдаем, что две или несколько девушек, проявляющих друг к другу симпатию, демонстрируют поведение, которое не выгодно ни им самим, ни другим. В таком случае более предпочтительным может оказаться другое размещение, что показали результаты, которые излагаются в другой работе См.: *Moreno Who Shall Survive?* (Кто выживет? 1934), главы о расовом коэффициенте, поле и Психологическом клубе.

Таблица В (раздел 1)
Анализ выборов соседей по столу жителями разных домов
Первый тест — спустя восемь недель

жилой дом ***	попу ляци я	взаимные выборы *'									безответные выборы *»				
		1:1	перв ый 1:2	1:3	2:1	втор ой 2:2	2:3	3:1	трет ий 3:2	3:3	Все го	перв ый 1:0	втор ой 2:0	трет ий 3:0	Все го
1	21	4	4	4	4	4	3	4	3	4	34	9	10	10	29
2	24	4	3	3	3	2	1	3	1	4	24	14	18	16	48
4	21	6	2	0	2	2	2	0	2	4	20	13	15	15	43
5	31	4	3	3	3	4	0	3	0	4	24	21	24	24	69
6	29	10	3	5	3	2	5	5	5	0	38	11	19	19	49
8	26	4	2	2	2	2	3	2	3	4	24	18	19	17	54
9	28	10	2	1	2	8	2	1	2	6	34	15	16	19	50
11	29	4	3	5	3	4	2	5	2	4	32	17	20	18	55
12	27	6	3	6	3	4	1	6	1	0	30	12	19	20	51
13	29	8	5	1	5	4	3	1	3	8	38	15	17	17	49
14	25	8	3	1	3	2	5	1	5	4	32	13	15	15	43
А	20	4	4	2	4	4	3	2	3	2	28	10	9	13	32

Б	17	6	2	1	2	4	2	1	2	2	22	8	9	12	29
Всего	327	78	39	34	39	46	32	34	32	46	380	176	210	215	601
Средние значения		.239	.119	.104	.119	.141	.098	.104	.098	.141	1	.538	.642	.657	1.8
Сумма средних значений			.462			.358			.343		1.1		1.83		1.8
											6		7		4

* 1:1 показывает, что на первый выбор индивида ему отвечают первым выбором; 1:2 показывает, что на первый выбор индивида ему отвечают вторым выбором; 1:3 показывает, что на первый выбор индивида ему отвечают третьим выбором, и т.д.

** 1:0, 2:0, 3:0 показывают первый, второй и соответственно третий выборы, которые остались без ответа.

*** Дома 7 и 10 пропущены, поскольку из-за большой численности и расового состава популяции они не годятся для сравнения. Дом 3 пропущен, поскольку разный график работы не позволял многим обитателям дома вместе обедать.

В таблице В представлен результат тестирования, которое состояло из трех исследований, последовательно проведенных в течение двадцати четырех недель с восьминедельным интервалом. В первом тесте в 23,9 % случаев на первые выборы 327 участвовавших девушек им отвечали первым выбором (1:1); в 11,9 % случаев на первые выборы девушек им отвечали вторым выбором (1:2); в 10,4 % случаев на первые выборы девушек им отвечали третьим выбором (1:3). Во втором тесте в 27,1 % случаев на первые выборы 317 участвовавших девушек им отвечали первым выбором; в 15,1 % случаев на первые выборы девушек им отвечали вторым выбором и в 11,4 % случаев на первые выборы девушек им отвечали третьим выбором. В первом тесте на первый выбор ответили тем или иным взаимным выбором в общей сложности 46,2 % девушек.

Во втором тесте этот показатель составил 53,6 %. Разница в 7,4% является *повышением* способности девочек за период от первого до второго теста находить ответные первые выборы *без* посторонней помощи. Увеличение эффективности от первого ко второму тесту в отношении 1 : 1 взаимных выборов является 3,2%, в отношении 1 : 2 к взаимным выборам оно тоже достигает 3,2%, а в отношении 1: 3 оно достигает 1 %. Другими словами, увеличение эффективности всего заметнее в выборах 1 :1 и 1 : 2 и менее заметно в выборах 1 : 3. В отношении вторых выборов эффективность увеличивается на 10,6%, а для третьих выборов - на 1,4%. Общее увеличение числа взаимных выборов от первого теста ко второму составляет 19,4 %.

Вследствие такого увеличения числа ответов на первые выборы от первого теста ко второму произошло соответствующее уменьшение количества выборов, оставшихся без ответа, а именно до 19,4 %.

Если мы исследуем результаты третьего теста, становится очевидным, что число взаимных первых выборов вновь повышается, а именно примерно на 2,6 % по сравнению со вторым тестом, но что, с другой стороны, уменьшается число взаимных вторых и третьих выборов. Это означает возрастающее содействие первым выборам, что следует из числа оставшихся без ответа первых выборов в первом тесте (53,8 %) и их числа в третьем тесте (43,8 %), то есть из разницы в 10 % (см. таблицу Г).

Чтобы установить, как распределены эти выборы во всех группах из разных домов, мы подсчитали процент изолированных девушек на каждом отрезке времени. Во время первого тестирования 17,6 % от общего числа девушек были изолированы, во время третьего тестирования — 14,8 %, что соответствует уменьшению на 2,8 %.

Таблица Г (Контрольное социометрическое исследование)

Со средним различием между результатами трех тестов, проведенных с интервалом в восемь недель, без учета выборов при размещении *.

	Взаимные выборы									Выборы без ответа					
	Популяция	первый			второй			третий			все го	первый	второй	третий	все го
	1-1	1-2	1-3	2-1	2-2	2-3	3-1	3-2	3-3	1-0	2-0	3-0			
Сумма	22	6	1	1	1	2	3	1	3	4	22	14	16	14	44
Среднее значение		.27	.045	.045	.04	.091	.136	.04	.136	.18	1.0	.636	.727	.636	2.00
		3	4	4	5		5		2	00					0
Сумма средних значений		.364			.273			.363			1.0	2.00			
											00	0			
Сумма	23	6	0	2	0	4	0	2	0	2	16	15	19	19	53
Среднее значение		.26	0	.087	0	.174	0	.08	0	0.8	.69	.652	.826	.826	2.30
		1						7		7	6				4
Сумма средних значений		.348			.174			.174			.69	2.30			
											6	4			
Сумма	23	5	0	1	2	1	0	1	0	0	10	17	20	22	59
Среднее значение		.21	0	.044	.08	.044	0	.04	0	0	.43	.739	.869	.956	2.56
		7			7			4			6				4
Сумма средних значений		.261			.131			.044			.43	2.56			
											6	4			
Различие между средними значениями:															
первого и второго теста		-				-.099		-		-			.304		
		.016						.189		.30					
										4					
второго и третьего теста		-				-.043		-		-			.260		
		.087						.130		.26					
										0					
первого и третьего теста		-				-.142		-		-			-		
		.103						.319		.56			.564		
										4					

В соответствии с правилами мы рассчитывали общие суммы с точностью до тысячных, но на этот раз не сочли целесообразным применять более сложные статистические методы, такие, например, как вычисление критической точки разрыва.

Возникает вопрос, представляют ли результаты, полученные в этом промежутке времени (двадцать четыре недели) значимую тенденцию. Ответ на него могут дать только дальнейшие исследования. Предположение, что техника размещения повышает спонтанную эффективность выбора, является, по-видимому, правомерным. Благодаря этому методу оказавшиеся в изоляции девушки начинают контактировать с пользующимися популярностью девушками, которые в обычных условиях, вероятно, не обращали бы на них никакого внимания. Невыбранная девушка, сидящая рядом со своей любимой партнершей, имеет возможность проявить себя в лучшем свете и расположить к себе девушку, с которой хотела бы дружить. Аналогичные отношения разного рода развиваются благодаря «перемешиванию», создающему предпосылку для установления контактов. Без применения этой техники размещения девушки, которые хорошо друг друга знают, привыкают друг к другу еще больше и склонны исключать новичков.

В одном из домов в течение восемнадцати недель с шестинедельными интервалами был проведен ряд контрольных исследований. В нем проживали двадцать две девушки во время первого исследования и двадцать три девушки к моменту третьего исследования.

Метод размещения осуществить за этот промежуток времени было невозможно. Результаты показывают, что взаимность выборов постоянно снижается — на 10,3 % при первых выборах, на 14,2 % при вторых выборах и на 31,9 % при третьих выборах. Одновременно постоянно возрастает число выборов, оставшихся без ответа, которое составляет 56,4 %. Хотя речь здесь идет об очень маленькой группе, это исследование выявляет необходимость применения социометрической техники размещения и подтверждает вышеупомянутые тенденции.

Нередко возникает проблема из-за того, что остаются девушки, которые не могут быть удовлетворены размещением. При размещении популяции из 412 девушек на основе описанного здесь исследования только семь девушек (или 1,7 % от общего числа) не получили никого из своих трех выборов. (Во втором исследовании 1,7 %, в третьем исследовании 1 %.) Каждой из этих семи девушек по отдельности объясняют, что учет любого из ее выборов заблокировал бы выборы многих других девушек в доме. Их просят принять ситуацию с условием, что при следующем выборе (спустя восемь недель) — если это вообще понадобится — остаться без выбора, учитывая большинство, попросят других девушек. Им сообщают, кто из девушек, которых сами они не выбрали, хотел бы сидеть вместе с ними. Им приятно узнать, что их выбрали, и с готовностью принимают предложенное размещение. Тем самым они оказывают услугу менее хорошо адаптированным и редко выбираемым или изолированным девушкам, которые их выбирают.

Можно, наверное, возразить, что едва ли имеет значение, с кем девушка сидит за одним столом. Вопрос, с кем сидят за одним столом во время обеда, человеку, живущему в большом городе, имеющему возможность устанавливать с кем угодно контакты и располагающим большим количеством времени, может показаться неважным. Однако в институциональном сообществе, в котором число возможных знакомств строго ограничено и необходима определенная регулярность, непринужденная встреча с человеком, с которым можно пообщаться во время обеда, имеет большое социальное значение. Аналогичные наблюдения мы сделали в столовых и спальнях колледжей.

Далее, можно было бы возразить, что для большинства людей то, что они едят, важнее того, с кем они едят. Это частичная истина, остающаяся бесполезной до тех пор, пока она не будет подтверждена количественным анализом. Наши исследования социального атома показали, что есть люди, у которых особенно четко выражены предпочтения других людей, и люди, у которых особенно четко выражены предпочтения вещей. Это мы также часто наблюдали в наших исследованиях размещения. Тут и там мы встречали девушек, которые, безусловно, хотели сидеть за определенным столом, поскольку знали, что обычно он особенно хорошо обслуживается разносчицей.

Можно также возразить, что популярная и, вероятно, высокомерная девушка, у которой были учтены только один или два выбора, вынуждена терпеть в качестве третьей соседки за столом изолированную девушку, которой она была выбрана, но которую сама она резко отвергает. На это можно ответить, что популярная девушка, с которой такое случилось, возможно, никогда бы не получила двух желаемых ею подруг. Если же она распространяет свой эмоциональный опыт и на людей, нравящихся ей меньше других, то это может иметь для нее воспитательное значение. Повышение эмоциональной гибкости не должно уменьшать ее чувствительности к предпочтениям.

Социометрические техники размещения преодолевают бессистемность, которую в целом можно наблюдать при выборе людей, вынужденных делить друг с другом комнату, и особенно в колледжах. Индивидам, которые легко устанавливают контакты, случайный метод кажется вполне удовлетворительным, однако для большинства тех, кому трудно найти желаемого партнера, он совершенно непригоден. Далее разъясняется метод,

примененный в *колледже*.

Предположим, что общее число студентов составляет 240 человек и что в каждую комнату в студенческом общежитии поселяются два студента. Каждому студенту предлагают сделать три выбора. Выборы анализируются и изображаются графически. Допустим, что 60 студентов образуют пары взаимного первого выбора. Из дальнейшей процедуры выбора их исключают. Оставшихся 180 студентов приглашают на вторую встречу. Они еще раз выполняют ту же самую процедуру. Предположим, что на этот раз 120 студентов образуют пары взаимного первого выбора. Их также исключают. Оставшихся 60 студентов приглашают на следующую встречу. Они снова подвергаются этому же методу. Если все еще остается несколько невыбранных студентов, их приглашают на очередную встречу и так далее, пока наконец для каждого не найдется один партнер.

В этом варианте нашего метода размещения устраняется «посредник». Он не вмешивается и не делает, невзирая на установленные результаты, каких-либо предложений. Он констатирует положительные результаты, образованные пары, но не отрицательные результаты. Организатор здесь становится просто регистратором. Независимо от установленных пар он сообщает сведения только тогда, когда его об этом просят. Тот или иной студент, которому не удалось получить партнера, возможно, захочет узнать, какую позицию он занимает в группе. Он может, например, обнаружить, что, хотя его первый и второй выборы остались без ответа, в первом выборе его выбирают два, а во втором выборе — три студента, которым он уделял мало внимания. Это может побудить его более конкретно разобраться в своем отношении к коллегам по учебе и делает его лучше подготовленным к следующему выбору. Разумеется, графическое изображение повторяется после каждой встречи.

Этот вариант социометрического метода представляется удачной комбинацией полного *laissez faire* (невмешательства) и помощи в размещении. Помощь оказывается только тогда, когда студент об этом просит. В противном случае информация не разглашается. Этот же метод может быть применен к любому виду группы.

12. Психодрама с детьми как антитеза психоанализа детей (1945)¹

В игровых ситуациях с детьми психоаналитики все-таки влияют на постановку эксперимента и *создают структуру*. Очевидно, что они не только наблюдают и анализируют *материал*, но и выступают как «*вспомогательные Я*» детей. Поэтому интеллектуальной неискренностью будет утверждать, как это делают иные психоаналитики, что ребенка нельзя «принуждать», а игровую ситуацию нельзя «структурировать», поскольку в реальной ситуации игровой комнаты они и принуждают, и влияют, и структурируют. Для чего же нужно оставлять *бессознательными и непроанализированными* эти важные процессы, происходящие между аналитиком и ребенком, между учителем и ребенком и между самими детьми? По-видимому, психоаналитики настаивают на применении строгого анализа *только в тех областях, концепции* которых им известны. Но как только они вступают на целину, для которой еще не разработали концепции, они или автоматически применяют концепции из других областей, или преуменьшают динамическое значение нового. Психоаналитики противоречат здесь собственному девизу, а именно «анализировать». Здесь, однако, имеется параллель с контрпереносом во взрослой ситуации. В ситуации игры аналитик становится контррежиссером, сорежиссером. Это, разумеется, означает, что в более или менее явной форме происходит структурирование. Как только это положение вещей открыто признается, а не скрыто практикуется, все проявляющиеся в игровой ситуации факторы — а) другие люди, терапевт, учителя и другие дети, а также необученные вспомогательные Я, б) их межличностные отношения, в) динамическая структура группы, вытекающая из их отношений, их спонтанности и креативности, а также возникающие сцены — могут систематически развиваться и контролироваться.

¹ См. Homo Juvenis (в: «*Einladung zu einer Begegnung*», 1909 и 1914, стр. 19–22), Die Gottheit als Komödiant (в: «*Daimon*», том II, 1919), *Der Königsroman* (1923), *Das Stegreiftheater*, опубликовано в 1924 году Густавом Кипенхойером, Берлин.

Игрушки, куклы и неодушевленные предметы старомодной детской являются весьма желанными гостями в психодраматической игровой комнате. Но бессознательный аналитик игры должен превратиться, однако, в «сознательного психодраматиста», для того чтобы устранять постоянную угрозу здоровому развитию детей. Мир игрушек и кукол является плохой заменой широкому внешнему миру и тем живым людям, с которыми им предстоит встречаться. Игрушки, куклы и предметы должны, следовательно, быть «оживлены реальностью» при помощи вспомогательных его, их представляющих.

Сопrotивление психоаналитиков, как «ортодоксальных», так и «неортодоксальных», игровой психотерапии, и в особенности ее наиболее полной и отчетливой форме - психодраме,- является все еще преобладающим положением: просто смотрите на детей и анализируйте их на расстоянии, оставьте игровую ситуацию аморфной, такой, какая она имеется у детей, не стимулируйте спонтанность детей, позволяя им отнюдь не больше того, что позволяет им та культурная среда, в которой они выросли, направляйте возможно меньше, что часто просто означает быть необщительным и безответственным. Это сопротивление, которое я отчетливо ощутил между 1911 и 1914 годами, когда начал использовать игровые техники с детьми, а также позднее, когда в 1921 году открыл в Вене театр импровизации, имеет свои истоки в психоаналитической теории. *Принцип игры рассматривался тогда как крайняя противоположность, как антитеза психоанализу*. Хотя спустя несколько лет после того, как я убедительным образом представил принцип игры в теории и практике, такие аналитики, как *Мелани Кляйн* (1926) и *Анна Фрейд*, начали выступать за его признание в качестве психоаналитической техники, в конце двадцатых и в начале тридцатых годов требовалась

немалая сила убеждения, чтобы привлечь внимание к идее игры на психоаналитических конгрессах. Даже сегодня, в 1950 году, она еще далека от того, чтобы по-настоящему быть принятой «ветеранами». Для этого есть простая причина: игра является в психоанализе инородным телом, и ее полное признание означает капитуляцию всех концепций психоанализа и замену их новыми. Это означает замену теории анализа теорией игры или, точнее, теории психоанализа теорией психодрамы. Метод игры с самого начала был тесно связан в моих работах с «экспериментальным методом» («импровизированный эксперимент»). Психоанализ же с самого начала противостоял экспериментальным методам, он опирался исключительно на анализ. Игра, спонтанность, креативность, производство, игровой катарсис, психодрама, социодрама и ролевая игра являются частями естественной континуума, они являются ветвями одного дерева, имеют одни и те же корни. Психоанализ и все аналитические производные принадлежат другому континууму и преследуют другие цели.

13. Ролевая игра в социометрическом исследовании (1934)

Когда наша попытка адаптировать Эльзу к группе, в которой она жила (с помощью лечения методом внушения, анализа ее поведения, изменения ее функций в доме и взаимоотношений в группе), не привела к изменению ее поведения, мы решили создать ей совершенно новое окружение. Это, однако, поставило вопрос, где и с кем ее следовало разместить. В этом случае социометрический тест являлся полезным методическим путеводителем, указывающим нам тех индивидуумов в коллективе воспитательниц, преподавателей и других девушек, на которых было направлено ее спонтанное чувство. Поскольку объем ее знакомств в сообществе был невелик, мы предположили, что наряду с ними благотворное влияние на нее могли бы оказать многие другие люди, и попытались расширить число знакомств Эльзы, включив ее в группы ролевой игры.

Эльза стала участницей одной из групп импровизированной игры и часто имела возможность проигрывать различные роли — роли дочери или матери, подруги или возлюбленной, дежурной или состоятельной дамы, карманного вора или судьи. Она играла эти роли в самых разных ситуациях повседневной жизни, ситуациях, какими они представляются подростку, растущему в трущобах большого промышленного города. В этих ситуациях она сталкивалась с рядом конфликтов: с семейным конфликтом — бурный спор между матерью и отцом, приведший в конце концов к их разводу; с рабочим конфликтом, когда за опоздание ее выгоняют с работы; с любовным конфликтом — она любит юношу, такого же бедного и отверженного, как и она. Анализ выражений и жестов в этих импровизированных ситуациях позволил нам лучше понять ее прежнюю семейную жизнь и то эмоциональное напряжение, которое постепенно привело к ее нынешнему положению.

Благодаря этому методу мы смогли увидеть, как она вела себя в игре в выбранных ею самой или предложенных нами ролях по отношению к людям, которых она выбрала в социометрическом тесте, и по отношению к другим девушкам, которых она раньше не знала. При повторном проведении социометрического теста спустя четыре недели она добавила к числу девушек, с которыми хотела бы вместе жить, еще троих и была выбрана ещё четырьмя девушками. Девушек, к которым она испытывала симпатию, мы разделили на тех, кто отвечал на эту симпатию, на тех, кто ее отвергал, и на тех, кто был к ней равнодушен. Чтобы оценить контакты, сулившие стать длительными и благотворными, мы предоставили ей возможность разыграть с разными людьми, независимо от того, отвергали ли они ее или испытывали к ней симпатию, ситуации повседневной жизни. Таким способом мы хотели получить представление о том, как бы они повели себя по отношению к ней в реальной жизни. Наш принцип состоял в том, чтобы предоставить девушкам возможность самим проработать каждую ситуацию, которая могла возникнуть в жизни и которую они однажды уже, наверное, пытались преодолеть. Сравнение

восьмидесяти двух протоколов показало, что только две из семи выбранных Эльзой девушек, вызывали ее спонтанные проявления, которые с точки зрения выражения чувств и суждений выгодно отличались от ее повседневного поведения и которые устраняли определенную мелочность в поведении, часто проявлявшуюся у нее на вербальном и поведенческом уровне в игре с другими девушками. Когда она играла с Жаннет и Флоренс, она, по-видимому, хотела завоевать их симпатию. После постепенного исключения неподходящих для Эльзы домов и тщательной проверки ее отношения к этим двум девушкам и хозяйке дома 11, поселение Эльзы в дом 11 представлялось наиболее благоприятным.

14. Стратегическая функция электромагнитной записи в клинической психологии и психотерапии (1944)

Поскольку электромагнитная запись терапевтических сеансов является теперь общепризнанной и используется во всех психотерапевтических направлениях, пожалуй, будет уместно рассказать, как я пришел к этой идее. Каждая новая идея имеет свой собственный генезис, которая обычно связана с личностью мыслителя, ни одна идея не возникает из ничего, хотя несведущему, которому не известны муки первооткрывателя, и может так показаться.

Между 1921 и 1925 годами я занимался одновременно двумя вещами, с одной стороны, исследованием электромагнитных полей и изобретением записывающего прибора, и, с другой стороны, исследованием спонтанности и креативности, а также создания инструментов для «изучения спонтанности» (см. «Театр импровизации», 1924). Хотя эти две идеи кажутся несовместимыми, именно благодаря их комбинации возникла идея электромагнитной записи терапевтических сеансов.

В сотрудничестве с Франком Лорнитцем мы начали с того, на чем остановился датский инженер *Паульсен*. Мы предложили следующие усовершенствования: а) заменить проволочную ленту *Паульсена* стальным диском; б) использовать обе стороны диска, одну для акустических, другую для оптических записей; в) использовать устройство не только как «электромагнитный граммофон», но и, присоединив его к радио и телевизору, иметь возможность создать «теле- и радиоконсерв». По этой причине это изобретение получило название «радиофильм». Сообщение об изобретении было передано по телеграфу агентством Ассошейтед Пресс из Вены, а газета «Нью-Йорк Таймс» первой сообщила об этом американским читателям («Нью-Йорк Таймс», пятница, 3 июля 1925):

Изобретение радиозаписывающего устройства.

Венские ученые записывают диктора радио на граммофонные пластинки.

Венская пресса сообщила сегодня об инновации в области радио. Речь идет об изобретении австрийского ученого *Морено* и инженера *Лёрнитца*, которое, по их мнению, обеспечивает запись звуков радио на граммофонную пластинку и последующее воспроизведение, которое можно повторять сколько угодно. Основную часть изобретения составляют диски, на которые звуки радио записываются при помощи спирали, состоящей не из глубоких и плоских канавок, как на обычных граммофонных пла-

стинках, а из непрерывной линии точек, которые слабее или сильнее намагничиваются в зависимости от силы звука. Имеется также возможность стирать только определенные части этой пластинки и перескакивать к другим. Благодаря простому процессу диски можно размагничивать и использовать снова. Изобретатели заявляют, что не открыли новый принцип, а соединили известные элементы и создали нечто совершенно новое.

Один американский концерн содействовал изобретению и в октябре 1925 года доставил нас вместе с моделью в Соединенные Штаты. То есть я приехал в США не в связи с социометрией или психодрамой, а в связи с изобретением электромагнитного записывающего прибора. Идея записи терапевтических сеансов — как возможности, крайне важной для уточнения и объективизации терапевтического исследования и необычайно полезной для психических больных, — сразу пришла мне в голову. Вначале я самым решительным образом отказался от этой идеи по следующим причинам: это противоречило клятве Гиппократата *не предавать огласке* истории болезни пациентов и, в частности, сведения конфиденциального характера. Электромагнитная запись терапевтических процессов и их последующее воспроизведение казались неэтичными и полностью пренебрегали духом клятвы Гиппократата. Кроме того, повсеместно господствовало и по-прежнему господствует представление, что лечению пациентов, которые обращаются к психотерапевтам за советом, наносится значительный вред, если они знают, что все, о чем они говорят, записывается. Считалось, что это препятствует спонтанности их проявлений и тем самым снижает терапевтический эффект консультационной беседы. Казалось также, что у пациента будет веская причина привлечь к судебной ответственности врача, который такими записями и их воспроизведением компрометирует его частную жизнь и подрывает социальный статус. Поэтому первой моей реакцией на эту мысль было: «Нет, этого делать нельзя». Кроме того, при организации лаборатории для исследования спонтанности в Театре Импровизации в Вене я столкнулся с похожей проблемой. В театре импровизации не существует заранее написанного текста. В обычном театральном процессе проблемы фиксации не существует, поскольку рукопись драматурга и указания режиссера уже *заранее* представлены в письменной форме. Любая постановка должна быть на сто процентов вариантом представления, уже разработанного драматургом и режиссером. Дополнительная запись представления является излишней. Напротив, в театре импровизации возникла необходимость в определенных средствах документации, чтобы творения момента можно было сохранить как для студентов, так и для пациентов. Шагом в этом направлении являлась моя запись межличностных постановок при помощи *межличностных и позиционных диаграмм*. Хотя они являлись хорошим приемом измерения, они были слишком неполными и безжизненными, стерильными. Электромагнитная запись допускает воспроизведение не только подлинных слов и диалога, но и живого голоса участников.

Кроме того, исследователь-клиницист получает гораздо больше возможностей для анализа, когда у него есть полная акустическая картина сеанса, чем когда в его распоряжении имеются только фрагментарные, сделанные *после* сеанса записи событий. Идеи, которые пришли ко мне позже, явились логическим следствием записи: а) производить содержательный анализ тезауруса каждого участника; я выдвинул гипотезу, что *объем слов*, которые произносятся во время сеанса, показывает степень агрессии или жертвенности данного индивида; б) количественный анализ эмоционального и идеологического содержания постановки (см. «Who Shall Survive?», стр. 186–190); в) продолжительность сеанса и соотношение действия и пауз.

Поэтому я предложил, что «говорящая машина должна фотографировать процесс» и «что мы должны систематически использовать это техническое оборудование для записи особенностей личности». И далее, что «любые реакции, наблюдаемые психологом, и данные, сообщаемые индивидууму во время случайного или запланированного интервью, малоценны, по крайней мере с точки зрения совместного, поддающегося

контролю исследования, поскольку они являются просто впечатлениями, оставшимися в памяти наблюдателя после события. Предложенные субъективистами-психологами многообразные интерпретации не имеют настоящей доказательной силы и возможности проверки, пока они не фиксируют момент».

С другой стороны, «исследования возможности применения электромагнитной записи побудили автора и сотрудников уделять особое внимание записи спонтанного поведения в специально продуманных ситуациях, которые не являлись подготовленными и ожидаемыми для испытуемых»¹.

Я указывал также на то, что благодаря «записи мимических проявлений реакции, которые в спешке, возможно, были недооценены, имеются в распоряжении исследования. Знаки, которые психолог предпочитает и, следовательно, выделяет, зафиксированы теперь вместе со знаками, которые он, возможно, не заметил. Умственная одаренность может выражаться в большой способности к мимическому выражению, а может наблюдаться одновременно со сравнительно малой способностью к вербальному самовыражению, или наоборот, и, таким образом, может быть соответственно оценена. Это несоответствие между вербальными и прочими проявлениями испытуемого указывают на то, что использование одних только свободных вербальных ассоциаций зачастую является причиной разочарования в результатах исследования. Многие жесты и движения, произвольные или произвольные, остаются незамеченными испытателями во время теста благодаря тому, что сам процесс поглощает все их внимание. Эти действия часто имеют определенное влияние на субъекта. Во время последующего просмотра фильма каждое малейшее отклонение поведения может стать значимым наряду с ключом к противоречивым тенденциям между действующими лицами»².

¹ См. эти цитаты в работе «Application of the Group Method to Classification», опубликованной Национальным комитетом тюрем, 1931 и 1932 гг., стр. 16–18.

² «Консервы» теста всегда можно повторить (playback), кроме того, для воспроизведения подбираются не только явные симптомы, но и не фиксируемый иначе процесс мимических проявлений» (сочетание акустической записи с кино).

15. Обсуждение статьи Снайдера «Современное состояние психотерапевтического консультирования» (1947)

Психиатры часто утверждали, что психологи «не пригодны» для психотерапевтической практики, в последние годы, однако, их позиция постепенно изменилась. Психологи со своей стороны уверяют, что они превосходят психиатров в применении научных методов. Тем не менее объективное сближение и понимание обеих сторон является крайне важным, если мы хотим достичь когда-нибудь совместного фронта психотерапевтов. Статьями, подобными статье Снайдера, хаос, существующий в психотерапевтическом консультировании, усиливается, а пропасть между психиатрами и психологами становится еще больше. Автор часто подчеркивает, что психиатры в своей работе в целом склоняются к ненаучности, субъективности и интуиции, тогда как психологи верят в экспериментальные методы и научную валидизацию; далее, что психиатры ударяются в эзотерическую терминологию, но что психологи используют понятия, которые универсальны, то есть принимаются всеми учеными. Такие предубеждения, которые в той или иной мере пронизывают всю статью, достигают кульминации в высказываниях, направленных против *Фрейда* и *Морено*. В главе о психоанализе он пишет:

Трудность для психоаналитически необразованного читателя состоит в том, что словарь психоанализа является настолько эзотерическим, что часто получается мало смысла... Большинство психиатров в этой стране и почти все психологи согласны скорее с мнением *Бланше* (?), что психоанализ является медицинской психологией без адекватных корней в

научной медицине или научной психологии или без связей с ними.

В главе о психодраме он говорит:

Сам Морено в своем подходе является ненаучным и интуитивным... Морено постулирует отношения и схемы поведения, которые объяснимы только с точки зрения его эзотерической системы. В этом смысле его метод подобен методам *фрейдовского* психоанализа (стр. 333).

¹ *Snyder, W. U.* The present status of psychotherapeutic counseling, *Psychol. Bull.*, 1947, 44, p. 297–386.

Общеизвестно, что психоанализ имеет свои корни во французской психиатрии, школе *Шарко*. Если он дополнил медицинскую психологию несколькими оригинальными идеями, то это не значит, что сами по себе они делают его ненаучным. В статье по психотерапии обращаться с Фрейдом так, как будто он – мертвая собака, просто смешно. Он был великим эмпириком, тщательно формулировал свои гипотезы и отказывался от них, как только новые наблюдения, казалось, это оправдывали. Если он действовал доэкспериментально, то это еще не значит, что он был ненаучным. Поскольку психология индивида, когда он начал ею заниматься, находилась еще в зачаточном состоянии, он был настолько научен, насколько это позволяла стадия ее развития. К сожалению, слова «научный» и «эзотерический» используются Снайдером морализаторски и чуть ли не поучительно. Все научные понятия когда-то были эзотерическими, и многие из них являются теперь общепризнанными. Нужно ли бояться вводить новые идеи или создавать их только из-за того, что наши современники сочтут их эзотерическими? Не нужно позволять, чтобы боязнь новых идей и нелюбовь к оригинальности подняли голову под прикрытием ограниченной концепции науки и возникновения новых идей.

Форма, в которой обсуждаются Снайдером психодрама и социометрия, является, если использовать его собственную терминологию, интуитивной и эзотерической. Если бы он исследовал вопрос более тщательно, то он бы признал, что благоприятное развитие консультирования в последние годы тесно связано с социометрическими и психодраматическими методами. Это не имеет ничего общего со спорами о "направляемом - ненаправляемом" поведении, которые психиатры ведут в течение более пятидесяти лет. При «социометрическом консультировании» консультант может быть анонимным. Если происходит процесс терапевтического выбора, консультант является не только недирективным, но и может даже вообще *оставаться в стороне* от события. Социограмма, которая картографически регистрирует эмоциональные потоки, действующие среди членов группы, становится объективной контрольной точкой, на которую опираются его рекомендации как консультанта. Процесс «погружения» принципиально смещается с отношений консультант-клиент на отношения клиент-клиент.

Психодраматическое консультирование является более комплексным. Практически все проблемы, которые в каждом виде психотерапии встречаются порознь, проявляются в психодраме еще интенсивнее или в новых сочетаниях. Поскольку клиенты приходят к нам с самыми разными проблемами, то существует также и множество вариантов психодрамы. Пока еще не было найдено единственного метода, который мог бы применяться универсально. Наиболее старой и популярной формой психодрамы является самоуправляемая форма, в которой Я клиента является единственным режиссером-постановщиком, причем, если он этого пожелает, ему помогают в этом ведущий⁴⁴ и вспомогательные его. В другом варианте психодрамы ведущий находится вне ситуации, терапевтический процесс происходит между двумя или несколькими вовлеченными в

⁴⁴ В практике психодраматерапии применяется также название, скопированное с английского – «директор» (Прим. ред).

конфликт клиентами.

Не может быть большего контраста, чем тот, который существует между нережиссируемым интервью и саморежиссируемой постановкой психодрамы. Отсутствие режиссуры требует *минимального самовыражения консультанта*; психодрама требует *максимального самовыражения клиента*. Слово «нережиссируемый» («недирективный») часто вводит в заблуждение. Это негативное понятие, которое подразумевает, что клиенту нужно позволить выражать свою спонтанность без какого-либо вмешательства. Недирективные авторы ставят часто язык спонтанности на голову; они размышляют о том, чтобы консультант как можно меньше побуждал клиентов, но не о том, насколько клиент побуждается быть самим собой. На практике можно было наблюдать различных интервьюеров. При этом обнаружилось, что, какими бы осторожными они ни были при опросах, на уровне действия они занимали различные позиции, влияние которых на клиентов было неконтролируемым. Один консультант может проявлять отцовское ролевое поведение и в знак одобрения улыбаться, другой — деловое ролевое поведение; третий может быть отстраненным и равнодушным. Все трое используют, возможно, одинаковую технику опроса, но оказывают на клиентов разное воздействие. Очевидно, что уже одни только внешние манеры консультанта будут влиять на клиентов; они обладают, как мы, социометристы, говорим, эффектом теле.

Господин *Снайдер* ссылается на одну из моих статей, а именно на «Научные основы групповой психотерапии». Он не осознает, что речь в этой статье идет только об обобщении, что здесь рассматриваются пятнадцать лет исследования, в котором сотрудничали несколько сот исследователей, об исследовательской работе, которая содержится в девяти томах «Социометрии», в книгах, например «Кто выживет?» и примерно в пятидесяти монографиях. Вершиной невежества в вопросе о значении психодрамы и групповой психотерапии является высказывание *Снайдера*: «При оценке психодрамы важно, пожалуй, констатировать, что сам *Морено* еженедельно дает в Нью-Йорке два сеанса для публики, за которые взимается плата» (стр. 334) ¹. Очевидно, это считается чем-то нехорошим. *Снайдер*, по-видимому, полагает, что для психотерапевтов является непристойным, наверное, даже ненаучным и бесчестным проводить сеансы «для публики». Но является фактом, что самые революционные изменения в терапевтическом консультировании с появлением психоанализа связаны с *открытыми* сеансами для публики. Мои открытые сеансы имели необычайные последствия, поскольку они покончили с двумя неприкосновенными клише: с одной стороны, что консультант в тайной комнате ведет доверительную беседу с клиентом, и ни один другой клиент или консультант не принимает участия в приобретенном на сеансах опыте; ибо этот опыт является и должен оставаться строго конфиденциальным. Открытый сеанс, напротив, способствовал участию больших и меньших групп в совместном терапевтическом опыте. С другой стороны, они покончили с клише, что нельзя делать никаких записей во время сеанса, который ради клиента должен оставаться неприкосновенным и тайным. Но как только была нарушена интимность терапевтических отношений, стало очевидно, что наблюдение и одновременная запись терапевтического процесса допустимы. Тем самым был заложен фундамент для объективации интервью. Клинический прогресс, который начался с открытых сеансов, означал автоматически также прогресс в отношении объективной записи и анализа операций. Принцип электромагнитной записи терапевтического процесса был опубликован мной семнадцать лет назад. С тех пор он пронизывает все мои сочинения и часто используется. Поэтому странно, что *Снайдер* приписывает приоритет недирективному консультанту в следующем:

Реакции, которые переживает психолог, и все открытия, которые делает индивид в ходе случайных или запланированных интервью, во всяком случае если исходить из позиции совместного и контролируемого исследования, не имеют большой ценности, поскольку представляют собой лишь тем, что запечатлелось в памяти наблюдателя после

события. Предложенные субъективистами в психологии разнообразные интерпретации не имеют настоящей доказательной силы и возможности наблюдения, пока они не фиксируют момент. Поэтому я далее предложил, что «диктофон должен фотографировать процесс» и «что мы должны систематически использовать это техническое оборудование для записи личности» (*Moreno* 1932, стр. 16).

Психодраматическая процедура, порожденная социометрией, должна рассматриваться и обсуждаться на фоне социометрической методологии и социометрических экспериментов. Такие понятия, как *социодинамический эффект*, *социальный атом* и *теле*, могут показаться эзотерическими и интуитивными только тому, кто не знаком с методами, с помощью которых они были исследованы.

¹ В Психодраматическом институте в Нью-Йорке *Морено* провел десятидневный семинар с одним занятием в неделю, как это принято у специалистов-экспертов. За весь семинар взнос составлял 15 долларов, плата за один сеанс — 1,65 доллара. Публика состояла из студентов университетов и колледжей Нью-Йорка и его окрестностей.

16. Психодрама и групповая психотерапия I (1946)

Так же как и сегодня, две тысячи лет назад человечество переживало кризис, имеющий величайшее значение. Для широких масс катарсис пришел из христианства благодаря универсальности его методов и практичности его средств - любви к ближнему и исповеди, милосердию и надежде, - вместо того чтобы прийти из философских школ Египта и Греции. В наше время социальные и гуманитарные науки стремятся к совершенству, сопоставимому с тем, которого когда-то достигла религия. Человеческие массы страдают от социального и душевного беспокойства. Возможно, катарсис снова будет достигнут средствами, сочетающими универсальность метода с большой практичностью. Одним из многообещающих методов, разработанных за последние двадцать пять лет и отвечающих этим требованиям, является психодраматический метод.

«Драма» является транслитерацией греческого слова «*drōma*» и означает действие или нечто совершенное. Поэтому психодраму можно определить как науку, которая исследует «истину» драматическими методами.

Психодраматический метод пользуется главным образом пятью различными средствами — сценой, пациентом (или протагонистом), ведущим, группой терапевтических помощников, или вспомогательными «Я», и публикой.

Первым инструментом является сцена. Почему сцена? Она окружает пациента многомерным и необычайно подвижным жизненным пространством. Жизненное пространство реальности бывает часто узким и ограничивающим, и пациент может легко потерять свое равновесие. На сцене же благодаря методологии свободы он может вновь его обрести — избавиться от невыносимого давления и достичь свободы переживания и самовыражения. Пространство сцены является расширением жизни через проверку реальности самой жизни. Действительность и фантазия не находятся в противоречии, обе они являются функциями в рамках широкой сферы — психодраматического мира объектов, людей и событий. Соответственно, тень отца Гамлета так же реальна и имеет право на существование, как и сам Гамлет. Иллюзии и галлюцинации оделись плотью, воплощены на сцене и обрели статус, равный нормальным чувственным восприятиям. Архитектурное оформление сцены осуществляется в соответствии с терапевтическими требованиями. Ее округлые формы и различные уровни, уровни вдохновения, подчеркивающие вертикальное измерение, стимулируют освобождение от напряжения и допускают мобильность и гибкость, эластичность действия. Локус психодрамы, если необходимо, может быть найден везде, где есть пациенты, на поле битвы, в школьном классе или частном доме. Тем не менее окончательное разрешение глубоких психических

конфликтов требует предметных декораций, объективной обстановки терапевтического театра. Аналогично обстоит дело с религией: даже если верующий молится Богу в своей камерке, наиболее полного подтверждения своей веры религиозная община достигает только в церкви.

Вторым инструментом является протагонист или пациент. Его просят изобразить на сцене самого себя, показать свой собственный личный мир. Он должен быть самим собой, а не актером, поскольку от актера требуется принести в жертву собственное личное «Я» той роли, которую предписывает ему драматург. Как только пациент становится разогретым для этой задачи, ему относительно просто изобразить свою повседневную жизнь в игровом действии, ибо никто не является большим авторитетом в отношении его самого, чем он сам. Он должен действовать свободно, именно так, как он ощущает, действовать по мере возникновения внутренних субъективных состояний. Вот почему должна быть обеспечена свобода внешнего выражения и спонтанность. По важности далее следует конкретное изображение пережитого. Вербальный уровень переходит на уровень действия и в него включается. Существуют разнообразные формы изображения: инсценировка ролевой игры, отыгрывание или новая инсценировка сцены, имевшей место в прошлом, изживание (отреагирование) волнующей актуальной проблемы, живое изображение на сцене, тест на реальность или попытка перенестись в будущее.

Большое значение имеет также принцип «включенности». Нас учили, что и в ситуациях тестирования, и в ситуациях лечения для пациента крайне желателен минимум участия других людей и предметов. Пример тому — «тест Роршаха». Ситуация теста Роршаха сведена к чернильным пятнам. В тесте Роршаха изменяются испытуемые, но сама ситуация остается одной и той же. При этом особенно высоко ценится его чистота и тем самым возможность провести «объективное» тестирование. Также и психоаналитическое интервью в ортодоксальной форме пыталось быть чистым и объективным, сведя до минимума участие аналитика. В психодраматической ситуации, напротив, максимальное участие других людей и вещей не только возможно, но и всячески поощряется. Реальности не только не боятся, но ее вызывают. На самом деле в психодраматической ситуации имеются все градации включенности, от минимальной включенности до максимальной. Далее следует подчеркнуть принцип конкретизации. Пациент получает возможность встретиться не только с частями собственного Я, но и с другими людьми, играющими определенную роль в его психических конфликтах. Эти люди могут быть реальными или воображаемыми, ситуации могут быть взятыми из жизни, а могут быть иллюзорными. Проверка действительности — в других видах терапии не более чем слово — осуществляется здесь на сцене. Разогрев клиента на психодраматическое действие достигается разными методами, из которых упомянем здесь только некоторые: знакомство с самим собой, разговор с собой, проекция, включение сопротивлений, смена ролей, дублирование, методы зеркала, вспомогательный мир, воплощение и психохимические техники. Целью этих различных методов не является превращение пациентов в актеров; она состоит в том, чтобы побудить их быть на сцене теми, кем они *в действительности являются*, но только глубже, четче и полнее, чем они проявляют себя в реальной жизни. В качестве *действующих лиц* в распоряжении пациента имеются либо реальные люди из его частного мира, его жена, его отец, его ребенок и т.д., либо изображающие их актеры, вспомогательные Я.

Третьим инструментом является ведущий. Он выполняет три функции: режиссера, терапевта и аналитика. Как режиссер он должен стремиться к тому, чтобы подхватывать любой намек клиента и превращать его в драматическое действие, приводить игру в соответствие с жизнью клиента и никогда не позволять ему терять контакт с публикой. Как терапевт он может иногда атаковать и шокировать клиента, он может также позволить себе вместе с ним смеяться и шутить. Иногда он может быть также настолько недирективным и пассивным, что занятие по существу ведется пациентом. Как аналитик он может дополнять собственное восприятие отголосками из публики, супруга, родителей,

детей, друзей или соседей.

Четвертым инструментом является штат вспомогательных Я. Этим вспомогательным Я, или терапевтическим партнерам, придается двойное значение. В исследовании и терапии они являются дополнением ведущего, но они выступают также как дополнения пациента, изображая реальных и вымышленных людей из его жизненного пространства. Вспомогательные Я выполняют тройную функцию: функцию актера, воплощающего необходимые для мира пациента роли; функцию терапевтического помощника, направляющего протагониста, и, наконец, функцию социального исследователя.

Пятым инструментом является группа как публика⁴⁵. Она может служить тому, чтобы помогать пациенту, или протагонист на сцене может помочь ей и, таким образом, публика сама может становиться пациентом. Когда публика помогает пациенту, она становится резонатором общественного мнения. Ее реакции и замечания являются такими же спонтанными, как реакции и замечания пациента; они могут простирались от смеха до бурного протеста. Чем более изолированным является пациент — например из-за того, что его драма на сцене изобилует бредовыми представлениями и галлюцинациями, — тем важнее становится для него присутствие группы, которая готова принять и понять его. Если публика получает от протагониста помощь и тем самым сама становится пациентом, то ситуация трансформируется. Публика видит, как она сама изображена на сцене в одном из своих коллективных синдромов.

Благодаря сцене психодраматическому методу открывается путь к живому акциональному исследованию и к живой терапии действием, к тесту ролей и ролевому тренингу, к тесту и обсуждению ситуации, тогда как публика создает предпосылку для более популярных форм групповой психотерапии, таких, как лекции, драматические этюды и видеодемонстрации. Научную основу групповой психотерапии составляет фундаментальная наука о человеческих отношениях, известная в широких кругах как социометрия. Из социатрии, медицинского дополнения к этой науке, можно получить знания о патологических формах групповой организации, о диагнозе и прогнозе, профилактике и контроле над отклоняющимся от нормы групповым поведением.

Теперь, после того как мы описали пять основных инструментов, необходимых для проведения психодраматического сеанса, мы можем спросить себя: что благодаря этому должно произойти? Мы хотим здесь ограничиться описанием только одного феномена, душевного *катарсиса* (само слово происходит из греческого языка и означает «облагораживание, очищение»).

Брейер и *Фрейд* ничего не знали о психотерапевтическом эффекте драмы, о котором говорил *Аристотель*. Только психодрама заново открыла и рассмотрела идею катарсиса и ее отношение к психотерапии. Мы продолжили там, где *Аристотель* остановился. Мы также начали с драмы, но повели процедуру *в обратном порядке*. Мы направили наше внимание не на заключительную, а на начальную фазу драмы. Когда мы приступили к нашим исследованиям, про *психический катарсис* можно было прочесть только в драматической литературе, в стертых воспоминаниях о старой дефиниции *Аристотеля*, а сам термин практически больше не употреблялся. Психоаналитики, ненадолго заинтересовавшиеся им примерно в 1890 году, снова его отбросили. Поскольку практически любая человеческая активность может быть источником определенного катарсиса, следует определить, в чем состоит катарсис, чем он отличается, например, от счастья, удовлетворенности, экстаза, удовлетворения потребности и т.д., превосходит ли один источник катарсиса другие и действительно ли имеется некий общий для всех источников элемент, который и вызывает катарсис. Поэтому я поставил себе целью определить катарсис таким образом, чтобы любое явление, которое бесспорно оказывает катарсическое воздействие, можно было рассматривать как часть единого принципа. Я

⁴⁵ То есть все участники группы могут стать любым из инструментов психодрамы (Прим. ред.)

открыл общий принцип, который вызывает катарсис: спонтанность.

В силу универсальности действия и своей исконной природы она включает в себя все остальные формы выражения. Они естественным образом проистекают из нее, или же она содействует их появлению — речь идет о вербальных ассоциациях, музыкальных ассоциациях, зрительных ассоциациях, цветовых ассоциациях, ритмических и танцевальных ассоциациях и всех прочих стимулах, которые могут вызывать или сдерживать возникновение катарсиса взамен другого фактора, например в результате применения психохимических средств, таких, как успокоительные, барбитураты, амитал натрия, пентотал натрия, шоковых методов, таких, как инсулин, кардиазол или электричество, или эндокринологических медикаментов, таких, как гормон щитовидной железы. Все они целиком и полностью соответствуют схеме тотального катарсиса и могли бы кондиционировать организм так же, как идет подготовка к психодраматической интеграции. Потребность в драматическом действии может быть временно ослаблена, например, гипно- или шоковой терапией. Однако витальную потребность в осуществлении определенных фантастических образов нельзя уничтожить шоком. Если только пациент не пострадал в результате хирургической или продолжительной шоковой терапии от повреждения мозга, временно повергнутый в испуг, он неизбежно вернется к старому и снова проявит тот же психический синдром, который был у него перед началом лечения. Все небольшие ручейки парциального катарсиса соединяются в потоке катарсического действия.

Лечение публики стало важной альтернативой лечения индивида. Отношение, которое возникает у публики, изображаемой на сцене своими собственными представителями, к самой себе во время психодраматического сеанса, дает нам объяснение катарсического воздействия психодрамы. По мнению историков, в греческой драме первой, кто решал общую проблему, была публика, хор. Хотя в нем и имелись солисты, тем не менее они оставались в пределах хора. *Эсхил*⁴⁶ поместил первого актера в социальное пространство вне хора, на сцену; он не разговаривал с хором, а изображал страдания своего героя. *Еврипид* поместил второго актера на сцену и тем самым сделал возможным диалог и взаимодействие ролей. Мы можем поставить себе в заслугу то, что поместили на сцену саму душу-психею. Психея, изначально пришедшая из группы, возвращается — после процесса преобразования на сцене, персонифицированная актером — в форме психодрамы в группу. То, что воспринималось и ощущалось на сцене как совершенно неожиданное, новое и впечатляющее, после активного содействия кажется участникам чем-то хорошо известным и знакомым — их собственной Самостью. Словно зеркало, психодрама отражает их личность и подтверждает их собственную идентичность.

17. Психодрама и групповая психотерапия II (1948)

В последние два столетия в области психотерапии произошли три революции, каждая из которых характеризовалась *специфическим изменением процедуры*. В каждом случае новая практика постепенно вынуждала к пересмотру теории, но все же во всех трех случаях метод имел более широкую область применения и включал до определенной степени раннюю форму.

Первая, в середине восемнадцатого столетия, связана с именем венского врача Месмера. Воздействие *гипноза*, состояло в том, чтобы привести пациента в состояние транса. *Месмер* полагал, что гипнотизер ответственен за состояние «гипнотизируемого», и разработал теорию о животном магнетизме, согласно которой от врача на пациента распространяются флюиды.

В конце девятнадцатого столетия другой житель Вены, *Фрейд*, произвел новую революцию, отказавшись от гипноза как формы лечения и введя другой метод. Пациент и

⁴⁶ Краткая историческая справка

врач находились в полном сознании по отношению друг к другу; пациента просили рассказывать врачу все, что ему приходило в голову. Врач рассчитывал достичь этим методом, который был назван *психоанализом*, всего того, что раньше достигалось гипнозом, и, кроме того, добиться и других результатов, которым преграждало путь загипнотизированное состояние пациента. С развитием психоаналитического метода теория Месмера о животном магнетизме была отброшена, равно как и все её рационалистические модификации Шарко, Бернгейма и других, и была заменена общеизвестной системой психоаналитических теорий.

В 1900–1925 годы, в которые в основном была разработана психоаналитическая теория и практика, между психоаналитическими школами существовали многочисленные и не раз обсуждавшиеся расхождения. Столкновение между *Фрейдом*, *Юнгом* и *Адлером* основывалось, однако, на различных подходах к анализу и интерпретации, но с точки зрения *процедуры* никакого противоречия между ними не было. *Фрейдисты* делали акцент на либидо и катексисе как наиболее важных детерминантах человеческого поведения, тогда как Адлер исходил в своем анализе из **неполноценности органов** и чувства неполноценности, а Юнгу казались особенно важными коллективное бессознательное, индивидуация, а также **экстравертированные и интровертированные** типы личности. Но если бы в период 1910–1930 годов мы оказались во врачебном кабинете фрейдиста, адлерианца или юнгианца, везде метод был бы примерно одинаков: врач и пациент одни в кабинете, полностью отделенные друг от друга и от наблюдателя. Имелись незначительные модификации: в одном случае пациент лежал на кушетке, в другом случае пациент сидел напротив врача, в третьем процедура была более неформальной, а сеанс - более коротким. Тем не менее во всех случаях пациент свободно рассказывал о себе, а врач анализировал предъявляемый материал. Как бы ни было велико расхождение в способах и глубине интерпретации, процедура оставалась неизменной.

В последние двадцать пять лет с основанием первого терапевтического театра в Вене произошла еще одна революция. Ее опять-таки можно свести к радикальному изменению процедуры. Этот метод получил известность в качестве психодрамы, социодрамы, ролевой игры и метода действия. *Пациент теперь — это человек, действующий на сцене, играющий перед публикой, которая состоит из большего или меньшего числа других пациентов*. Отношения пациент-врач стали второстепенными. Снова пересматривается теория. Новый метод создает новые понятия и теории. Он состоит из двух процедур: а) лечения публики (групповая терапия); б) представители группы изображают на сцене проблему, которая волнует публику (акциональная психотерапия). Группа оказывается против своего собственного отражения. Она смотрит в это зеркало и видит саму себя сразу во множестве вариантов. Систематически исследуются шоковые реакции «Мы» группы («audio ego») (публики, зрителей) и вспомогательных «Я» («auxiliary ego»), действующих на сцене.

Резюме

«Психоанализ... начался тогда, когда я отверг технику гипноза» (*Freud*, «Autobiographie» 1935). Я мог бы перефразировать это следующим образом: психодрама началась с моего отказа от кушетки и от техники свободных ассоциаций и замены их открытым, многомерным пространством (сценой или любым открытым полем), а также психодраматическими методами.

18. Групповая психотерапия и социальная сплоченность (1948)

Я часто задавал себе вопрос о сплоченности группы и возможной связи сплоченности с успехом лечения. Но чтобы суметь определить, что такое сплоченность группы, необходимо ответить на более широкий вопрос: *как образуются группы?* Какие факторы

задействованы в формировании группы *in statu nascendi* и какие факторы превращают группу с примитивной структурой в группу с высокоорганизованной структурой? За последние два десятилетия социометристами проведено в разных сообществах множество экспериментов. Мы исходили из того, что группы обладают собственной структурой и что для настоящего исследования этой новой области должны быть созданы специальные инструменты. Психологические, психиатрические, психоаналитические и социологические инструменты, которые повсеместно использовались к тому времени, когда мы приступили к нашей работе, оказывались совершенно непригодными. Новые групповые методы общеизвестны теперь в качестве социометрических методов — социометрический тест, тест знакомства, тест спонтанности, тест действия, тест ситуации, психодраматический и социодраматический подходы — вот только некоторые из них. С помощью этих инструментов появилась возможность эмпирически исследовать структуру группы и выделить факторы, участвующие в образовании группы. Наиболее важный фактор, который мы попытались установить, называется «теле», — греческое слово, означающее «дальнодействующая проекция».

Теле считалось ответственным за сплоченность внутри групп. Гипотеза о теле была проверена в следующем эксперименте: семь реальных социометрически протестированных групп людей сравнивались с семью равными по составу случайными группами⁴⁷. При этом оказалось, что члены реальных групп постоянно образовывали специфические социальные конфигурации взаимодействия — большое количество взаимных притяжений и взаимных отвержений, а также комплексные структуры, такие, как треугольники, четырехугольники и цепи. Случайные группы, напротив, отличались большим числом безответных связей и малым числом положительных или отрицательных взаимных связей. Это различие между структурой реальных групп и структурой случайных групп и переход от групп с примитивной структурой к группам с высоким уровнем структуризации, по-видимому, объясняются специфическим фактором, теле. Следовательно, сплоченность группы *S* является функцией *f* от теле *T*;

$$S = f(T)$$

Было проведено множество экспериментов, чтобы пронаблюдать, как и когда происходит *изменение* в структуре группы, превращение группы с низкой сплоченностью в группу с высокой сплоченностью. Сплоченность определялась структурой, которую обнаруживает данная группа при проведении социометрического тестирования, числом изолированных индивидов, пар, треугольников, цепей, сетей, позитивных и негативных звезд. До и после того как производились распределения и перераспределения, социометрические тесты показали, что сплоченность группы улучшалась, если индивиды с низким социометрическим статусом удалялись из группы и заменялись индивидами с высоким социометрическим статусом. Благодаря применению социометрических тестов в два разных момента развития группы можно было измерить изменение сплоченности. Динамическое изменение структуры может быть, однако, спонтанным, то есть происходить в группе автономно — без какого-либо вмешательства посторонних и без какой-либо сознательной манипуляции. Поэтому был проведен дополнительный эксперимент, в котором спонтанное развитие группы сравнивалось с формированием групп с использованием социометрических методов. Этот эксперимент окончательно подтвердил, что с помощью социометрических групповых методов сплоченность группы достигается быстрее, чем в группе, в которой спонтанные условия и обстоятельства остаются нетронутыми.

Группы пациентов, включенные в терапевтическую ситуацию, должны перед каждым сеансом терапии подвергнуться диагностическому тестированию. Тест должен выявить актуальную структуру группы, изменения структуры, произошедшие с момента

⁴⁷ Случайные группы можно различать с реальными также и по такому признаку: случайные группы не имеют общей реальности, в то время как в реальных группах она создается в процессе общения (Прим. ред)

последнего тестирования. На основании полученных результатов могут быть сделаны предложения а) относительно размеров группы (исключение определенных пациентов или добавление новых); б) относительно *частоты* занятий (если между терапевтическими сеансами проходит слишком много времени, процесс сплочения группы может замедлиться — если они происходят слишком часто, то может быть пропущена оптимальная точка насыщения (эффективности); в) относительно *средств*, которые являются наиболее пригодными и эффективными для достижения терапевтического изменения, — лекции и разного рода дискуссии, обсуждение и выбор темы, представляющей группе проблему пациента, психодрама и т.д.; г) относительно поведения участников в условиях «in situ», то есть вне лечебных сеансов, в том месте, где они живут и работают.

Таким образом можно определить потребность в групповой психотерапии. Кроме того, можно точно оценить как неуспех, так и успех групповой психотерапии, выявить показания и противопоказания с учетом формы групповой психотерапии и установить длительность лечения.

19. Предсказание и планирование счастливого брака ¹ (1941)

Одной из величайших методологических трудностей, с которыми приходится сталкиваться социальным наукам, является разрыв между вербализованным поведением (выраженным в интервью, тестах свободных ассоциаций, ответах на анкеты и т. д.) и поведением в жизненных ситуациях (модели действия, паттерны поведения индивидов), в которых вербализованное поведение является только незначительным компонентом. И значение самого вербального содержания подвергается глубокому изменению благодаря влиянию модели действия, которое его порождает. Когда возникает такое расхождение, социальное напряжение для данных индивидов становится тем сильнее, чем принципиальнее и важнее сама жизненная ситуация или отношение, например в семье и браке. В добрачных ситуациях пренебрежение этим расхождением приводит к тяжелым ошибкам при анализе материала, в предсказании неудачи или успеха и не в последнюю очередь при рациональном планировании будущих отношений.

Мне кажется, что основные исследования в сфере проблем семьи и брака в последующие несколько лет должны концентрироваться на развитии теорий, методов и тестов, которые могли бы подступиться к решению этой проблемы. Трудность, с которой столкнулся исследователь в области межчеловеческих отношений, всегда состояла в том, что пригодными казались только два основных подхода: исследования, основанные на изучении вербализованного поведения, и наблюдение людей в жизненных ситуациях с помощью таких методов, как включенное наблюдение. Оба метода имели и имеют свои плюсы, однако они не представляются приемлемыми, когда дело доходит до фактического планирования межчеловеческих отношений и предсказания их развития. Поэтому необходимо между двумя этими крайностями найти середину, чтобы суметь подступиться к поведенческому паттерну самих межчеловеческих отношений. В ходе проработки многочисленных брачных проблем психодраматическими методами мы разработали, на мой взгляд, метод, не только позволяющий легко и точно диагностировать причину многочисленных неудач брачных отношений, но и предоставляющий средство, благодаря которому, быть может, удастся предотвратить трудности в будущем браке.

¹ *Необходимые исследования в области брака и семьи.* — Члены исследовательского комитета не только представили обзоры относительно того, какое знание, по их мнению, в области брачных и семейных отношений можно считать научно установленным. Некоторые из них были даже готовы изложить важные научные проблемы, на которые исследователи должны обратить свое внимание в будущем. Первым из них следует назвать меморандум *Я. Л. Морено*, в котором он указывает на желательное применение

психодраматических методов к анализу и проработке проблем в этих сферах. *Леонард С. Коттрелл младший*, председатель.

Психодрама — и родственная ей социометрия — открывают области акционального исследования, которые должны были найти большой отклик у молодых социологов, поскольку они предоставляют им почти неограниченные возможности по-новому организованных экспериментов, выходящих далеко за рамки разработанных до сих пор тестов и методов. Психодраматические методы позволяют исследователю непосредственно, *в действии* наблюдать отношения между людьми. Источники прошлых, настоящих или будущих конфликтов проявляются в среде, в которой их можно диагностировать и лечить, предусмотреть и предупредить, в результате чего, если когда они и имеют место, то их влияние минимизируется, и они предстают в истинном свете. Если конфликты в межлических отношениях удается предотвратить, то это значит, что эти отношения имеют хорошие перспективы. Именно поэтому исследователь должен сосредоточиться на предсказании и предотвращении межлических конфликтов.

Психодраматический метод в этой области исследования занимается в первую очередь фактическими жизненными ситуациями. Исследователь может направлять свое внимание как на саму ситуацию, так и на задействованных в ней людей. Психодраме не нужно опираться на интервью, анкетирование или сообщения. Клиентов исследуют по отдельности или парами так, как они реально действуют и говорят в ситуации. Этот подход является трехмерным и осуществляется в современности, здесь нет смещения во времени. Таким образом исследователь может вместе с клиентами наблюдать спонтанную реакцию обоих партнеров, когда они сталкиваются лицом к лицу с реальной жизненной ситуацией.

Фактор спонтанности очень важен. Встречаясь с жизненной ситуацией, которая часто является неожиданной и провокационной, субъекту приходится реагировать спонтанно. Наблюдение позволяет исследователю определить «индекс спонтанности» клиента. Один партнер может, например, реагировать замедленно, тогда как другой, более быстрый, становится все более нетерпеливым. Понимание того, что «индекс спонтанности» у другого человека может быть большим или меньшим, чем собственный, способно помочь каждому партнеру учитывать это обстоятельство в будущем. Тем самым бессознательный источник раздражения может быть редуцирован.

Исходя из принципа, что каждый партнер в отношениях со своим визави *играет определенную «роль»* и что каждый из них в разные моменты времени и в разных ситуациях сам воспринимается в разнообразии этих ролей, психодрама предоставляет им возможность «разыгрывать» эти роли вместе. В ходе психодраматического исследования структуры брачных отношений мы смогли установить некоторые типичные конфликты, встречающиеся едва ли не в каждом браке. Разные пары находят разные решения; можно сказать, что успех или неудача брака большей частью зависит от найденного решения и от быстроты и легкости, с которыми оно достигается. Соответственно этому психодраматический метод выявляет множество типичных ситуаций, которые консервируются и применяются к различным исследуемым отношениям. Эти ситуации основываются, разумеется, на реальном психодраматическом опыте со многими супружескими парами. Каждая ситуация симулирует опыт, который может возникнуть почти во всех супружеских отношениях; она содержит по меньшей мере зародыш конфликта и почти всегда приводит к критической точке, в которой одному или обоим партнерам приходится реагировать так, чтобы можно было найти решение проявившегося кризиса.

При этом будущих супругов не только, так сказать, предупреждают относительно трудных моментов, которые им, по всей вероятности, предстоит преодолеть в супружеской жизни. Наряду с этим анализируются также предложенные решения этих трудных моментов, демонстрируются их ошибки и недостатки. Таким образом, пара

перестает видеть себя лишь в розовом свете, как это обычно бывает в ситуациях перед браком, и вынуждена рассмотреть некоторые из этих неприятных и неизвестных доселе реалий, которые могут возникнуть в будущем. Каждый партнер открывается другому в разнообразии ролей: как супруг или супруга, как хозяин дома или кормилец семьи, как отец или мать, чему еще только предстоит быть в далеком будущем. Они могут играть роли неверного супруга или супруги, партнера, реагирующего ревностью, попустительством или каким-либо другим спонтанным образом, который вызывается действием. Таким образом, оба предстают *не только* как влюбленные, всегда стремящиеся к тому, чтобы показаться любимому партнеру с лучшей стороны. В ходе этого метода проявятся скрытые до сих пор роли. Обнаружатся многочисленные незамеченные грани обеих личностей; они используются при консультации пары и помогают исследователю лучше понять клиентов. Пара может познать себя за удивительно короткое время и подготовиться к тем или иным ситуациям, которые в сходной форме могут встретиться в будущих отношениях.

При психодраматической проработке супружеских проблем подчеркивается важность скрытых ролей в личности обоих партнеров. Во многих случаях удалось установить, что неудача брака объяснялась, например, ролью авантюриста или поэта, которая вдруг возникла спустя несколько лет после свадьбы. Если бы другой партнер с самого начала осознавал наличие таких потенциальных, но не проявлявшихся ролей, то эти роли можно было бы учесть и выработать соответствующие встречные роли. В каждом развалившемся по этой причине браке речь шла о неспособности удовлетворительно ответить на роль, создававшую основу для крушения брака. Проявлявшаяся скрытая роль не находила удовлетворения у супруга и стремилась к полному осуществлению в другом месте. Насколько более благоприятным оказался бы результат, если бы с помощью психодраматических методов скрытая роль была заведомо извлечена на свет, после чего она, возможно, оставалась бы латентной до тех пор, пока бы не смогла проявиться и найти удовлетворение все же с супругом, чем с кем-то другим.

Создать психодраматическую среду, в которой можно было бы провести подобный эксперимент, нетрудно. Его результаты двоякого рода: неограниченный материал исследования на реальном и приближенном к жизни уровне и, одновременно, практическая подготовка будущих супругов к совместной жизни.

20. Социальный исследователь - инструмент тестирования, объективации и измерения (1940)¹

Проблема исследования социальной ситуации имеет два фундаментальных аспекта: первый касается вопроса, каким методом можно точно и четко охватить наблюдаемый социальный процесс, чтобы получить действительно реальные и валидные, а не, к примеру, иллюзорные и недостоверные факты. Социометрия в сообществах и психодрама в экспериментальных ситуациях сознательно пытаются поместить испытуемых в экспериментальные условия, которые делают их чувствительными к восприятию собственных переживаний и паттернов поведения. В этом «состоянии спонтанности» они могут дать материал о переплетении социальных сетей, в которых они действуют, и о своих собственных жизненных ситуациях. Эта подготовка испытуемых к более широкому пониманию социальной ситуации, в которой они находятся, достигается процессами разогрева и благодаря тому, что они становятся способными проявлять спонтанность, в необходимой для данной ситуации степени.

В социальных науках испытуемые должны исследоваться непосредственно в фактической жизненной ситуации, а не до или после нее. Они должны быть по-настоящему самими собой, в самом широком смысле слова. Они должны оцениваться в реальной и естественной ситуации; в противном случае может случиться так, что мы измерим нечто совершенно другое, чем ситуацию, которую мы намереваемся оценить. Если проблема не предстает перед нами во всей ясности, то это может привести к тому, что мы будем оценивать субъектов в тот момент, когда они находятся наполовину в ситуации и наполовину вне ее, прежде чем они начнут в ней действовать или уже после того, как они ее пережили, а сама ситуация «остыла», превратилась в социальные консервы⁴⁸. Очевидно, что *оцениваемая ситуация должна быть схвачена in statu nascendi, а испытуемые должны быть к ней разогреты.* Этим подчеркивается большое значение концепции момента в самом мышлении исследователя при методологической подготовке действительно естественных экспериментов в человеческих обществах.

¹ Это исследование продолжает дискуссию о методах тестирования, начатую в работах «Использование группового метода для классификации» (1932) о тесте спонтанности, «Кто выживет?» (1934) об анализе социального исследователя, в статьях «Социометрия и ее отношение к другим социальным наукам» («Социометрия», 1937) о включенном наблюдателе, противопоставленном вспомогательному «Я» и о стандартизации ситуации в работе «Психодраматическая терапия супружеских проблем» («Социометрия», 1940) (все работы принадлежат автору данного исследования).

Исследование, которое адекватно воспроизводит каждую фазу развития социальной ситуации (раннюю фазу, промежуточную фазу и конечную фазу), имеет решающее значение в любой области социологии. Социометрия ставит перед собой эту цель. Сегодня известные социометрические техники представляют, пожалуй, лишь небольшую часть инструментария, которым будет пользоваться социометрия будущего, и их ни в коем случае нельзя путать с социометрией как общей теорией в социальных науках.

Второй основной аспект проблемы касается самого исследователя. Проблема исследователя и ситуации, в которой должен проводиться эксперимент или исследование, имеет в социальных науках чрезвычайное значение. Однако методы, которыми пытаются разрешить эту фундаментальную проблему, по сей день остаются крайне неудовлетворительными. Рассмотрим два наиболее прогрессивных подхода: метод

⁴⁸ Морено называет это понятие также «культурный консерв» как составную часть триады «спонтанность – креативность – культурный консерв» (Прим. ред.)

включенного наблюдения и метод психоанализа.

Включенный наблюдатель в ходе своего исследования устанавливает контакт с различными людьми и ситуациями, но сам — со своими предрассудками и предубеждениями, со своей личностью и собственным положением в группе — не исследуется и остается поэтому неизвестной величиной. Его социальная модель (архетип, паттерн) отчасти меняет исследуемую ситуацию, но в подведении итогов она не учитывается. Действительно, нам приходится принимать как данность непогрешимость его собственных суждений и мнений, *«неисследованный исследователь» остается, так сказать, систематической ошибкой.* Это, конечно, касается только социальных исследований, в которых исследователи как индивиды образуют важную составную часть исследования. Иначе обстоит дело с социальными исследованиями, в которых изучаются готовые продукты - процессы, ставшие стереотипными и неизменными, и пригодные лишь для создания таблиц и шкал. Разумеется, социальные измерения таких процессов являются частью социометрии в ее широком понимании, но без непосредственного подхода — непосредственного измерения человеческих феноменов — эти измерения имеют ограниченное практическое значение.

Исследователь-психоаналитик в ситуации, в которой он работает как аналитик, также является неизвестной величиной. Любой учебный анализ, которому он мог подвергнуться прежде, ни сколько не меняет того положения вещей, что в процессе интервью и анализа индивида он не измеряется. Чтобы суметь оценить и аналитика, и пациента в ситуации терапии должен присутствовать, но все же стоять в стороне от них, третий человек — супераналитик, который имеет с обоими одинаковую дистанцию. Директивы его терапии и толкование им собранного материала абсолютно субъективны. В данный момент, вопреки его собственному мнению, для этой ситуации нет каких-либо рамок, которые бы позволили определить, корректным ли образом был получен материал и является ли приписываемое ему значение валидным в научном отношении.

Чтобы исправить серьезные ошибки, которые восходят к самому исследователю, мы возвращаемся к социометрическому подходу, который особенно годится для микроскопического изучения социальных феноменов. Включенный наблюдатель не остается — в совершенно определенной форме этой деятельности — «объективным» или дистанцированным по отношению к исследуемым людям: Он становится их другом. Он идентифицируется с их ситуациями, становится расширением их «Я». Выражаясь иначе, «объективный» участник становится «субъективным». Как *субъективный участник* он может по очереди или одновременно углубиться в жизнь разных индивидов и затем выступить в качестве уравнивающего коммуникативного средства между ними. Это первый шаг.

Если мы будем рассматривать исследователя, раздающего анкеты, в качестве того, кто находится в ситуации максимальной *формальной объективности*, то тогда исследователь, идентифицирующийся по очереди с каждым включенным в ситуацию индивидом, приближается к *максимуму субъективности*. Хотя профессиональный исследователь, работающий таким образом, и достигает значительного терапевтического эффекта, сам метод все же не улучшает предполагаемую объективацию самого исследователя.

Следующим идет психодраматический метод, создающий *одновременно и экспериментальные, и терапевтические* условия. Здесь присутствует ведущий (директор психодрамы), который находится, однако, вне исследовательской ситуации. «Исследуемые исследователи» помещаются в жизненные ситуации и роли, которые им могут встретиться в обществе или в частной жизни, пока их ролевой репертуар и паттерны поведения не станут достаточно понятны. Эта процедура продолжается до тех пор, пока каждый исследователь не будет полностью объективирован. Время от времени проводятся повторные тесты, чтобы не упустить изменения, которые, возможно, произошли в их различных моделях поведения.

Благодаря этим стараниям ролевой репертуар и способность к его расширению,

экспансивность каждого исследователя становятся прозрачны, а стимул, которым он может быть для испытуемых, становится известной величиной. Следовательно, психодраматический метод предоставляет точку отсчета и масштаб, по которому мы можем измерить и оценить бесчисленное множество испытуемых в специфических жизненных ситуациях и в специфических ролях. Парадокс состоит в том, что исследователь — хотя он объективирован для этого метода и, так сказать, стал «контролируемым включенным наблюдателем» — и далее остается тем, кем он был первоначально: субъективным участником.

Процесс объективации исследователя соответственно ситуации, которую он должен исследовать, принимает самые разные формы и, кроме того, имеет многочисленные ступени совершенства. Такая идеальная ситуация достигается с психодраматической группой в экспериментальной обстановке терапевтического театра. Членам психодраматической группы предоставлено в ролях и ситуациях пространство для спонтанной игры, которое значительно превосходит аналогичное пространство в реальном сообществе и тем не менее охватывает все существующие в нем роли и ситуации. Отмечается не только взаимодействие между членами группы на сцене и за сценой, но одновременно также поведение каждого члена сообщества, каким бы спонтанным оно ни было. Тем самым создается идеальный фон для выполнения задачи, которая ставится перед испытуемым в самой психодраматической группе.

После того как исследователь протестирован таким образом, мы можем привлекать его в качестве инструмента для исследования любой группы индивидов в типичных, вышеописанных ситуациях. Кроме того, в своей новой квалификации он может быть задействован в качестве субъективного участника, который объективирован до такой степени, что может рассматриваться как известная величина в методе, для терапии клиентов. Он стал вспомогательным Я, поведение которого как ведущего на психодраматической сцене в известной степени контролируется. Тем самым терапия избавляется от предубеждений и эмоциональности терапевта. Благодаря этому методу достигается существенное преимущество по сравнению с психоаналитиком как в качестве исследователя, так и в качестве терапевта. Очевидно, что учителя, социальные работники, медицинские сестры и другие могли бы извлечь из такого подготовительного образования большую пользу в соответствующих терапевтических ситуациях.

Наконец, этот метод может быть с успехом использован в качестве улучшенного метода *включенного наблюдения*. Тщательная подготовка личности исследователей, которые в качестве социометристов или наблюдателей должны будут работать во всем обществе, позволяет собрать в исследовательском центре, куда эти исследователи возвращаются со своими данными и находками, и в результате восстановить живое единство исследуемого сообщества. Такая интеграция всего исследования устанавливает соотносительные рамки, применение которых более объективно, чем прежде, регулирует влияние поведения исследователей на их открытия в сообществе. Социальное исследование любого сообщества, если оно опирается на социометрические принципы, обладает двумя дополняющими друг друга соотносительными координатами: 1) с одной стороны, *объективированный исследователь*, подготовленный и оцененный таким образом, что его собственная личность уже не представляет собой неизвестный фактор, способный влиять на результаты 2) с другой стороны, *члены сообщества*, которые побуждаются социометрическими тестами к *активному спонтанному участию* в исследовательском проекте и поэтому предоставляют нефальсифицированные и надежные факты. Таким образом, социальные структуры, фактически существующие в сообществе в момент исследования, раскрываются нам с минимумом ошибок как со стороны *исследователя*, так и со стороны *исследуемого*, общающихся друг с другом на равных посредством теле или техники дублирования, а не с помощью интервью.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

После Морено трудно писать, но слишком много мыслей и чувств порождает его книга. Его тексты, внешне туманные, старомодно изящные и по-философски наивные, по мере размышления над ними наполняются глубоким смыслом и тогда самому современному человеку, открытому чему-то действительно новому, его позиция видится уже четкой и твердой.

По прочтении более уместным будет говорить уже не только о методологии Морено, но и о применении его методов, об отношении к его позиции. Итак, давайте сравним наши позиции, уважаемый читатель, обсудив некоторые вопросы понимания Морено в современных условиях.

В настоящее время при определенном теоретическом вакууме в русскоязычной литературе о социометрии, размножились попытки ее применения и соответствующие представления о социометрической практике. Морено неоднократно описывает социометрическую процедуру в различных аспектах (насколько это вообще возможно в тексте), утверждая общие методологические принципы. Вероятно было бы полезно с одной стороны сконцентрировать методическое описание полной процедуры в одном месте, а с другой стороны резюмировать методологические принципы в социометрических тезисах.

Социометрическая процедура.

Социометрическая процедура - это:

1) создание спонтанной атмосферы откровенного обсуждения целей терапии, роли ведущего и каждого; постепенное погружение социометриста и всех участников в самые актуальные темы «здесь и теперь»; выделение наиболее значимых социометрических критериев, первоначальное их прояснение и обозначение, ограничение рамок «in situ» (данной ситуации)

2) создание особой атмосферы эмоционально-чувственной проводимости между людьми (эмпатии), в которой становятся очевидными общность и различие чувств, тем и состояний людей, проявляющихся в социометрических критериях, наполненных конкретным актуальным содержанием «здесь и сейчас»⁴⁹; проводятся индивидуальные интервью и перцептивная социометрия, т.е. построение **социального атома индивида** (см. стр. 97-106), в котором обозначаются люди, эмоционально значимые для данного индивида и просто знакомые, а также представления о том на каких дистанциях данный индивид находится у значимых для него лиц

3) обозначение или явный **спонтанный выбор** каждого по каждому из критериев (за исключением тех случаев, когда это специально не фиксируется с остановкой группового действия или фиксируется без остановки (актосоциограмма); проводится актовая дифференциация или шкалирование (т.е. люди располагаются на объявленной ведущим шкале и могут объяснить свою позицию), люди могут обменяться комментариями своего выбора, возможны отнесения ко всем; сравниваются социограммы различных критериев; сравниваются социальные атомы индивидов с реальными социограммами, где появляются те же самые люди, что и в атоме

4) отслеживание наиболее важных связей на основании изучения позиций людей в социограммах и социальных атомах, а также значимых выборов среди тех, кто пока не охвачен социометрической процедурой; прослеживаются наиболее важные связи и, при необходимости, выбранные лица опрашиваются и приглашаются в группу (и кто-то, возможно, не приглашается), словом может меняться размер и состав группы (см. стр.159) ищутся новые, еще более значимые критерии, и, если необходимо, выбор продолжается;

⁴⁹ Морено не рекомендует использовать номинально абстрактные критерии типа «дружба», которые реально означают для всех что-то различное. Такая «дружба» - это целый пучок различных критериев

прослеживаются новые социометрические выборы или отвержения⁵⁰; ищутся методом **психодрамы** или **социодрамы** ситуации (сцены), в которых становятся наглядными проблемы, связанные с тем или иным выбором индивида или выбором, направленным на него; сравниваются социограммы социального атома и реальные групповые социограммы, по результатам которого проводится терапия (регенерация) социального атома, обмен ролями, ставшими уже слишком типичными для индивида (например «изгой») на найденные здесь же противоположные роли (например «звезда»); ищется общее и различное у ролей и пр., то же касается групповых ролей или групповых проблем в социодраме

5) анализ и **консервация** («культурный консерв» см. ниже) результатов проведенных этапов социометрической процедуры (при необходимости планируются следующие); проводится тест на реальность (драматический) и социометрический тест для оценки результатов всего цикла; проводится заключительный свободный обмен чувствами и телеотнесениями⁵¹, **перегруппировка** или реструктуризация группы (групп), сближение различных структур (по разным критериям) и сетей отношений

Социометрия – это не чисто социологическая, психологическая, экономическая или политическая процедура, преследующая те или иные частные или социальные цели. Это синтетическая процедура, изменяющая саму жизнь группы и каждого, но не в направлении, указанном терапевтом.

Социометрические тезисы

1. Все люди связаны между собой. Человечество – есть органическое единство, имеющее свою собственную структуру, не похожую на известные нам структуры внешнего общества, а тем более структуры социального строя и государства, существующие в данный момент. И среди всех структур и отношений, образующих социальную реальность, социометрическая структура (непрерывный самоуглубляющийся процесс спонтанных выборов и отвержений) рано или поздно определяет все остальные: социальную, экономическую, политическую, психологическую и другие. В ней – самая мощная энергетика всех изменений в человеческой реальности. Чем сильнее различаются между собой социометрическая структура и внешнее общество, тем сильнее общая социальная и психологическая напряженность данного общества (сообщества) в данной ситуации.

2. Реальность любого человека всегда субъективна, из таких реальностей складывается социальная реальность, которая не может быть объективно исследована и кому-то преподнесена. Она может быть познана только теми, кто в нее включен. Любой исследователь, консультант, терапевт и экспериментатор должен быть погружен в реальность той группы (личности), с которой он работает и на какое-то время стать частью ее. Нельзя проводить эксперимент **над** людьми, социометрическое и социопсиходраматическое вмешательство должно быть понятным каждому члену группы, «эксперимент должен стать общим делом» данной группы здесь и сейчас», он должен работать с самым актуальным для них содержанием, что является их спонтанным выбором.

3. Социометрический метод – это **ситуативный** инструмент (если условно отобразить на шкале психологических методов он будет «самым проективным». А на социологическом – самый «качественный» или «мягкий», «слабо формализуемый». Однако социометрический (драматический) метод нельзя считать ни психологическим, ни

⁵⁰ Количественный аспект социометрии неплохо описан в литературе, поэтому здесь нет необходимости подробно останавливаться на подсчете индексов и т.д.

⁵¹ Морено различает 3 типа отношений: вчувствование, перенос и теле(6,стр. 47-57)Наиболее совершенны телеотношения, возникающие в результате социометрии и социодрамы. Распространенным заблуждением является взгляд на теле как на идеальную дружбу, однако телеотношения - это взаимно реалистичные отношения.

социологическим, поскольку он работает с уникальной и неповторимой ситуацией. Социометрический метод: 1) диагностирует, ищет самое актуальное для данной группы (клиента), с самого начала меняется, настраивая себя на данную реальность, идет на концентрацию всей жизни, предъявленной клиентом (группой) 2) проверяет на реальность любые понятия, привнесенные в социометрическую ситуацию всеми ее участниками (включая социометриста (драматиста), например «народ», «демократичный», «лидер», «сплоченность», «дружба» и т. д. и в то же время способствует рождению и конкретизации смыслов «здесь», ситуативных понятий, актуальных для всех присутствующих и концентрирующих **их реальность** 3) очерчивает границы ситуации (ее качественную определенность, насколько и где «здесь» и когда «теперь»), границы контракта между организацией социального терапевта и социальной организацией, желающей изменений (где каждый становится как бы терапевтом-экспериментатором⁵²), границы возможной для участников глубины и степени концентрации действия. Таким образом результат имеет качественный характер, который невозможно правильно использовать без погружения в ситуацию (что обязательно нужно учесть возможному заказчику), социологическим языком это – нарратив, картинка, отражающая полный цикл социального явления от locus nascendi (места рождения).

4. Неравномерность выборов в любой группе и в каждой ситуации не устранима (если брать конкретный критерий образования группы и выбора, конкретную интеракцию в конкретном «здесь и теперь»). Поэтому у каждой ситуации есть своя **социодинамика**: свои «звезды» и отверженные, у каждой группировки есть свои лидеры и лишённые взаимности – подлинная социометрия показывает не только объем внимания к индивиду (кто именно) и его экспансивность (его внимание), но и полную реальность ситуации измерения: где именно, когда именно, конкретную направленность данной сплоченности (на кого, против или за кого, на что). Во все времена, у всех народов, при любом строе есть отверженные и остающиеся в пренебрежении индивидуумы и группы – Морено называет их «социометрический пролетариат» - поэтому в конечном счете в своем обществе они и страдают от экономической, политической, расовой, религиозной, психологической нищеты. В мире постоянно происходят революции, модернизации и прочие социальные сдвиги, которые как правило проводятся ради нуждающихся, но которые на деле только обостряют противоречия между лидерами и отверженными, между крайностями в каждом из нас: «мир, другие нуждаются во мне больше, чем я в них» и «я нуждаюсь в других больше, чем они во мне».

5. Результаты социометрического эксперимента, правильно построенного и в конечном счете обязательно должны приносить пользу его участникам и группе как целому. Реальное сплочение или создание группы – тоже результат. Кстати сплочение может быть «за» или «против», позитивное относительно конкретного социума или негативное (естественно то же касается и лидера) и социометрия позволяет не только это увидеть, но и повлиять на это. Но социометрия неаксиологична, то есть сама по себе она не утверждает и не навязывает ценностей, **не оценивает**, она может помочь проявлению реальных чувств, взгляду на себя и на нас (наше «мы») со стороны и многому другому, но не призывает: «Давайте жить дружно!» и не примиряет людей ради самого мира. Она делает отношения реалистичными и открытыми.

6. Социометрия вначале становится важным делом для одного, двоих, троих конкретных людей здесь и теперь. Это их «здесь и теперь» тянется множеством нитей к

⁵² «правило совместного действия» (стр. 75): «Вы не можете быть членом группы и одновременно "тайным агентом" экспериментального метода. Выход в том, чтобы придать каждому члену группы статус исследователя, сделать их всех исследователями и согласовать с ними проведение социального эксперимента. Если в группе сто человек, то теперь имеется сто исследователей и каждый проводит свой "собственный эксперимент". Теперь, когда имеются сотни экспериментов, требуется координация каждого отдельного эксперимента со всеми другими. Социометрия - это социология людей, осуществляемая самими людьми и для людей».

другим людям и связывает их не только выбором, ведь любой выбор – это и эмоционально-чувственный канал, по которому между людьми передается любое человеческое содержание: знания, энергия, ценности, верования – словом вся жизнь. То же передается и социометристу если его принимают. Социометрия – это не столько ответ почему люди поступают так а не иначе, выбирают тех, а не других, сколько возможность совместного действия Истинно мореновская социометрия – это погружение в полноту жизни всех людей и всех отношений, что на первый взгляд кажется бесконечно неисчерпаемым. Однако принцип качественной жизненной полноты требует с одной стороны проявления всех существенных связей между людьми и между событиями а с другой стороны – полноты истинной ситуации, но не фактической (в материально-формальном смысле этого слова), а концентрированной художественным способом, то есть художественной правды. Морено требует восстановления всего цикла данного социального или психологического явления от места его рождения (*locus nascendi*) до его социальной смерти. Этот принцип также означает отсутствие какой либо цензуры, кроме границ, установленных самой группой.

7. Подлинная социометрия – это не только констатация социометрической ситуации, но и первый шаг по ее изменению. Социометрия плавно и естественно переходит в социодраму и психодраму (рожденных из одного источника – методологии Морено). При этом все социальные структуры развиваются **социогенетически**, непрерывно, но социальные организации (как объекты) и общественные институты и формации меняются дискретно и на фоне этого социометрические методы позволяют увидеть рудиментарные структуры отношений предшествующей формации (организации) и эмбриональные структуры возможной будущей формации (организации) – все они действуют одновременно и могут сопротивляться как изменениям, так и консервации. Социодрама и психодрама также имеют диагностические функции момента, но также безотрывно от терапевтических целей, которые, впрочем, не может задать терапевт, а задает группа (что сразу же теряет форму цели в обычном смысле этого слова).

Таким образом, существующее сообщество само себя преобразует в так называемое **терапевтическое** с помощью социометрических методов, переходящих в социо- и психодраматические и синтезирует эти процедуры в единое целое, налаживает **социостаз** – равновесие между социальными атомами, связанными между собой. Если в результате появляется большее число взаимных выборов (даже если они отрицательные!), больше взаимно одинаковых (не обязательно близких!) и адекватных дистанций в связанных атомах, более реалистичное восприятие людьми друг друга, любое (пусть даже очень недружелюбное!) отношение – это означает сближение психогаммы социального атома и общей социогаммы – это и есть движение к социостазу. Ведет к этому равновесию – к терапии всех, кто связан друг с другом «здесь и теперь», уже не терапевт, а сами по себе люди и группы, которые стремятся к целостности. Словом групповая морено-терапия – «метод, предохраняющий и стимулирующий механизмы саморегуляции естественной группы за счет использования одного человека в качестве терапевтического агента для другого» (3).

Глубинной социометрической матрица является (становится) потому, что социальные внешние структуры постепенно расходятся все дальше друг от друга, социальные игры разнятся, их разнообразие увеличивается, меняются «правила игры», раздвигаются рамки социальной реальности и становится все труднее это объединять в одной жизни. Энергия новой интеграции идет из глубины, из синкретически неразделимого мира «первой вселенной», из которой все произошло. Одновременно извне все человечество стремится к общению и к действию (хотя оно и бывает связано, заторможено), разворачивающемся в общении. Именно через глубинную социометрическую матрицу общества связаны все, даже совершенно различные и несопоставимые между собой люди и группы. В поисках выхода мы идем на общение (даже если идем на конфликт – это тоже общение), ищем причины конфликтов и

социальных болезней на глубине, чувства там становятся сильнее (поэтому их и называют «более глубокие»), приоткрытые отношения становятся прямее, самые сильные – любовь и ненависть приводят нас к истокам⁵³ и к нашим противоположностям, к антиподам, антагонистам самых жизненно важных ситуаций. Любая ситуация с другой стороны, со стороны Другого и Других выглядит совершенно иначе и только **социометрическим** путем можно попасть на тот, другой полюс и **драматическим** способом на себе самом реально почувствовать то, что чувствует Другой (другие). Полюса создают универсум, целостность. К ней и стремятся наше «Я» (подобно платоновской легенде о «половинках») и наше «Мы» в поисках утраченной целостности.

Социометрия и социодрама.

«Без спонтанности и процесса разогрева всей группы по отношению к общей проблеме социометрические тесты бесполезны. Подобным же образом социометрическая процедура без наблюдения, интервью и последующих за этим методов на уровне реальности является искаленной, лишённой значения. **Социометристы, для того чтобы наиболее полно использовать свои инструменты, должны объединить социометрические тесты на уровне выбора и реальности с психо-, социо- и аксиодраматическими процедурами и всегда должны быть готовы внести изменения в пользу коллектива людей, в которых они применяются»** (стр. 278, подчеркнуто мною Р.З.).

Синтез социометрии и социодрамы на порядок поднимает уровень адекватности изучения и изменения групп любой численности и разнообразия (разнообразия социальных качеств) не только в силу “мягкости” этого метода (многим его формализация кажется слабой, дискретность - низкой, рациональность - недостаточной), но и в силу **отказа от точности**: каждый снимок-срез структуры рассматривается качественно и не претендует на полное отражение состояния группы и каждого ее члена. Социометрический снимок имеет бесконечно малую длительность и поэтому может поймать “мгновенную скорость” движения души каждого и групповой души («психодрама» дословно – «**душедействие**»). То есть социодрама точна, но бездвигна в момент *анализа* как производная, не знающая откуда шла и куда пойдет дальше замысловатая кривая жизни до и после той общей с исследовательской прямой точки, где она взята.

Точность здесь — не достоверность конкретности а процесс приближения к объёмной, драматической истине (как отличается правда от художественной правды талантливого произведения), поднимающейся из плоской социодрамы в вихре социодраматического синтеза, “где дышит интеграл”. Теперь мгновенные (с точки зрения скорости и логики сюжета в группе) срезы дифференциального подхода суммируются в интегральной картине общего действия (**общедействия**), которая должна стать промежуточной формой концентрированной жизни этих людей. Успех интегрирования зависит не только от правильного дифференцирования, то есть поиска важнейших социометрических критериев («вопросов») выбора “точек-производных”, но и от самых важных поворотов сюжета в дальнейшей социодраме, которую ведет также и сама группа. Поэтому главное искусство социодраматиста всегда одновременно и **идти за группой**, чутко чувствуя её пульс, энергию, проблемы, климат, и **вести группу за собой**, находя самые острые углы проблем данной группы и обнажая их перед ней, заставляя группу дифференцироваться по самым важным для неё самым критериям, которые становятся ключевыми событиями и единицами анализа, то есть вновь возвращаться к «аналитической» фазе на новом, более глубоком уровне понимания группы «in situ».

Если дословно перевести на русский язык слово «социодрама», то оно будет звучать как «Общедействие», это:

⁵³ Именно так главный герой психодрамы (протагонист) приходит к истокам важнейших проблем своей жизни, так «прочищаются» важные каналы, передающие чувства, нарушенные травмирующей ситуацией

1) **общедействие**, объединяющее (концентрирующее и драматизирующее) и изучающее общее социальное, то есть групповое действие

2) **действительное общение**, позволяющее людям понять друг друга и научиться глубокому пониманию (что очень важно для социологов и психологов), особому вчувствованию и видению ситуации. Это истинная Встреча.

3) **действенное общение**, позволяющее не только понять, но и менять социальную реальность, прошлое, будущее (расширять настоящее), отношения людей, их выборы или критерии выбора, разрешать конфликты, менять предпочтения в социальных архетипах или заставить задуматься о критериях выбора и тенденциях сюжета в новом видении — словом заниматься **социатрией**.

4) **действие общей души**, позволяющее исследовать жизнь социума в целом (групповое сознательное и групповое бессознательное⁵⁴), жизнь любых групп внутри данной: старых и новых, существенных и номинальных, нарождающихся и растворяющихся, сознаваемых и неосознанных общностей, параллельных социальных подпространств, дух её жизни в целом⁵⁵. Социодрама выявляет и исследует технологии общения — ритуалы, образцы поведения и мышления, интонации, знаки, используемые людьми в разных знакомых и незнакомых, значимых и незначимых ситуациях, выработанные в своих и чужих **ролях**.

Исследовательские и прикладные задачи.

Задачи, решаемые **социодрамой в современных условиях**, весьма разнообразны и выходят далеко за рамки организационной (социальной) терапии:

1. Обучение, развитие конкретных навыков; изучение иностранного языка
2. Творческое развитие личности, диагностика и развитие её талантов, тренинг креативности, гармонизация развития; тренинг искусства «упаковки» своего таланта
3. Тренинг спонтанности и других навыков общения (в том числе делового, в проблемных для человека или группы (организации) ситуациях)
4. Подготовка, “упаковка” конкретного человека для конкретной ситуации: поиск собственного “почерка” в деятельности (нового “культурного консерва” в поведении, саморегулировании, развитии), адекватного внутренней ситуации человека и внешней ситуации, к которой он готовится, например **трудоразвитие** как подготовка работника к ситуации подбора кадров, разработка адаптационной практики с помощью тренинга спонтанности и креативности, и вообще диалог работника и работодателя. Трудоразвитие – это взаимная адаптация людей (соискателей) и институтов (формальных структур, работодателя, системы социальных трудовых отношений).
5. Фокус-социодрама: например сценарно-драматическая обкатка-постановка важных для группы (организации) сюжетов и поиск путей выхода из сложных ситуаций, маркетинговое исследование и изучение интересов и потребностей клиента, электоральные исследования, прогнозирование комплексного развития всей ситуации в регионе или в организации, эффективности решений и инноваций
6. Развитие управляющей группы (команды), её гармонизация или прагматизация (прагматизация процессов общения), увязка всех структур общения и сообщения внутри и вовне группы в единое целое на основе разноуровневой социометрии и локометрии, реконструкция формальной структуры управленческой группы игровыми средствами (диагностика, проектирование и преобразование в единое целое в одной или нескольких социодрамах, экологическое управление групповой динамикой и прагматизация конфликтов

⁵⁴ См. гипотезу Морено о групповом бессознательном, а также Лейтц (6, глава «Теория ролей Я. Морено»)

⁵⁵ или социологию данной группы (см. выше).

7. Групповой подбор кадров (в сочетании с социомическим поиском), отбор и прогнозирование адаптации кандидатов, ситуативное нормирование качества отбора, введение новых членов управленческой группы в интенсивном режиме и др.
8. Социодрама диалога, например: оптимизация, гармонизация и прагматизация переговорных процессов и договорных отношений, например консультант-клиентских отношений или отношений «руководитель-подчиненный», «терапевт-пациент», семейных отношений, диалог конфликтующих сторон и его конструктивное развитие, разграничение и реструктуризация, реорганизация.

Возможны и другие применения социодрамы в сочетании с другими социатрическими и социометрическими приемами. В частности три основных приема: дублирование, обмен ролями и зеркало также являются основными и для социодрамы. В психодраме от проблемной социометрии (поиск и выбор общего и различного) переходят к *индивидуации* протагониста, то есть отказу от чужих ролей и повторения собственных законсервированных, к креативному поиску своего пути. В социодраме кроме того большое значение имеет *деиндивидуация*⁵⁶ каждого участника, открытие групповых черт, развитие группового бессознательного и всего того, к чему можно отнести на следующем этапе, этапе дистанцирования, простраивания границ, диалога из своих позиций, словом индивидуация протагониста или любого действующего группового субъекта. Индивидуация и деиндивидуация – два взаимосвязанных глобальных процесса, которые в драме провоцируют друг друга. Групповая роль высвечивает индивидуальные черты или помогает найти свою индивидуальность. Солист, выделившийся из «хора» (из групповой роли), на определенной стадии зрелости своей индивидуальной роли сильнее чувствует групповую роль и при этом не боится внешней деиндивидуации (по принуждению).

Социометрию Морено включил в более общую систему, изучающую все социальные отношения в целом – **социономию**. Социономия как наука теоретически концентрирует в себе тенденции и законы-тенденции, обнаруженные в практике социопсиходрамы и социометрии. В частности в результате социометрических исследований населения была обнаружена тенденция **неравномерности** выборов и изначального неравенства в распределении внимания в любой группе. Контраст между «звездами» и «изгоями» сохраняется даже при добавлении в группу людей, незнакомых ранее с представителями уже наметившихся «полюсов» и ничего не знающих об уже полученных результатах. Заметим, что речь идет только об одном критерии выбора, предъявленном одномоментно данной группе (и атмосфера, порожденная данным критериальным пространством, данной ситуацией «здесь и теперь», динамикой момента, передается и «новеньким»). То есть мы говорим о неравномерности, потенциально заложенной в каждом критерии, в каждой ситуации, неравномерности, лишь выявляющей с помощью социометрического теста более четко и явно то, заложено в любой группе и в любой ситуации как в принципе *неустрашимый* эффект, названный Морено **социодинамическим**.

Как бы люди не объясняли и не мотивировали в *вербальной* форме свой выбор или отвержение – объяснение сделанного выбора вторично – сам выбор первичен⁵⁷ и все выборы вместе взятые в конечном счете определяют существующее состояние общества. Потребность оправданий и объяснений своего выбора (часто вербализованных) как и потребность его осознания также вечна и порождается уже описанным выше несоответствием всех социальных структур глубинной структуре самого выборов и отвержений и, собственно, самой неповторимостью каждого индивида. Все социальные науки так или иначе констатируя и комментируя социодинамический эффект неравенства, ищут миллионы способов его ослабления или усиления, как правило вытекающие из его

⁵⁶ Часто встречается групповое или индивидуальное сопротивление деиндивидуации

⁵⁷ каков критерий – такова и ситуация

объяснения какими-то фундаментальными причинами. Неравенство как идея (даже в социально-философских текстах) обычно связывается (и иллюстрируется, акцентируется) с какими либо конкретными сферами и критериями: например с экономической или политической сферой, с критерием (несоциометрическим) социального статуса или имманентных индивиду черт и качеств. Социометрия не ставит целью всеобщее равенство, связывая его со свободой и ставя в дилемму со сплоченностью (см стр. 26). Она предостерегает от половинчатых мер, направленных на уравнивание шансов и статусов – такие утопии могут осуществляться (как пишет Н. Бердяев в книге «Философия неравенства»), но в итоге лишь усиливают его поскольку не могут устранить первопричины. Эти утопии (например коммунизм, социализм, прогрессизм) заигрывают с глубинными силами и, так сказать, заветными чаяниями, будят колоссальную энергию, организуя нечто вроде «короткого замыкания» между глубинной структурой самих выборов и всяческими внешними социальными структурами или идейными структурами, связывающими людей различными объяснениями и оправданиями эффекта неравенства. Гигантские усилия затрачиваются политиками, экономистами, менеджерами, консультантами для поиска компромисса между промежуточными (обычно сложившимися) структурами общества, часто превращающимися в радикальные и травмирующие людей и общество уже в силу неизбежного насилия над⁵⁸ глубинной структурой их **спонтанных** выборов. В системе, где пастулируется демократизм «выборов», но не выявляется истинный выбор, поиск и защита всяческих «меньшинств» стали бизнесом, приносящим кроме прочего столь высоко ценимое ощущение стабильности (ибо каждому внушается, что большинство гарантирует ему что-то, окажись он в меньшинстве). И выявляются все новые и новые меньшинства, новые «пролетариаты» в самых разных ситуациях и срезам общества, их изучают, с ними солидаризируются, братаются... а равенства все не наступает. Да,

«Равенство, брат, исключает братство.

В этом следует разобраться»⁵⁹.

Все виды «пролетариата» во всех сферах и ситуациях порождаются существованием **«социоэмоционального пролетариата»**, как пишет Морено. И если не понять природу его происхождения на практике, можно только усугубить все виды уже чисто социального неравенства. Морено видит выход как минимум в двух основных путях: в социодинамической терапии групп *внутри* жизненно важных для них ситуаций (приводящих поэтому к сильной поляризации ее членов) и в социопсиходрамотерапии, направленной на поиск нового критерия и изменение ситуации самим страдающим индивидом (или группой) на ту, в которой «пролетариат», условно выражаясь, меняется ролями с «элитой», то есть поиск *вовне* гнетущей ситуации. Но обмен ролями – не есть революция («кто был ничем, тот станет всем»), поскольку обмен ролями в драматической концентрированной реальности открывает участнику обмена сразу две реальности: свою и другого, своей социометрической противоположности, позволяя оттуда посмотреть на свою роль (например роль «изгоя») со стороны совершенно иными глазами. И следующий шаг, как правило, делается уже в новой реальности, реальности диалога.

Социономия отличается от социальной антропологии прежде всего тем, что не создаёт единой классификации а исследует уже работающие и развивающиеся. Питаясь от социодрамы новым материалом, она “вычисляет” возможности общения, не вступая в него. В историческом аспекте социономия работает с социальной информацией, а именно с информацией о представителях человечества, отраженной в психосоциальных сетях, то есть с цивилизацией, а не с культурой. Задачи социономии:

1. Исследование социальных структур в их неравномерности и преемственности ситуативного и исторического перехода из одной в другую

⁵⁸ здесь так и просится «над правами человека», но в том-то и дело, что либерализм может обеспечить «права», лишь разграничивая и разъединяя людей, не предлагая им нового способа общения

⁵⁹ Бродский И. Речь о пролитом молоке. // Бродский И. Рождественские стихи. Изд. "Независимая" газ. 1998

2. Исследование социальных архетипов, т.е. представлений и значимых имен групп и социальных качеств людей из социальных процессов

3. Исследование социальных качеств (признаков) людей, через фиксацию **соционимов**, как имен, рожденных в социодраме, а также анализа документов, контент-анализа, семантического дифференциала и других методов.

4. Исследование социальных атомов (см. перцептивный социометрический тест(5) и стр.99-111). Внедраматическое исследование круга общения отдельного человека (группы), набора дистанций в его отношениях, именами групп и персонажей в его социальных архетипах, словом всей внедраматической цивилизации (её можно было бы назвать *соционимикой*), в которой живёт человек. В том числе подготовка к социометрии и социодраме.

5. Поиск и “вычисление” людей для реального общения. Социальная информатика и информационный поиск — **социономический поиск**. Например, поиск кандидатов на какие-либо позиции в организациях: подготовленная по результатам социометрии социодрама управленческой команды выявляет социальные качества искомым кандидатов, роли, которые им предстоит играть, технологии общения, драматическую свёртку групповых проблем и главное — суть центральной ситуации в данной организации в настоящий момент⁶⁰. В результате драмы группа видит свою соционимику (или «социомимику»), то есть четко представляет как донести то, что нужно донести, до тех, кто в данной игре сейчас не участвовал, но обязательно должен испытать на себе её результаты, в данном случае — не для рекламы, а для “вычисления”: где, как и с кем, на какие темы общается искомый кандидат, представить его в полном смысле реально. Живого кандидата легко сравнить с живым образом кандидата в драматическом действии (а не с теоретической моделью), где выясняется как будут соотноситься в жизни группы эти две разных жизни, иначе говоря вписывается ли такой кандидат в реальность группы и наоборот. Необходимо учесть, что ни соционимия невозможна без социодрамы, ни соционимики группы не бывает без ее социологии, выраженной в концентрированном виде (например ситуативные имена, слова, образы, которые могут быть социометрическими критериями) в удачной социодраме.

6. Культурная консервация результатов социодраматического (качественного) исследования какого либо социального явления (например выявление участников (персонажей) социальной проблемной ситуации и прогнозирование их поведения или драматически организованная фокус-группа (фокус-социодрама) и консервация её результатов).

Социатрия как социальная терапия появилась позже социометрии и имеет несколько специализаций, не нарушающих тем не менее единства методологии и методов Морено: групповая, организационная, социатрия общения, культуролого-мифологическая и другие.

Некоторые из задач групповой терапии:

1. Исследование конкретных общностей, существующих в сознании людей и терапия мифологии и культуры этих общностей, исследование макроархетипов массового сознания

2. Исследование процессов создания, нарушения и разрушения технологий общения, «культурных консервов»

3. Диагностика социальных проблем “как произрастание интеракций из почвы общества” (5) и проблем социальной организации и самоорганизации

4. Диагностика и терапия организаций, в том числе и в рамках консультирования.

Группа.

⁶⁰ В психодраме аналогичное понятие — “базовая сцена”

Статьи, включенные в сборник «Социометрия», несмотря на многогранность и полноту, все же не дают целостного представления о социометрии как практическом методе прежде всего потому, что им нельзя овладеть по книге и, во-вторых потому, что социометрия невозможна в полном мореновском смысле без группового действия, групповой терапии, групповой драмы. Подлинно социометрическая картина раскрывается в движении, но и в том случае, когда диагностические аспекты отходят на второй план, чрезвычайно важно видеть как работает в конкретной ситуации ТРИЕДИНАЯ СИСТЕМА МОРЕНО: социометрия, социопсиходрама и групповая моренотерапия.

Однако правильнее было бы начать с того, что триединая система представляет собой в идейно-теоретическом плане. Дело в том, что Морено считает каждого человека по своей духовной сущности произошедшим от космической спонтанности, не имеющей никаких границ и «обрекающих» человека каждую минуту его существования на бесконечный поиск своего продолжения, отражения своей сущности, своего космического предназначения. И самое интересное, что это не остается красивыми словами: находя с помощью социометрии связи с людьми, несущими общие темы, сходные состояния и предназначения, каждый человек познает свою Индивидуальность именно в групповом действии, в драме его темы, в бесконечном поиске именно ЕГО образа действия, ЕГО сюжета и его завершения. Не имея продолжения, человек чувствует угнетенность, не зная своего предназначения, человек мучается от чувства незаконченного действия, не зная и не умея распознавать социометрических «попутчиков» человек не знает своего пути, не зная Другого, он не знает Себя, свое «Я».

Спонтанность и игра, присущие вообще живой природе и человеческому зародышу еще до его рождения, этот смешанный поток энергии всегда – **группа сил**, играющих человеком, который, борясь с ними, человеком и становится. Точнее выражаясь, человеком становится сначала какая-то часть сил (обычно это выражается в конкретной культуре и эпохе в каком-то своем явном или подразумеваемом понимании слова «человек»), имеющих какую-то общность. Часто эта борьба с самим собой обрастает особой мифологией и культурой (например борьба добра и зла), становятся частью религии, искусства и философии, но, как правило, кто-то в каждой эпохе верит в универсум и в возможность той силы, которая сможет все это объединить. Но каждый из нас (в том числе и независимо ни от какой философии или религии) делает это в каждой ситуации самостоятельно, то есть создает СВОЮ интеграцию сил, какой-то паллиатив, может быть конфликт или компромисс, и входя в новую ситуацию, познавая что-то новое, вновь хорошо или плохо, но ведомый какой-то космической силой, делает это вновь и вновь, *переживает* новое, тем самым концентрируя свою жизнь до некоего СВОЕГО смысла (независимо от того осознается он или нет). Искусство жить и общаться с другими – это и есть искусство такой концентрации (иначе невозможно интегрироваться), которая возможна через игру всех сил. Ибо игра – это концентрированная жизнь.

После того, как мировые религии, эпоха Возрождения и эпоха Просвещения утвердили новое понимание человека, часть его внутренних сил получила название «сознание». Синтезируя многие культуры и эпохи, Зигмунд Фрейд объединил внутренние силы в три подгруппы (для Фрейда это – целостные персонажи): «Супер-Эго», «Эго» и «Ид», объединенные в свою очередь новым пониманием человека и расположенные в определенной иерархии. Такое представление дает возможность многим современным психологам улаживать многие внутренние конфликты и искать новую интеграцию (во многом технологизированную, то есть «научную»⁶¹), а не уникальную индивидуальную), или создавать новые (часто продуктивные) схемы общения внутренних сил. Солидаризируясь на какое-то время с одной из подгрупп, психолог проясняет и укрепляет их позиции и способствует обмену между ними каким-то содержанием. Одним из таких обменов можно назвать осознание. Появляются практики, в которых внутренние силы

⁶¹ Примером может служить прекрасная книга Э.Берна «Игры, в которые играют люди...»

уже связаны со внешними, влияют на межличностные и межгрупповые отношения. Подобные подходы встречаются и в социологии.

Морено открыл существование многих сил и многих подгрупп, непрерывно обменивающихся энергией, образами, чувствами – эти персонажи в каком-то смысле живут внутри каждого, знаком он с ними или нет – их общение и определяет жизнь человека. Морено упразднил их изначальную иерархию и вообще какое либо априорное знание об отношениях внутренних сил до опыта проникновения во внутренний мир конкретного человека. Именно Морено научил нас по-настоящему общаться с самим собой, видеть в любой силе или даже значимом предмете персонаж, роль, которая может развиваться в процессе коллизии, идентифицироваться на какое-то время с одним из них и тем самым лучше понять: кто же это говорит во мне (например «Мама» или «Гордость») и таким образом вновь вернуться в свое «Я» обогащенным новым опытом и через такую игру создать СВОЮ новую интеграцию. Морено создал такую спонтанную и креативную игру всех сил, где заранее ничего не известно ни про них, ни про их отношения, а только то, что делается здесь и сейчас. В такой игре душа каждого расширяется и действует, поэтому Морено назвал ее «душе-действие» или по-гречески «психодрама». Если нечто аналогичное происходит социальным порядком (например, с его «культурным консервом» - иерархизированными институтами общества) то новая интеграция может быть найдена (как вариант) в социодраме.

Групповые силы, которые играют в психодраме, имеют и более широкий, универсальный смысл нежели символизация внутреннего мира человека, это – модель всего мира вместе с космосом и всем чем угодно. Это художественная концентрация любой ситуации до состояния, в котором начинает прорисовываться некая целостность: целостность истории (сюжета) или целостность личности или какого либо сообщества (общества). Но игру внутренних сил и без психодрамы чувствует в себе каждый (пусть и неосознанно), а вот игру внешних сил нужно еще собрать так, чтобы видна была целостность. Это оказалось сложнее и, наверное, поэтому психодрама сейчас более развита в мире, чем социодрама. За последние два тысячелетия в европейской цивилизации интенсивно развивалось понятие человека, что по сути привело к созданию таких «неестественных» наук как гуманитарные⁶², которые теперь оказались в промежуточном положении: для полноты и действенности своей методологии⁶³ они должны либо должны вернуться к атомарному «Я», оторванному от других, либо практически выйти на новый уровень целостности – Человечество. Но «Человечество пожирает эпидемия «Я»...Каждый мнит себя самодержцем... «Я» (Ich) превращается в Ich-тиозавра...А игра частных сил занимает место элементов. Идол «Я» управляет эпохой. Поскольку эта эпидемия распространяется со скоростью, какую не знал ни один другой порок, грядет всеобщая война, война всех против всех, война какой прежде еще не знали, и как следствие - все виды разврата наводненной «Я» природы...Где же спасение? Единственным средством против эпидемии снова является «Я». Нельзя укрыться за пределами «Я» только внутри. И тот, кто хочет выбраться из этого лабиринта, должен пройти его до конца. «Я», осмысленное до конца, выводит из этого лабиринта наружу, к центру»(22, перевод А.Боковикова).

Из двух основных целостностей социального мира: человека и группы (всего человечества), первая стала ведущей и главной. Возможно поэтому исторически психология возникла раньше и развилась быстрее, чем социология. Интеграцию человека легче и нагляднее исследовать (что, правда, не делалось до Морено средствами групповой игры), проще увидеть. Меньше простор для спекуляций. Да и социологи поддержали эту условность, основываясь на том же самом понятии человека как индивида. «С точки зрения поверхностного опыта социологи молчаливо приняли шкалу, начинающуюся с индивидуума и заканчивающуюся всей вселенной. Мы, социометристы, оспаривали эту

⁶² О различии естественных и гуманитарных наук – см. ниже

⁶³ В том смысле, который вкладывают в эту методологию Морено, Риккерт, Бубер

точку зрения» (стр.106). Сыграло роль, вероятно, не только культурно-историческое развитие последних двух тысячелетий, но и близость двух структур: отдельность каждого человека и отдельность каждого физического тела. Казалось, что индивидуум – и есть наименьшая социальная единица. Но Морено пишет в 1947 году: «Не индивидуум, а социальный атом является наименьшей социальной единицей¹. ¹(Сноска): С филогенетической точки зрения индивид, по-видимому, более позднего развития чем агрегат индивидов» (стр. 107).

Итак, Морено считает, что индивид – это конкретно-исторический, то есть преходящий (хотя и чрезвычайно важный в конкретном времени и месте – в частности в нашу эпоху и на Западе) уровень и способ интеграции социальной реальности, имеющий большую устойчивость и консерватизм, это **вид группы**, сила иерархии которой, как правило, больше, чем у иерархии социальной (хотя их связь очевидна и, вероятно, вторая породила первую). На этом и построена групповая моренотерапия, которая призвана не только лечить «отдельного индивида, оказавшегося из-за трудностей адаптации и интеграции в центре внимания, но и всей группы и всех индивидов, которые с ним связаны»⁶⁴.

Опыт более чем полувековой работы групповых моренотерапевтов и психодраматистов показывает, что гипотеза, о существовании групп строго коллективных и групп строго частных, не подтверждается. «В самом деле, гипотеза о том, что существует расхождение между частным и общественным внутри каждого индивидуума и в каждой группе, явилась причиной почему я создал два различных инструмента – психодраму и социодраму» (стр. 176). Понятие группы по-прежнему не имеет четкого определения и в то же время многие, широко используя его, подразумевают разное, зачастую банальное и малосодержательное. Проблема оказывается более сложной, чем кажется на первый взгляд: «Термин "группа" обычно применяется только для полной картины взаимодействия всех факторов, действующих на психосоциальном уровне, подобно термину "организм", который применяется для общей картины всех факторов, действующих на биологическом уровне. Следовательно, деление населения на две категории - социо- и психогруппу - прибавляет новую ненужную гипотезу. Это наводит на мысль, что имеются две фундаментально отличные категории групп, в то время как мы до сих пор были согласны, что группы всех видов постоянно и бесконечно формируются вокруг специфических критериев и заполнены некоторыми психическими и социальными структурами. В качестве полезной абстракции мы можем проводить различие между психо- и социоструктурами внутри группы *in situ* на уровне реальности, так же как мы проводили различие между психодрамой и социодрамой на инструментальном уровне. Так же как мы не можем утверждать, что у нас имеется психо- и социодрама *per se*⁶⁵, мы также не можем утверждать, что существует психо- и социогруппа *per se*.» (стр. 177).

Морено дает общую базу, общую методологию для работы со всеми социальными целостностями (от монодрамы отдельного индивида до терапии макросообщества и всего человечества). Эти методы применимы ко всем уровням социальной целостности, различающимися по принятым сейчас в мире двум основным шкалам: социальной и психологической. А ведь это – две различные точки отсчета одного целого: на Западе - индивид или человек, личность, на Востоке – страна, социум, народ, семья. В обоих случаях, какой бы уровень из этих двух основных уровней социальной целостности не считался бы главным, они тесно связаны между собой и в методологии групповой терапии могут быть названы группами (см. выше), различающимися лишь как целое и часть. «Здесь бросается вызов идее о двух независимых мирах – частном и социальном: не

⁶⁴ Moreno J.L. Who Shall Survive? Foundations of Sociometry. Group Psychotherapy and Sociodrama/Beacon (NY) Beacon House 1953

⁶⁵ *per se* – как таковая (лат.)

существует психики, которая является частным продуктом, царствующим в гордом одиночестве, и не существует социума, являющегося продуктом исключительно социальных сил...»(стр. 178).

Итак психодрама и социодрама – суть одно и то же и разницу между ними можно усматривать лишь ситуативно и инструментально. Поэтому возвращаясь к триединой системе Я.Л.Морено, мы можем провести границу между «социальным» и «психологическим» уровнями лишь относительно (см. таблицу)

Социодрама	Групповая моренотерапия (в том числе организационная арттерапия)	Социометрия группы
-----	-----	-----
Психодрама	Групповая психотерапия	Перцептивная социометрия социального атома
В интегрированной терминологии		
Социопсиходрама (или психосоциодрама)	Групповая моренотерапия ⁶⁶	Социометрия

Принципы групповой терапии едины и для социометрии, и для социопсиходрамы с кем бы они не работали: с одним человеком, с группой людей или с обществом, в любом случае групповая моренотерапия работает в социальной (групповой, что в общем одно и тоже⁶⁷) реальности одного субъекта (и с его внутренними субъектами). Кроме того единичность и уникальность субъекта и, следовательно, его групповой реальности является принципом групповой терапии, развивающей также уникальное и неповторимое действие, утоляющее акциональный голод именно здесь и именно сейчас. Гуманистическая психология далеко опередила гуманистическую социологию в осмыслении этого феномена. Невольно вспоминаются слова Лурии о том, что когда-нибудь психология сможет строить свои теории, основываясь на исследовании всего одного человека. В ту эпоху, когда психология и социология еще не могут интегрироваться в одно целое, они еще не могут изучать индивидуальность субъекта (практически неисчерпаемую) на всей глубине и во всей многосторонности, но вполне эвристичным для социологии группы было бы понятие «социология данной группы» в том же смысле как «психология индивида» употребляется в смысле «душевная жизнь» данного индивида. Групповая моренотерапия, таким образом, - это всегда многосторонняя индивидуация любого группового субъекта.

Социометрия и социальная организация.

В отечественной науке и практике явно недостаточно моделей и методов, синтезирующих теорию и практику групповой работы, именно как работы, а не как групповой динамики, имеющей ценность дополнительного диагностического средства. Нет полноценной теории групповой реальности, нет теории организации именно как служебной группы, организующейся «для» и «на», как группы (не «целевой»), рождающейся как самостоятельный организм. Нет картины рождения групповой организации. А ведь многие разделы социологии (если не все) должны быть именно

⁶⁶ О переводе понятий, означающих части триединой системы Морено – см. предисловие

⁶⁷ О понятии «групповая реальность» см. 14

социологией группы, теорией групповой организации любого масштаба, универсальной теорией общения.

Весьма распространенным заблуждением является различие **макро-** и **микроуровней** социальной реальности по масштабу в физическом, а не в социальном пространстве. Макрогруппами называют многочисленные и крупные национальные, региональные, профессиональные или какие-либо институциональные группы. Считается, что личное знакомство а тем более общение членов таких групп затруднено и поэтому они, дескать, не могут создать психосоциальных сетей, выявляемых с помощью социометрии (социологи говорят: «малая группа – это не более 10-20 человек»). Если речь идет о пространственно (опять же физически) не протяженных фрагментах социальной структуры, все члены которой могут лично познакомиться друг с другом, то она считается микрогруппой (или малой группой). Этот предрассудок, заимствованный социологией из естественнонаучных классификаций, хоть и использует мореновскую терминологию (часто сам того не зная) тесно связан с также широко распространенным разделением социальных структур на **формальные** и **неформальные**. Принято думать, что неформальные группы могут быть только малыми по указанным выше причинам а также в силу своей неустойчивости. Это работает также как априорная основа социологий социальных институтов (Парсонс, Мертон, Сорокин, и др.), где формальные группы играют огромную роль в формировании того порядка, который называется современным обществом. Источником столь важной для нас всех устойчивости считаются формальные группы, формирующие технологии общения всех со всеми на любом (и особенно глобальном) уровне, которым так гордится современное общество. Получается: чем дальше люди друг от друга в физическом, информационном, политическом пространстве, тем больше они связаны через формальный (усредненный, чувственно выхолощенный) порядок, язык, тем больше они зависят от идеологий, институтов, что дает социализированным группам преимущество в формировании свойств социального пространства (социализации). Люди и группы, страдая от растущего расхождения (внутреннего отчуждения) различных своих ролей в формальных и социализированных структурах, страдая от расхождения (запараллеливания, внешнего отчуждения) реальностей людей и групп, все больше зависят от прошенных и непрошенных посредников⁶⁸. Институты и группы формируют особый, уже чисто макросоциальный «этаж», присутствие на котором стало признаком социальной нормы. А если люди встречаются все-таки на многих «этажах» сразу, так сказать непосредственно, это – «частная интеракция», слишком непредставительная и неустойчивая, чтобы по ней можно было судить об обществе и о людях⁶⁹. Усредненность, деиндивидуация подаются социологами как неизбежность, регулирование отношений требует расширения влияния нормативных институтов, обслуживаемых соответствующими социологическими представлениями.

Вместе с тем с появлением и совершенствованием многих социологических методов (в том числе методов включенного наблюдения) развился интерес к неформальным группам, случайным и непосредственным интеракциям, что рассматривается теперь как революция в социологии, в том числе в социологии организации, которая завершила классический этап своего развития (Тейлор, Файоль, Вебер) с появлением школы человеческих отношений (Мейо, Ретлисбергер, Диксон). Легко сложилось представление, что случайные и интимные наблюдения позволяют фиксировать именно неформальные группы без всякой социометрии и специального погружения в жизнь группы. Между тем техника достигла совершенства и помимо

⁶⁸ Весьма интересным обещает быть социометрический анализ отношений в Интернете, который одновременно и связывает, и разъединяет людей и группы, может обогатить, а может выхолостить отношения в чисто информационные независимо от потребностей визави

⁶⁹ именно такую непосредственную встречу Морено назвал Встречей то есть подлинным общением (в том числе и с самим собою), Встречей с Другим и с миром

социометрических методов уже само приближение к объекту исследования (особенно в новых, качественных методах) дает исследователю массу личных впечатлений, которые уже невозможно полностью формализовать и, следовательно объективировать для других ученых. Но самое важное следствие такой «революции» состоит в том, что она все-таки вскрывает мощные энергетические резервы и силы, которые кроются во всяком коллективе, и оставляет их «на полдороге» к социальным изменениям, адекватным социоэмоциональным тенденциям данных людей, и, таким образом, не предупреждает социальные конфликты, а наоборот поощряет их и приводит к неконтролируемой социальной революции. Так научная революция позволяет подспудным силам творить революцию социальную, не неся за это никакой ответственности⁷⁰.

Неформальные группы и структуры, несомненно, высоко оценены современными социологами, психологами, тренерами и консультантами, однако при широчайшем использовании этого термина и присутствии во многих методиках, они не имеют четкого определения и способа выявления в конкретной ситуации или организации. Часто используется псевдосоциометрический метод без должной разминки (как называет это Морено) или разогрева-погружения и уточнения (in situ) социометрического критерия (вместо какой-то стандартной «дружбы»). Но самое важное, что отличает выявление истинно социометрической структуры, действительно серьезно влияющей на внешнее общество, это позиция исследователя или консультанта, а отсюда и позиция каждого, кто участвует в эксперименте и преобразованиях.

Морено глубоко чужда позиция «учёного-разведчика», проводящего эксперимент над группой, когда он ещё не **становится их общим делом**, когда смысл процедур закрыт для людей, когда «пользуются псевдосоциометрическим ключом и псевдосоциометрическим языком без применения социометрических инструментов, а также без *продумывания* данных и без *воплощения* их для удовлетворения рабочих. Это животная техника «лабиринта», применённая к человеческой ситуации. С рабочими обращаются как с морскими свинками, а не как с независимыми, взрослыми людьми» (стр. 175 и 182). Эти слова сказаны о знаменитом Хоторнском эксперименте, давшем начало многим методам и ставшем классическим для современных социологов.

	Хоторнский эксперимент (Мейо, Ретлисбергер, Диксон)	Хадсонский эксперимент (Морено)
Объект	Электротехническое предприятие «Вестерн Электрик», цех по сборке реле	Закрытое воспитательное учреждение для девушек город Хадсон (близ Нью-Йорка)
Повод	Поэкспериментировать в рамках парадигм бихевиоризма и тейлоризма	Показать возможности психодрамы и социометрии в рамках обширного сообщества
Год	1927-1931	1931-1932
Цели	Найти резервы повышения производительности труда, Новые методы организации производства	Добиться улучшения социально-психологического климата, отношений между воспитанницами и персоналом, между воспитательным процессом и внутригрупповыми отношениями в каждом домике
	Поиск зависимого фактора методом корреляции в рамках контрольной группы	Групповые тесты (социометрический, анархический, автократический), интервью,

⁷⁰ Не такая ли революция в социальной науке в какой-то степени помогла революции в России? Ведь почти во всех течениях присутствовал народнический интерес к малой группе и в то же время прогрессизм

Средства	Интервью, наблюдение, хронометраж, фотография рабочего дня, корреляционный анализ	перцептивный социометрический тест социального атома, психодрама, социодрама преобразование (реструктуризация) существующего сообщества
Круг затрагиваемых социальных сфер	Коллектив рабочих, администраторы, их отношения, социально-коммунальные подсистемы предприятия, трудовые и административные отношения	Трудовая, личная, духовная, учебная, социальная, культурная, семейная, ментально-психологическая жизнь воспитанниц. Отношения с руководством колонии
Последствия на объекте	Резкий подъем производительности, улучшение отношений с администрацией, улучшение условий труда, «хоторнский эффект ⁷¹ » (не планируемый), другие последствия	излечение личных душевных травм и депрессий, улучшение позиций «отверженных» и изменение внимания «звезд», социальное обучение, улучшение климата в домиках и в колонии в целом
Проверка эффективности	С помощью показателей работы цеха, интервью с рабочими и руководителями	С помощью социограмм, психограмм социального атома, интервью с воспитанницами, воспитателями и руководством колонии
Исторические последствия	Была создана школа человеческих отношений в социологии организаций, продемонстрированы возможности взаимодействия с непроизводственными социально-психологическими факторами, возможности малых групп и их влияние на макроструктуры и процессы	Продемонстрированы полные возможности групповой терапии на макро- и на микроуровнях, началось развитие новых направлений: групповой психотерапии и психодрамы в психологии, социометрии и социодрамы - в социологии, философии креативности – в философии (культуре)

В контексте современности можно было бы добавить: разница между экспериментами еще и в том, что в Хоторне было производственное предприятие и заказчиком были менеджеры «Western Elektrik» а в Хадсоне – воспитательное учреждение, лишенное линейной управляющей структуры, и не имеющее количественных показателей эффективности, а какое в таком случае Хадсонский эксперимент имеет отношение к управлению и организации? Но почему какой-либо тип отношений (будь то отношения руководства и подчинения, собственности, обмена, обслуживания, отношения обучающихся и обучаемых, контролирующих и контролируемых, исследующих и исследуемых и т.д.) может быть рассмотрен вообще отдельно от других если эти отношения во всех случаях связывают субъектов одной природы, а именно людей и группы? Если понятие человека имеет хоть какой-то смысл, то оно интегрирует в себе многие роли, которые ему приходится играть в разных сферах. Они сильно могут отличаться друг от друга, но имеют один источник. А коль скоро существует интегрированный человек (или групповой субъект), то не может быть отношений абсолютно отделенных от всех остальных, например деловых и производственных, отделенных от «человеческих». Потребность не смешивать в

⁷¹ «хоторнский эффект» - эффект повышения производительности просто вследствие повышения вообще какого-то ни было внимания к персоналу

управленческой практике «службу» и «дружбу» – огромная, но социология пока не создала методов их безоговорочного разделения, поэтому для опытного управляющего до сих пор достижения социологии организаций относительно а «открытие» существования «человеческих отношений» на предприятии не производит переворота в управленческой практике.

Социометрия и социодрама не только позволяет провести границы между ситуациями и сферами, но и позволяет налаживать взаимно приемлемую дистанцию между людьми и группами, что в организации реализуется как разграничение компетенции, сфер влияния, границ между подразделениями и работниками. Руководителю, включенному в социометрическое исследование незачем использовать новейшие западные технологии «заигрывания» с коллективом и интересами работников, проводить специальные мероприятия по мотивации, разрешению конфликтов, профилактике моббинга⁷², повышению сплоченности и приглашать диагностов-психологов или социологов. Для максимальной эффективности руководитель должен стать с каждым работником на позиции личностного равенства и реалистичности отношений. Хорошая социограмма, проведенная по актуальным критериям действия (а не по диагностическим критериям, см. **стр. 186-188**), выявляет все вышеперечисленные явления и все существенные для участников группы явления в единой картине. Сама по себе эта картина уже достаточно сильно воздействует на коллектив, но в ситуации производственного процесса более эффективно не останавливаться для анализа, а проводить **социодраму** как движущуюся социометрическую картину действия всех сил и всех ролей, после чего играть диалог групповых сил, искать компромиссы между людьми и группировками, находить фокус самых важных сюжетов в жизни группы и если надо проигрывать их до логического конца (для прогноза и прояснения последствий). В этом случае руководителю и социодраматисту нечего скрывать от группы как и друг от друга, не нужно готовить планы внедрения нововведений, а делать это вместе с группой и лидерами, которых выявляет социометрия и укрепляет опять же социодрама.

Заинтересованность неклассических школ социологии организации (да и многих других отраслей социологии) неформальными группами и структурами несколько не сказывается на их «макросоциологической» логике рассуждения и действия. Управленческие и инновационные теории рассматривают группу как **объект диагностики** и **объект интервенции**. Практикующие организационные консультанты и используемые ими целые пласты теорий неоклассического периода так или иначе восходят к классическому трехэтапному образцу рационального целеустремленного действия (схема 1):

Рациональный контур организации группового действия
(рациональный или кибернетический подход в консультировании)

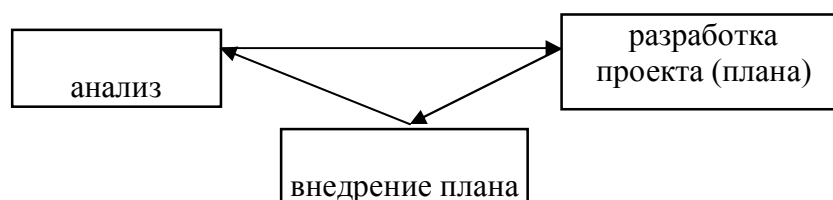

Схема 1

Многие относительно новые подходы в практическом консультировании и терапии социальной организации лишь модифицируют эту схему, по-прежнему разделяя диагностический этап и терапевтический. Все еще большую роль играет опредмеченный образ желаемого, облеченный в рациональную форму – форму **цели** (планирование и управление по целям, «дерево целей» и др.). Однако далеко не все можно выразить с

⁷² Моббинг – притеснение какого либо работника (группы работников) по мотивам, не связанным с основной деятельностью предприятия и организации (см. например 16)

помощью цели. В понятии «проблема» (не имеющем четкого определения) соединяются все интенции группы и человека, желаемое и действительное, поэтому многие дают методы поиска связей между проблемами (типа «дерева проблем»), но при этом (если проводится социометрия) в этом подходе еще нельзя соотнести связь проблем со связью людей, достаточно достоверно выявить какой сюжет сейчас является самым главным для группы и, тем самым прочертить границы группы и самого важного «здесь и теперь». Энергетика группы по-прежнему остается неуправляемой, спонтанность – как правило неконструктивной, а изменения – не креативными. Инновационная игра остается недостаточно реальной. Сохраняется сопротивление изменениям. (схема 2).

Инновационный контур организации группового действия
(инновационный и проблемный подходы в консультировании)

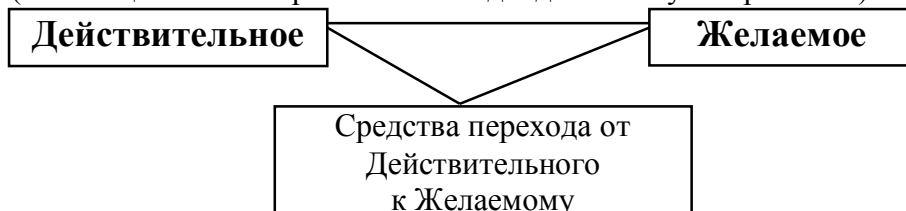

Схема 2

В драматическом подходе с самого начала работы с социальной организацией диагностика и терапия неразделимы, все постепенно концентрируется вокруг главного общего действия (драмы или игры в широком смысле). Сама игра (в отличие от инновационного подхода) становится еще более концентрированной, вырастая из жизни группы, все влияют на драму и все видят структуру группы и поэтому вовлечены в игру, которая во многом переходит теперь на саморегуляцию. Социометрист, погружаясь в жизнь группы, определяет на какой фазе организации группового действия находится группа (см. схему 3), как структурируется действие, где его границы и границы ситуации, как соотносится расстановка людей и расстановка идей, ими развиваемых или консервируемых. Цикл такого действия идеально соответствует жизненному циклу организации поскольку им же и ведется. По мере **соорганизации** частей объекта между собой и соорганизации руководителя с объектом а также руководителя с консультантом определяется нормативное пространство (пространство их групповой реальности) изменений, критерии эффективности этих изменений и понятия эффективности **функционирования** («что такое “хорошо” и что такое “плохо”»). Теперь (при определении двух других фаз социальной организации) любая **реорганизация** становится контролируемой и может быть оценена в договорном нормативном пространстве субъектов преобразований (коль скоро у них уже есть общая (групповая) реальность). Драматический подход в терапии социальной организации ставит организацию и ее руководителя на равные позиции с консультантом или тренером, диагностом-терапевтом или исследователем. Консультант-клиентские отношения становятся более (и взаимно) ответственными⁷³.

Драматический контур организации действия
(драматический подход в консультировании)

⁷³ Подробнее см. «Миф о клиенте» (17)

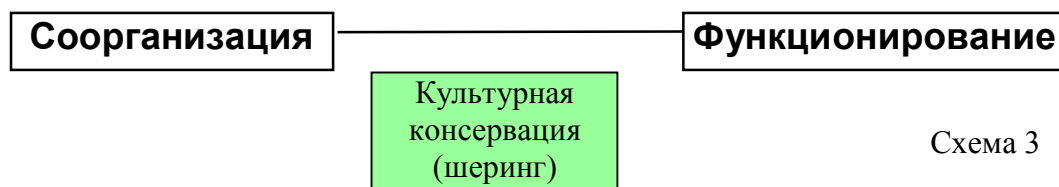

Схема 3

Фазы драматического цикла группового действия имеют некоторое соответствие с фазами цикла всей групповой терапии в широком смысле (социометрический тест, социопсиходрама, перегруппировка), которые здесь можно соотнести с фазами социальной организации:

Функционирование	Реорганизация	Соорганизация
Социопсиходрама	Групповая моренотерапия	Социометрия

Социопсиходрама социальной организации, примиряя противоречивые аспекты любой организации: функционирование (выживание) и развитие, планирование и реализация (внедрение), рост внутреннего разнообразия и соорганизация, разгерметизация «культурных консервов» (норм) и консервация культурного содержания и порядка, открывает креативные возможности любой группы и любой организации, которая сама себя играет в драме и ищет пути своего развития, функционирования и разграничения (внешнего и внутреннего).

Социодраматический подход в теории и практике (терапии) социальной организации смотрит на организацию как на диалог (успешный в той или иной степени) ведущих субъектов, образующих групповые субъекты, которые могут быть объединены по какому-то принципу⁷⁴. Эти групповые субъекты в социодраме выходят на прямой контакт как со **внешними** силами (например другой организацией), так и со **внутренними** силами (например внутренними подразделениями или групповыми субъектами корпоративной культуры). Одновременное видение, контакт и взаимодействие со внешними и со внутренними силами (которые есть в любом диалоге) делает эту интеракцию весьма креативной. «Сущность социальной организации состоит в произрастании общества из интеракции его членов. Это определение можно перевернуть и оно не утратит своей верности: сущность социальной организации состоит в произрастании интеракций из почвы общества. Какой из способов рассмотрения будет уместен, целиком зависит от позиции наблюдателя» (5). Причем «произрастание» продолжается непрерывно: новые отношения не отменяют старых, новый социальный порядок вырастает из старого, новая реальность включает в себя старую, расширяя выбор и тем самым создаются возможности для образования более сложных социометрических структур (треугольники, четырехугольники, цепи и др.). Один и тот же субъект, участвуя в разных отношениях, может быть одновременно и в развитой структуре и в неразвитой и постольку быть одновременно в разной степени развитых организациях. Эти организации (структуры) *генетически* связаны и **принцип**, регулирующий этот рост и развитие Морено называет **социогенетическим**⁷⁵ и незнание этого принципа, к сожалению, всегда приводит к нарушению экологического равновесия общества, например реформами прогрессистского плана, внедряемыми по аналогии с инженерными инновациями, когда новые отношения, новое общество строится как инженерное сооружение.

«У философов всегда так:
или *что* без *кто*, или *кто* без *что*»

⁷⁴ так например, в современной социологии организации принцип объединения часто подчиняется формальной структуре, или, например, принцип иерархии - классовый или управленческий – это направление, аналогичное психоанализу, но на социологической почве (см. выше).

⁷⁵ Вместе с социодинамическим и другими законами (тенденциями) он входит в особую дисциплину – соционию (см. ниже)

С.Кржижановский

Три аспекта (измерения) социальной организации.

Всякое групповое действие (любое жизненное, в том числе и не драматизированное концентрированное) имеет два главных аспекта - фактора, составляющих в отношении друг к другу диалектическую разность (см. таблицу).

Драматический аспект (фактор)	Социометрический аспект (фактор)
Драма как сюжетно-событийная сторона действия, содержание (тема, повод, сам критерий) общения	Группа в узком смысле: а) как творческое начало, присутствующее здесь и теперь, заведомо существующий живой креативный субъект б) как актерско-субъектная сторона действия
Структура действия, связывающая отдельные переживания в различных ситуациях в единое целое	Структура общения по конкретной теме, связывающей общие темы субъектов-участников и разделяющая различные
В психодраме	
Выбор протагонистом сцен, сюжета и акцентов действия (с правом вето)	Выбор протагонистом исполнителей ролей в своей психодраме
Динамика разделения или объединения сюжетных линий, фаз и поворотов их развития, и тем самым жизненных линий	Динамика отношений персонажей, ролей и тем самым в конечном счете игроков и людей
В социодраме	
Выбор группой своего главного сюжета или социогенетика данной групповой организации и ее реальности. А также эволюция игрового сюжета.	Выборы внутри группы по критерию, который ясен из действия, то есть социодинамика . А также ролевая дифференциация в игровом сюжете.

Истинно групповое действие синтезирует диалектические противоположности своих двух факторов, групповая реальность создается в действии. Поэтому групповая моренотерапия может пользоваться методами, берущими начало в каждом из аспектов: социодрама и психодрама – в драматическом, социометрия – в социометрическом. Именно поэтому групповая моренотерапия может менять (или искать) сюжет, в котором меняются социометрические статусы, и искать новое в каждом субъекте, новые части и скрытые фигуры в известных фигурах и персонажах. Групповая моренотерапия идет одновременно и **вглубь** субъекта (и тогда она приобретает психодраматический уклон), и **вовне** субъекта (и тогда она приобретает социодраматический уклон), но в целом имеет в виду оба направления исследования и синтезирует их. Поэтому она всегда может связать часть и целое, например, индивида и семью или группу и группу.

Три аспекта или три измерения социального		
Выбор сюжета, драматической логики действия. Выбор групповых критериев	Восстановление целостности группы и целостной общей реальности. Терапия всего человечества.	Сюжет выбора. Выбор участников и персонажей по критериям группового выбора
Что происходит (структура всех «что» и их интеграция)	Групповое действие, Интегрирующее все «Кто» и все «Что»	С кем происходит (структура всех «кто» и их интеграция)
Социопсиходрама (или психосоциодрама)	Групповая моренотерапия	Социометрия

«С эвристической точки зрения имеет значение деление социальной вселенной на три тенденции, или измерения: **внешнее общество, социометрическая матрица и социальная реальность**. Под внешним обществом я имею в виду все осязаемые и видимые группировки, из которых состоит человеческое общество: большие или малые, официальные или неофициальные. Под социометрической матрицей я подразумеваю все социометрические структуры, невидимые макроокупомическим глазом, но становящиеся видимыми после социометрического анализа. Под социальной реальностью я имею в виду динамический синтез и интерпретацию первых двух. Очевидно, что ни матрица, ни внешнее общество не являются реальными и не могут существовать сами по себе - одно есть функция другого. Как диалектические противоположности они должны каким-то образом слиться, для того чтобы получился действительный процесс социальной жизни» (стр. 178). Эти три измерения мы можем проследить далее в теории социальной организации, ее функционирования и развития. Подход Морено может внести ясность в понимание социальной организации.

Внешнее общество	Социальная реальность	Социометрическая матрица
Драматический аспект	Групповая реальность	Социометрический аспект
Креативность субъекта	Культурный консерв	Спонтанность выбора

Действуя в классическом зале, можно было бы проследить фундаментальную связь и далее: внешнее общество начинает меняться (как бы «отслаиваясь») через основной терапевтический прием – **дублирование**, которое меняя внешнее «что», вскрывает подтекст общения, теневую сторону ситуации и провоцирует креативность субъекта. Социометрия помогает найти роль, противоположную своей (см. предисловие) или фигуру-антагониста в группе (не обязательно символическую), увидев которую субъект (человек или группа) может сделать **обмен ролями** и тем самым выйти на полное понимание позиции Другого, приближение к реальности и новую интеграцию (новое «кто»). При драматизации все «что» внешнего общества превращаются в действующие лица, играющие концентрированную социальную реальность, складывающуюся вообще (не только в игре) как компромисс между влиянием глубинной структуры социоэмоциональных течений и внешним обществом, которое этому сопротивляется (игра на время снимает это сопротивление, но в жизни оно всегда остается и это естественно, иначе ничем не ограниченная креативность превратит бесконечное творчество мира в бытие без мира, без объектов и без субъектов). В том случае если ситуация все больше напоминает реальную, протагонист может из такой почти реальной ситуации выйти **в зеркало** и таким образом субъект видит себя со стороны. Любая интеграция со внутренними фигурами и вновь выявленными «кто», **новая интеграция** может быть проверена на выживаемость (прочность) с помощью теста на реальность.

Социодраматист, например, может, используя предварительные социометрические и драматические данные о группе (например данные организационной диагностики), учитывая главную задачу контракта с группой (например консультант-клиентского договора (см. 17), повлиять на действие, либо предложить группе попробовать новый поворот сюжета, проверить его на реальность. Или предложить двум сторонам (группировкам) конфликта поискать новый взгляд на диалог с противоположной стороны, то есть сыграть роль оппонента (антагониста) и таким образом понять его (их). После обмена ролями обычно с обеих сторон меняется «кто», то есть представления друг о друге и игра принимает новый оборот с новыми субъектами. В социодраме могут появиться новые соционимы (новые имена социальных качеств), что сразу же влияет на рисунок групповой или индивидуальной роли. Участники могут выбирать из нового спектра, появляется совершенно новая социодинамика, возможны новые исполнители ролей, «перебежчики» в подгруппу-антагонист и новые «солисты». Все они могут просто

двигаться в социометрически «заряженном» поле или построить спектрограмму, расположившись на предложенной ведущим шкале (по данному критерию). С одной стороны социодраматист исходя из уже произошедшего действия (и уже сделанных выборов) обобщает (драматизируя) *критерии выбора*, которые уже существуют в групповой реальности в невыраженном виде. С другой стороны социодраматист, исходя из уже использованных (в данной социодраме и до нее, из диагностики) критериев, обобщает тенденции в выборах и направления выбора, как выраженные, так и невыраженные и предлагает группе новое развитие действия.

Иначе говоря, возможны два основных вида «ответов», которые дает социодрама, неразрывно связанных между собой (см. таблицу). Здесь «Кто» может быть любым (в психодраме дверь может разговаривать, а в социодраме страна может подать голос и ответить на вопросы) и у персонажа драматической игры могут быть любые качества (и вообще все «что», ведь в драме все возможно). Как в драме, так и в любом обществе **кто** угодно (любой субъект) может почувствовать **что** угодно от любого субъекта (в том числе вымышленного) и будет частью социальной реальности данного субъекта (*социальное вчувствование, эмпатия*). Так же **кто** угодно может приписать кому угодно **что** угодно (*социальный перенос*), что всегда отражается на социальных отношениях, их прозрачности и взаимности. Чем больше влияния имеет субъект, генерирующий данную социальную реальность (чем выше его социометрический статус здесь и теперь), тем реальнее будут все, что он генерирует, что становится социально значимым в жизни, которая в драме лишь концентрируется. **Социальные качества** (соционимы⁷⁶) могут становиться именами групп любого масштаба и ложиться в основу **социальных архетипов** – культурных «консервов», устойчиво существующих у каждого, кто социализирует свои представления о людях и, естественно, связях между качествами. Вот простой пример социального архетипа ребенка: «люди могут быть взрослыми и маленькими, щедрыми и жадными, добрыми и злыми, сильными и слабыми...». Еще нет иерархии между качествами и парами качеств. Но вот досталось от «сильных» и это качество становится важнее, чем, например, «щедрые», происходит переранжировка качеств а потом они (приобретая как, правило, вид ценностей) «слипаются» в жесткие стереотипы, новые иерархии, связывающие разные чувства: «сильные» бывают «злыми», а добрые – всегда щедрые и т.д. Качества теперь отрываются от конкретных людей и становятся ценностями: «Щедрость вообще», Жадность, Сила, Совесть, Демократия и т.д., которые становятся частью теоретических и идеологических конструкций, присваиваются целыми группами. Социальные архетипы у взрослых работают точно так же как у детей, их легитимизируют, делают более сложными, распространяя из одной интеракции на целый свет, обосновывают с научной скрупулезностью.

Может быть об этом и не стоило бы здесь говорить, если бы не широчайшее использование социальных архетипов социологами и всеми представителями социальных наук. В самом деле: на каком основании обосновывается в каждом исследовании репрезентативность выборки? Почему берутся, например, возраст, пол, профессия, доход, образование – возможно, весьма важные качества, но не гарантирующие равномерности социального пространства (см. стр. 91)? Точно тот же вопрос можно отнести к результатам любого опроса, ибо ответ в анкете – так же перенесенное социальное качество, выбранное из предложенных исследователем. Почему связи между социальными качествами, статистически рассчитанные для данного социума, должны быть автоматически перенесены на другие части человечества? И что вообще можно сказать о людях, как-то повлиявших на общий статистический результат, который все равно остался для них чужим? В итоге складывается новый социальный консерв социолога, совершенно не учитывающий социальной спонтанности объекта и не испытывший влияния его креативности. Даже огрубленное и искаженное формализацией,

⁷⁶ Конечно, социальное качество – это не только имя (соционим)

групповое действие не может прорваться через создаваемые «культурные консервы» и все реальные «Кто» и «Что» не встречаются⁷⁷. Повсеместно используются утонченные и усложненные формы исследования, «...но это не имеет ничего общего с важнейшими формами социометрии, в которых компонентам *socius* и *metrum* придается одинаково большое значение» (стр. 91).

Драматический фактор (Социальное качество)	Социометрический фактор (Социальное количество)
Что происходит (произойдет)? Что произойдет если. . ? Что происходило. . ? Какой (какая) он (она) ? Какие они ?	Кто окажется... Кем окажется, с Кем окажется(оказался)? Кто будет Кем (с Кем) в какой ситуации? Кого искать (через Кого искать)? Кто может сделать это?
Выбор критериев («Добрый» важнее, чем «Умный»)	Критерии выбора («все Добрые — Сильные» или «ты - Добрый»)
Появление в игре (в общении) имен-соционимов и персонажей (ролей), возможна иерархия (их ранжировка)	Общение персонажей (ролей), играемых участниками, их отношения, коллизии, изменяющие сюжеты (архетипы) и их самих
появление новых субъектов и персонажей →	← появление новых ситуаций и событий

В последние десятилетия стали развиваться качественные исследования, осмысляющие и даже измеряющие эти феномены, однако формализация остается за исследователем (считается, что объект сам себя не может формализовать, оформить свою спонтанность). Респондентам (например участникам фокус-групп) предлагается проранжировать какие-либо качества (или, например, каких-то людей по какому-то качеству). В каких-то случаях ранжируются предметно-ценностные ориентации и потом подсчитываются корреляции между ранжировками участников (этот метод можно было бы назвать **референтометрией**), что при сочетании с социометрией дает определенную целостность и органичность по отношению к группе. Вероятно, можно связать это с тем, что Морено говорит об отношении к вещам и отношении к лицам (стр. 101). В таком случае референтометрия – это отношение к «вещам», а социометрия – отношение к лицам⁷⁸. Социометрия становится как бы «сознанием» группы, а референтометрия – как бы ее «подсознанием». Причем оба метода можно отнести к типу **органических**⁷⁹ социальных измерений, всегда зависящих от какой-то целостности (например) группы или личности (если проводится проективная психологическая диагностика или классификация). **Оценочные** социальные измерения (близкие в вопросным тестам в психодиагностике) вообще не относятся к ценности и не выявляют отношения, они лишь количественно обосновывают связь между оценками авторов опроса и опрашиваемых, тогда как наиболее качественные из органических измерений (например, социометрия) дают целостную картину, которую уже не нужно обосновывать количественно. Органические измерения отличаются также тем, что делают основной акцент на ситуации, тогда как оценочные – норме, которая в этом случае берется извне и привносится в ситуацию измерения. Современная социология уже стремится к синтезу оценочных и

⁷⁷Кстати нужно учесть и «кто» того социолога, который действительно хочет встретиться со своим исследуемым визави

⁷⁸ Морено пишет о том, что встречается отношение к лицам, которое по сути оказывается отношением как бы к вещам, непсонифицированное или «влечение к лицам в силу их групповых черт» (стр.103-105)

⁷⁹ О разделении социальных измерений на органические и оценочные см. (15, стр. 276)

органических измерений, например ситуационно-нормативный критерий⁸⁰, синтезирующий в себе преимущества нормативного (оценочного) и ситуативного (органического) подходов. На уровне социометрии и социодрамы примером такого синтеза является социатрия (организационная арттерапия).

Социометрия и социодрама связывают **социальное качество и социальное количество** через **меру** групповой реальности и они, может быть, связаны **мерой общения**. Социометрические критерии становятся общим социальным качеством участников, которые выбирают кого-то как бы по этому качеству. Но сам выбор – есть социальное количество, определяющее меру реальности этого качества. И выбранное «что-то» начинает действовать в социодраме, развивать всех «кто-то», изменять сюжеты, менять смысл и значение качеств, способствовать переоценке ценностей (отношений к вещам). Выходя из новых витков жизненной драмы, все «кто» смотрятся друг в друга и видят, что это уже новые «Кто», с новыми групповыми статусами и, естественно другими предпочтениями. Теперь они выбирают других «кто» для других «что». Меняется не только выбор, но и критерий выбора, а, значит, и сама ситуация. Меняется группа. Изменяется жизнь.

Морено различает три вида межличностных и межгрупповых отношений, создающих в итоге феномен выбора, притяжения и отталкивания: **вчувствования, переноса и телеотношения** (см. книгу Грете Лейтц, стр. 47-58). Из этих трех типов только теле является реалистическим типом отношений, которое возникает в группе как один из результатов драмы. Оно является реалистическим поскольку единственное из трех – двустороннее, взаимное, то есть становится в результате полной интеракции, взаимодействия двух реальностей. «Теле ответственно за усиление интеракций между членами группы и более частую, превышающую вероятность, взаимность выборов» (5). Для существования социального качества достаточно первых двух типов – вчувствования и переноса (кто запретит переносить **что** угодно на **кого** угодно?), но **мера** существования этого качества будет ограничена полной (двусторонней) интеракцией с объектом переноса, который теперь уже становится субъектом, а отношения – субъект-субъектные. Мера социальной реальности этого качества определяется его количеством, то есть *выбором*, который делает приписывающий (тот, кто переносит на другого) субъект в выборе объекта переноса и в конечном итоге *выбором* того субъекта, которому что-то приписывается (неважно кем). Оба проверяют на реальность социальные качества, проявляющиеся в общении⁸¹, и тогда создается реальность данной интеракции («здесь и сейчас»), реально взвешивается «стоимость» социальных качеств, всех «что», и эта стоимость меняется в силу **социодинамического** эффекта неравномерности выборов (см. 6, стр. 44): у кого –то появляется «прибавочная стоимость», притягивающая к нему дополнительные выборы, у кого-то стоимость его качеств (качества) снижается и он привлекает меньше выборов. (Это относится к одной интеракции по одному критерию). Став реальностью, «стоимости» (или статусы) передаются дальше по психосоциальной сети, даже к незнакомым людям за счет сетевого или «цепного» эффекта, открытого Морено. Из этого следует очень много выводов, вот хотя бы один из них: невозможно

⁸⁰ Имеется в виду критерий, разрабатываемый для конкретной ситуации, действующий в течение данного времени для данной организации или социума (см. критерий эффективности В.Щербины (19)

⁸¹ По крайней мере одно из социальных качеств у них должно быть общим, общаться могут только субъекты имеющие хоть что-то общее, пусть даже только в одной интеракции (участие – тоже качество)

создать закрытую социальную систему с жестко фиксированным социальным качеством ее членов – при передаче социальное качество конвертируется, изменяется от человека к человеку, сколь долго они бы его не уточняли. Любой способ приема (или изгнания) социальной системой человека по точно определенному социальному качеству (ценности) обречен на превращение системы опять в открытую или насильственного ее закрытия (хотя, конечно, физическое закрытие отнюдь не означает полного отграничения и жесткой фиксации социального пространства).

В современной литературе понятие «социальная организация» используется в трех значениях⁸²: 1) Объект (наиболее часто употребляемое значение — «в организации», «социология организациЙ») 2) Процесс («организация живет, изменяется») 3) Результат («реальность данной организации», «степень организованности, упорядоченности», «сила реальности», критериальность, нормативность и культура данной организации»). К сожалению, 1-е значение стало превалярующим, определяющим стало отношение к социальной организации как к объекту, социотехнической системе, объекту исследования и интервенции (в нашей классификации ему соответствует значение – «субъект»). Однако в реальной действительности организация как живое и жизнеспособное целое существует в единстве всех трёх смыслов. Правильнее было бы говорить о трёх формах-проекциях одного и того же живого единства на три плоскости (подобно семантическому треугольнику, соединяющему любой предмет реальности с его именем и его значением (понятием, смыслом)⁸³. При этом видится некоторое соответствие трём фазам группового действия в драматическом подходе (см. выше табл. 3). Это означает, что те или иные фазы группового действия (как циклического процесса) наиболее предпочтительны в соответствующих фазах жизненного цикла организации: разогрев сначала заставляет организацию сконцентрировать свою обычную жизнь, увидеть её целиком и *функционировать*; драма (интервенция, изменение) расконсервирует (размораживает) организационный порядок, установки, ценности, жесткие связи и создает новые связи, порядки, культуру, повышает сплоченность на новые цели, готовит новую кооперацию и *соорганизацию*; консервация новых связей, новых взглядов, ценностей, целей приближает к жизни игровое (драматическое) содержание, дает основу для *реорганизации* или создания новой организации.

Организация как процесс	Организация как результат	Организация как субъект
Организация общения	Организация реальности	Организация сообщения
Функционирование	Реорганизация	Соорганизация
→ разогрев →	→ действие	консервирование
		разогрев

Эффективность организационных изменений и организационной терапии часто коррелируется с ростом «эффективности организации» - что само по себе весьма неопределенное понятие, особенно если учесть 3 значения слова «организация», 3 формы социальной организации. У каждой из форм есть своя эффективность, природу которой легче показать по аналогии с архитектурным сооружением (по формуле Витрувия: польза-прочность-красота). И тогда суммирование этих трех показателей дает общую комплексную эффективность организации. Но здесь главное преимущество такого

⁸² Близкие аналоги есть у А.И.Пригожина (21) и В.В.Щербины (19)

⁸³ См. о семантическом треугольнике (24, стр. 181)

подхода видно в другом: через образы (может быть даже лучше, чем через показатели) легче понять различие и единство взглядов на эффективность «сердца» любой организации, ее концентрированного выражения – группового действия:

Организация как процесс	Организация как результат	Организация как субъект
Эффективность организации как продуктивность (как бы «польза здания»)	Эффективность организации с точки зрения внешнего общества (как бы «красота здания») и как направленность сплоченности	Эффективность организации с точки зрения внутренней среды, (как бы «прочность» здания)
Польза группового действия	Красота группового действия	Прочность (долгая жизнь) группового действия

Пользу группового действия можно было бы трактовать как продуктивность дополнительной реальности, как уровень достигнутой креативности всего субъекта, как масштаб и глубину обновленных внутренних и внешних связей (сетей), как прогресс в отношениях, как глубину опыта «Ты» и др. Красота любого группового действия – есть не только аналогия, но и в прямом смысле красота (частный случай которой порождает чувство прекрасного от театрального действия) группового действия, которая может быть воспринята независимо от степени внешнего участия в действии каждым из членов группы и само по себе имеет большой терапевтический эффект. Красота также является дополнительным самоорганизующим началом драмы, то есть она принципиально отличается от эффектности шоу уже тем, что она создается всеми, ее творят все и все её могут созерцать. Поэтому Морено говорит о публике как одной из составляющих частей драмы (где «публика» - одна из групповых ролей участников). Прочность данного группового действия может быть видна ещё до его консервации, до шеринга, в определенной «жизненности» ролей, по чувству законченности действия, в тесте на реальность, в прочности обнаруженных связей и новой драматической логики протагониста, в силе новой реальности и её живучести. Прочной драме суждена долгая жизнь а не просто воспоминания. Резюмируя, можно было бы добавить, что здесь видна прямая связь с мореновской триадой «спонтанность-креативность-культурный консерв», поскольку оценить пользу группового действия легче по креативности, красоту – по спонтанности, а прочность – по качеству культурного консерва.

Погружение : встреча с субъектом.

До сих пор ещё очень сильна позитивистская традиция, стремящаяся к естественнонаучной «чистоте» и «точности» социального эксперимента и поэтому всячески отгораживающая исследователя от исследуемых ради «объективности», появляющейся в силу «отодвигания от объекта»⁸⁴ (18, стр. 99). Но в любом социальном и психологическом исследовании такое «отодвигание» абсолютно бесполезно, ибо невозможно ничего изменить и даже узнать о социальном объекте «в белых перчатках». Всегда неизбежны именно субъект—субъектные, а не субъект—объектные отношения, сколько бы мы не дистанцировались от объекта, нам всё равно иметь с ним отношения и лучше, чтобы это были отношения **равноправного диалога**, открыто признающие, что по «ту сторону» — такой же сложный субъект, как и я.

Погружение само по себе есть процесс творческий, сложный и слабо формализованный. Наверное невозможно создать технологию погружения в любой объект. Без интуиции, равно как и без знаний, общих для данной группы, ключевые

⁸⁴ А.Ицхокин, сравнивая глубинные основы мышления Запада и Востока, приводит пример, символизирующий само отношение мыслящего к любому объекту: для Запада объект – абстракция, созданная для теоретического действия, на Востоке - «любовь к объекту» и даже растворение в нем (18)

фигуры (и проблемы) определить невозможно. Их веса по влиянию на групповую реальность и на восприятие исследователя никогда не бывают равными. И определяя путь погружения, трактовку понятий, разгадывая внутренний сюжет, конкретизируя вопросы, которые мы задаём данной реальности, мы берём на себя огромную ответственность. Находясь внутри групповой ситуации, мы уже не можем дать некий социологический **текст вообще** (это могут быть выводы, отчёт, проекты решений), а только текст, имеющий конкретную значимость для данной группы и данной ситуации. Однако сразу же возникает вопрос: “А как сделать такой текст (дискурс) общезначимым, понятным и для тех, кто находится вне данной ситуации?” (И тем самым, может быть, соединить качества диагностического и исследовательского результата).

Конечно, погружение в уникальность объекта может продолжаться бесконечно ибо познание не имеет границ. Однако это ведь только для исследовательских задач. Задачи диагностики и консультирования требуют оптимальной глубины погружения в объект — ни больше, ни меньше. Консультанту и терапевту нельзя ни «утонуть» в подробностях жизни, ни всецело «провалиться» в реальность субъекта. При этом должны соблюдаться те же требования к методам работы, что и в науке: воспроизводимость, проверяемость, измеримость, объективность (как общезначимость) результата, адекватность природе объекта и ситуации, в которой находится объект, и другие требования. То есть методология гуманитарной науки и практики требует погружения, но не растворения в объекте (субъекте). Позиции исследователя и консультанта не только совместимы в одном субъекте-социодраматисте, но и должны взаимодействовать друг с другом.

Гуманитарное консультирование (социологическое, управленческое, организационное, психологическое) всегда требует не столько опознания черт объекта, объединяющих его с другими объектами, сколько глубокого погружения в единичную и неповторимую сущность *данного* объекта и именно этим оно может быть полезно гуманитарной науке. Возможно, науки о культуре, постепенно сближаясь с искусством, станут все более похожими на консультирование и поэтому **диалогичными** по своей методологии и методам. Ведь в *социальном* исследовании все субъективно: интерес исследователя-субъекта, способ выделения предпочтительной реальности и исследуемых социальных качеств и страт, выбор предмета и метода общения с объектом. Но и объект в социальной реальности всегда является каким-либо субъектом (группой субъектов), имеющий все (в том числе и вышеперечисленные) черты субъективности, что и любой субъект. У него всегда свой взгляд на ситуацию, которая пока еще не всегда интересует исследователя или консультанта, свои представления о способе общения, своя реальность. Жаль, что многие исследователи (и даже консультанты!) не видят этой величественной фигуры.

А увидеть фигуру напротив намного легче не в субъект-объектных отношениях (исследователь—объект), а в субъект—субъектных (консультант/исследователь—заказчик/исследуемый). Отношения эти есть всегда, но далеко не всегда они осознаются и почти никогда они не устанавливаются «на равных». Ведь отношения с объектом становятся общезначимой наукой не в силу объективности существования объекта и его черт (гуманитарный объект (как и предмет) совсем не объективен), а по мере вовлечения в живой субъект—субъектный диалог всё большего количества субъектов, которых **действительно интересует** проблемная ситуация и её конкретная групповая реальность. Слишком часто, к сожалению, исследователи (и даже консультанты) хотят видеть ситуацию интеллектуально выхолощенной и претендуют на квалифицированный взгляд, не пытаясь вчувствоваться в драму реальных людей (не Homo sociologicus), находящихся внутри данной ситуации. Здесь находится и **пользователь** гуманитарного знания — это тоже важная сторона диалога исследователя и исследуемого, диагноста и диагностируемого, проясняющего ситуацию и участника ситуации, консультанта (разработчика, проектанта, организатора переговорного процесса, идеолога) и заказчика.

Даже в себе самом Исследователь не видит Заказчика на исследование. А он есть всегда, только гуманитарии не отделяют его внутри себя от всего остального, человеческого (и от Исполнителя внутри себя). И, естественно, легко попадают в зависимость (не всегда осознаваемую) от внешней, уже вполне *конкретной фигуры*, реальность которой некоторые умудряются отрицать и даже вовне своей личности. Сколько красивых слов сказано о независимости исследователя! Но, только установив хороший контакт (а предпочтительнее — диалог) с этой фигурой вовне (а ещё лучше также и с аналогичной фигурой внутри себя), продолжая диалог с Заказчиком, можно действительно стать **независимым** исследователем или консультантом⁸⁵ (а никто и не может быть *абсолютно* независимым). Ведь такой диалог невозможен без внутреннего диалога человеческого «Я» и профессионального «Я». При напряжении этого диалога исследователю приходится выбирать между ними. Вот почему их диалог (и все внутренние и внешние диалоги) и есть — подлинно гуманитарная наука и подлинная Встреча с непознанным (в том числе и в самом себе). Впрочем, трудно добавить что-то к тому, что сказали об этом М.Бубер (12), М.Бахтин (13), Я.Морено.

Роман Золотовицкий

Литература.

17. Морено Я.Л. Социометрия . М. 1958
18. Морено Дж. Театр спонтанности. Перевод с английского под общ. ред. Б.И.Хасана. Красноярск 1993. (Moreno J-L- Das Stegreiftheater. 1 Aufl. Berlin-Potsdam Gustav Kiepenheuer 1923)
19. Moreno J.L. : The first Book of Group Psychotherapy, 1. Ed. Beacon (N.Y.): Beacon 1932.
20. Moreno J.L. Who Shall Survive? Foundations of Sociometry. Group Psychotherapy and Sociodrama/Beacon (NY) Beacon House 1953
21. Moreno J.L.: Die Grundlagen der Soziometrie. Wege zur Neuordnung der Gesellschaft. Köln-Opladen: Westdeutscher Verlag 1954.
22. Лейтц Грета. Психодрама: теория и практика. Классическая психодрама Морено. М. Прогресс 1994г.
23. von Wiese L.: Kölner Z. Soziol. 1, 1948.
24. Левада Ю.А. Статьи по социологии М. 1993г.
25. Волков И. Основы социометрии. Ленинград. 1970.
26. Teirich H.R. Gruppentherapie und Gruppenpsychotherapie, Versuch einer Abgrenzung. Psyche 3. 1959
27. Онтосинтез социальной реальности. Сборник под ред. В.С.Дудченко. М. Изд. «Икар» 1998г.
28. Бубер Мартин (Мордехай). «Я и Ты» Два образа веры М. Республика. 1995
29. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М.1975
30. Золотовицкий Р. Групповая реальность и ее синтез. \ \ «Онтосинтез социальной реальности». Сборник под ред. В.С.Дудченко. М. «Икар» 1998. Стр.245-260
31. Золотовицкий Р.А. Социодрама как социологический метод управленческого консультирования. \ \ «Онтосинтез социальной реальности». Сборник под ред. В.С.Дудченко. М. «Икар» 1998. Стр. 261-295
32. Waniorek L&A. Mobbing: wenn der Arbeitsplatz zu Hoelle wird. Muenchen (русский перевод –Ваниорек Л. и А. Моббинг: когда работа становится адом. АО Интерэксперт. М. 1996
33. Золотовицкий.Р.А. Миф о клиенте.\ \ «Консультант директора» №18 1998

⁸⁵ О независимости исследователя и внешнего консультанта см. «Мемуары младенца» (23)

34. Ицхокин А.А. Релятивистская теория социальной ценности и “свободная от ценности” теория социальной организации. Социологический журнал. №3 1995 года. Стр. 86—109.
35. Щербина В.В. Социология организаций \ \ Социология труда под ред. Н.И. Дряхлова, А.И.Кравченко, В.В.Щербины М. 1993
36. Щербина В.В. Что такое организационная экология? \ \ Социологические исследования, 1993 №2
37. Пригожин А.И. Социология организаций. М. «Наука»1980
38. Moreno J.L. Rede vor dem Richter. Berlin-Potsdam. Gustav Kiepenheuer 1925
39. Золотовицкий Р.А. Мемуары младенца. \ \ Консультант директора, №13, 1998
40. Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. С-Пб 1996
41. Кржижановский С.Д. Воспоминания о будущем. «Моск. рабочий» 1989